

Министерство образования и науки Российской Федерации
Дальневосточный федеральный университет

**РОССИЯ В АТР:
РОЛЬ, ИНТЕРЕСЫ
И ПРИОРИТЕТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
И УСКОРЕННОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО
РАЗВИТИЯ**

Монография

*Научный редактор С.В. Севастьянов
Под общей редакцией А.Б. Волынчука*

Владивосток
Дальневосточный федеральный университет
2016

УДК 339.924(470:5:265)

ББК 65.54(59:94)Р64

Р74

Выполнено в рамках Государственного задания Министерства образования и науки РФ по проекту №1430 «Формирование нового международного порядка в Азиатско-Тихоокеанском регионе и национальные интересы России».

Рецензенты:

В.А. Осипов, д-р экон. наук (Владивостокский государственный университет экономики и сервиса)

С.К. Песцов, д-р полит. наук (Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток)

Россия в АТР: роль, интересы и приоритеты обеспечения региональной безопасности и ускоренного экономического развития : монография / науч. ред. С.В. Севастьянов ; под общ. ред. А.Б. Волынчука. – Владивосток : Дальневост. федерал. ун-т, 2016. – 240 с.

ISBN 978-5-7444-3933-0.

Монография посвящена результатам коллективного исследования современных проблем и тенденций трансформации существующего международного порядка в Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанском регионе, а также интересов и роли России в этом процессе. Рассматриваются актуальные вопросы стратегии российского «поворота на Восток», политика и новые механизмы ускоренного развития Дальнего Востока страны, ключевые направления экономического сотрудничества РФ со странами СВА, а также роль и возможности России в обеспечении безопасности АТР.

Будет интересна политологам-международникам, регионоведам и специалистам, занимающимся вопросами политического и социально-экономического развития стран АТР.

Ключевые слова: Россия, российский Дальний Восток, Азиатско-Тихоокеанский регион, национальный интерес, интеграционные процессы, энергетическое сотрудничество, военно-морское сотрудничество, региональная безопасность, международные организации Восточной Азии и АТР.

УДК 339.924(470:5:265)

ББК 65.54(59:94)Р64

Введение

В декабре 2016 г. завершился исследовательский проект «Формирование нового международного порядка в АТР и национальные интересы России», выполненный в рамках Госзадания Министерства образования и науки РФ под руководством научного редактора данной монографии. Его участниками стали сотрудники научной лаборатории международных институтов и многостороннего сотрудничества АТР и преподаватели кафедры международных отношений Восточного института – Школы региональных и международных исследований ДВФУ. Научные результаты проекта нашли свое отражение в серии научных статей и двух монографиях. Первая из них «Конкурирующие модели и современные тенденции восточно-азиатского и азиатско-тихоокеанского регионализма» была опубликована в конце 2014 г. и была посвящена актуальным вопросам теории и практики современного регионализма и инициативам ведущих государств по формированию его моделей в АТР.

Новая работа развивает предыдущую монографию, продолжая исследование современных тенденций трансформации международного порядка в Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанском регионе, при этом основной фокус в ней сделан на комплексной оценке интересов и роли России в этом процессе. В монографии рассматриваются актуальные вопросы стратегии российского «поворота на Восток», политика и новые механизмы ускоренного развития Дальнего Востока страны, ключевые направления экономического сотрудничества РФ со странами СВА, а также роль и возможности России в обеспечении безопасности АТР. Для полноты охвата тематики к сотрудничеству в подготовке монографии, помимо специалистов ДВФУ, были приглашены несколько экспертов из других университетов Владивостока (ВГУЭС, МГУ им. адм. Невельского).

Общепризнано, что важнейшим мероприятием, позволившим России продемонстрировать свои интересы и приоритеты в АТР, стало проведение саммита АТЭС во Владивостоке в сентябре 2012 г. По его итогам был принят ряд важных правительственных решений, направленных на расширение сотрудничества со странами-соседями по региону и улучшение инвестиционного климата дальневосточных территорий РФ в целом. В послании Федеральному Собранию 12 декабря 2013 г. Президент РФ Владимир Путин отметил, что «разворот России к Тихому океану, динамичное развитие всех наших восточных территорий не только откроет нам новые возможности в

экономике, новые горизонты, но и даст дополнительные инструменты для проведения активной внешней политики»¹.

По оценке научного редактора монографии, с проведением в 2016 г. второго Восточного экономического форума (ВЭФ), завершился период прямого институционального воздействия саммита АТЭС во Владивостоке (подготовка к нему началась в 2007 – 2008 гг., а прошел он в сентябре 2012 г.) на проблематику экономического вхождения России в АТР в целом и ускоренного развития российского Дальнего Востока, в частности. С этого времени эта ответственная роль перешла к ежегодным ВЭФ.

Сегодня мы можем прояснить, насколько оправдались оценки того, что саммит АТЭС мог бы принести России, а также провести предварительный анализ того, что уже удалось выполнить из принятых по его итогам решений. В 2008 г. были основания полагать, что запланированная программа по подготовке к саммиту АТЭС позволит решить важную тактическую задачу – качественно улучшить инфраструктуру города Владивостока и превратить его в один из центров международного сотрудничества в АТР. В более широком плане предполагалось, что подготовка и проведение саммита дадут возможность гражданам России больше узнать о деятельности АТЭС и значимости этого института для страны, и главное – могут быть созданы предпосылки для активного вовлечения Сибири и Дальнего Востока в интеграционное пространство Северо-Восточной Азии².

Каковы же оказались итоги саммита? В актив следует занести то, что он позволил руководству и деловой элите страны обсудить взаимовыгодные проекты экономического сотрудничества с партнерами из государств АТР, а также привлечь внимание к этой части страны в самой России и за рубежом. Что касается создания предпосылок для вовлечения в интеграционные процессы СВА, то в прямом смысле эта цель не была достигнута. В то же время – это международное мероприятие стало катализатором для выработки решения давно назревших внутрироссийских проблем. Содержание дискуссий и слабые инвестиционные результаты саммита продемонстрировали, что неблагоприятный инвестиционный климат Дальнего Востока РФ не устраивает ни российских, ни зарубежных бизнесменов. На основании этих оценок Президент РФ В. Путин поставил перед правительством страны неотложную задачу – сфор-

---

¹ Путин В.В. Послание Президента Федеральному Собранию. 12 декабря 2013 г. <http://www.kremlin.ru/news/19825>

² Севастьянов С.В. Институты азиатско-тихоокеанского и восточноазиатского регионализма: динамика развития, проблемы и интересы участников // Россия и АТР. 2008. № 3. С. 82-94.

мулировать на основе новых организационных и экономических подходов комплексную стратегию развития Дальнего Востока и Забайкалья³.

Кроме того, была реализована крупномасштабная программа развития инфраструктуры Владивостока, что по мере её дальнейшего совершенствования постепенно превратит его в один из значимых центров международного сотрудничества в АТР. Решению этой задачи и мировой узнаваемости Владивостока весьма способствовало решение руководства страны о проведении здесь ежегодного Восточного экономического форума. На его сессиях подробно обсуждаются новые механизмы, разработанные и уже реализуемые Правительством РФ для повышения инвестиционной привлекательности региона, а также конкретные инвестиционные проекты, в реализацию которых российские и иностранные инвесторы могут вложить свои капиталы.

Заслуживает внимания, что этот форум очень быстро нарастил свои институциональные характеристики, всего за год пройдя путь от регионального форума с участием первого лица государства (первый ВЭФ, сентябрь 2015) до регионального саммита с участием трех ведущих государств (второй ВЭФ, сентябрь 2016).⁴ Показательным в этом смысле будет третий ВЭФ (сентябрь 2017 г.), который, в идеале, может стать полноформатным межправительственным саммитом экономического сотрудничества СВА. В случае реализации подобного сценария, идея широкого сотрудничества РФ со странами СВА в развитии российского Дальнего Востока во благо всего региона может стать объединяющей и работающей на формирование общей (пока ещё очень хрупкой) идентичности СВА. В определенной степени, но не в полной мере, она способна заполнить политический и экономический вакуум, образовавшийся в СВА в связи с «замораживанием» трехсторонних проектов сотрудничества (РФ, РК, КНДР). Участником ВЭФ в 2017 г. может стать и министр сельского хозяйства Бразилии Блайро Магги, который выразил такое желание во время недавней рабочей встречи со своим российским коллегой А. Ткачёвым. Таким образом, географические рамки сотрудничества российского Дальнего Востока по линии ВЭФ будут постепенно выходить за рамки СВА.

С учетом вышеизложенного в монографии рассмотрены и уточнены национальные интересы и приоритеты развития России в АТР в условиях меняющегося международного и регионального порядка. В своих работах

---

³ Севастьянов С.В. Проблемы и перспективы развития Дальнего Востока России после Владивостокского саммита АТЭС // Ойкумена. 2013. № 1. С. 7-16.

⁴ Например, АТЭС на это потребовалось четыре года: от Канберры, 1989 г. до Сиэтла, 1993 г.

авторы проанализировали состояние дел, имеющиеся препятствия и выработали рекомендации по эффективному продвижению этих интересов: в отдельных ключевых регионах России (Дальний Восток, Арктика), в традиционных сферах экономического сотрудничества (продажа углеводородов, вооружений), в обеспечении безопасности АТР и др.

Первая часть монографии посвящена исследованию стратегии российского «поворота на Восток» и новых (во многом революционных) инструментов развития Дальнего Востока страны. Её открывает глава А.М. Кузнецова и А.М. Козинца, посвященная весьма актуальной теме – оценке современных работ в области теории международных отношений (ТМО) специалистов из Индии, Китая и России. Проводимые ими исследования включены в направление, определяемое как «незападные теории». Авторы связывают его появление и развитие с общим кризисом ТМО, выявившим ограниченность доминировавших ранее западных концепций. Знание сути и аргументации выдвигаемых в Китае, Индии и других государствах ТМО очень важно для оценки современной обстановки в Восточной Азии и возможных будущих (гео)политических устремлений ведущих акторов. При этом, по оценке авторов, время «парадигмы усвоения», по крайней мере, для китайской и российской ТМО, закончилось, и сам факт правомерности формирования новых незападных школ исследований МО не вызывает сомнений. Такие школы, совместно с уже сложившимися американской, британской, французской и другими, смогут лучше обеспечить адекватное представление о мире в его реальном многообразии.

По мнению автора второй главы А.М. Бобыло, в которой описаны преимущественно международно-политические аспекты российского «поворота на Восток», новая архитектура отношений в АТР будет формироваться постепенно, с опорой в большей степени на торгово-экономическое сотрудничество. Стремясь к выстраиванию долгосрочных отношений со странами АТР, Россия, с одной стороны, рассчитывает стать полноправным участником региональных политических и экономических интеграционных процессов, а с другой – претендует на роль одного из ключевых акторов в обеспечении стабильности и безопасности в регионе. От того, насколько успешно Россия обеспечит эффективное решение своих приоритетных задач в АТР, во многом будет зависеть общий успех ее будущего развития и позиционирования в мире.

Безусловно, ключевыми для первой части и монографии в целом, являются третья (А.А. Киреев) и четвертая (А.Б. Волынчук и Л.Е. Козлов)

главы, в которых рассматриваются тенденции трансграничных социально-экономических отношений и политика правительства страны по ускоренному развитию Дальнего Востока, как ключевого компонента российского «поворота на Восток». По оценке Киреева, связанная с российским «поворотом на Восток» пограничная (а также региональная и внешняя) политика смогли подтолкнуть развитие трансграничных экономических отношений РДВ. Именно государственная политика снижения всех типов пограничных барьеров (от административных и инфраструктурных до тарифных и информационных) послужила ведущим фактором ускорения с 2006 г. роста регионального (прежде всего, топливно-сырьевого) экспорта. Однако фундаментальным недостатком пограничной политики, при всех ее корректировках, следует считать то, что она скорее закрепляет, нежели меняет сложившуюся внутреннюю структуру дальневосточной экономики и социума. Количественные задачи наращивания объемов трансграничных потоков в этой политике отодвигают задачи качественной, структурно-отраслевой модернизации. В то же время пограничная политика слишком лояльна к стереотипному восприятию РДВ в качестве ресурсной базы для ведущих стран СВА. Тесная сопряженность отраслевой структуры и технологического уклада экономики РДВ со структурой спроса на внешних рынках указывает на то, что политика поощрения иностранных инвестиций и стимулирования их перетока в обрабатывающий сектор (сама по себе, безусловно, необходимая) для модернизации региона недостаточна. Укрепление связей экономик РДВ и АТР должно иметь характер не односторонней адаптации первой ко второй, но взаимного со-развития.

В четвертой главе отмечается, что активные системные действия правительства РФ по кардинальному изменению региональной политики на Дальнем Востоке осуществляются в период, когда произошло одномоментное сочетание неблагоприятных внутренних и международных факторов: как политических, так и экономических. Именно в этот период и в таких условиях федеральный центр сформулировал новый комплексный подход к ускоренному развитию Дальнего Востока, основанный на предоставлении налоговых и иных льгот предприятиям, работающим на данной территории. В работе оценены первые достижения и проблемы в создании на Дальнем Востоке территорий опережающего развития (См. рисунок 1, с. 93), охарактеризованы другие механизмы, призванные обеспечить повышение инвестиционной привлекательности региона, проанализированы сильные и сла-

бые стороны новой региональной политики и дан предварительный прогноз её эффективности.

Помимо Дальнего Востока, огромное значение в последние годы приобрел Арктический регион. В пятой главе А.А. Кравчука, которая открывает вторую часть монографии, представлены экономические аспекты национальной безопасности РФ в Арктике, а в качестве её основного объекта рассмотрено национальное достояние страны. Автором проведён анализ воздействия различных факторов на реализацию ключевых энергетических и инфраструктурных проектов в этом регионе. Кроме того, в главе рассматривается важная роль Арктики в контексте российского «поворота на Восток».

По оценке автора, реализация российских проектов в Арктике внесёт существенный вклад в развитие экономики Дальнего Востока, где в ближайшие десятилетия на базе территорий опережающего развития в сотрудничестве со странами АТР будет запущен ряд крупных экономических проектов (судостроительный комплекс «Звезда», восточно-арктический логистический хаб на базе порта Петропавловск-Камчатский, «Восточный нефтехимический комплекс» и др.), которые частично или полностью будут реализовываться за счёт заказов, формируемых в интересах развития Арктической зоны РФ.

Две следующие главы посвящены направлениям деятельности, в которых РФ уже имеет в регионе определённый «вес» и ещё больший потенциал для развития (региональное энергетическое и транспортное сотрудничество). Их объединяет то, что в обеих сферах Москва столкнулась с новыми вызовами (экономические санкции Запада, падение цен на нефть, резкий «обвал» рубля и др.). В главе Севастьянова С.В. и Реутова Д.А. предпринята попытка определить экономические, финансовые, политические и технологические стимулы и ограничения для энергетического сотрудничества России и стран СВА в условиях низких цен на энергоносители и санкций, и проанализировать совокупное влияние действующих стимулов и ограничений на перспективы его развития. Приводятся рекомендации по укреплению нефтегазового сотрудничества России со странами СВА при сложившейся политической и экономической конъюнктуре.

По мнению авторов, ограниченность энергетического сотрудничества со странами СВА обусловлена не столько политическими противоречиями и экономическими санкциями, сколько неблагоприятным инвестиционным климатом в РФ. К традиционным рискам нестабильности правового и налогового регулирования, постоянному изменению условий ведения бизнеса и

привилегированному положению российских госкорпораций, за последние годы в России добавились валютные колебания и экономические санкции. Авторам представляется, что существенно снизить риски вхождения в энергетические проекты могут финансовые гарантии государства и надежных российских банков, однако пока Москва этого не предлагает. Поэтому, несмотря на возросший уровень политических контактов, без снижения рисков для бизнеса ожидать существенного прогресса в развитии энергетического сотрудничества со странами СВА вряд ли целесообразно.

В главе С.М. Смирнова, посвященной проблемам интеграции транспортно-логистической системы РДВ с экономиками стран СВА, дана качественная характеристика основных видов транспорта в этой системе. В работе также представлены основные трансграничные транспортные инициативы и проекты стран СВА, и оценены возможности их реализации. В завершение, сформулированы российские интересы и приоритеты в данной сфере и даны рекомендации по их обеспечению при реализации совместных транспортно-логистических проектов со странами СВА. Главным ресурсом и козырем Москвы в этой сфере на перспективу, по мнению автора, является обеспечение регулярных транзитных морских перевозок контейнерных грузов из стран Азии в Европу и обратно по Северному морскому пути.

Третью часть монографии, посвященную широкой проблематике безопасности АТР, открывает глава А. В. Губина, по оценке которого рост оборонных расходов ключевых игроков и изменение региональной структуры безопасности представляют как новые возможности для российского участия, так и чреватые рядом вызовов для безопасности РФ. Чтобы превратить эти вызовы в новые возможности, нужна выработка новых подходов. Автор отмечает, что наличие «старых» конфликтов, обострение экономической конкуренции заставляют страны АТР прибегать к логике военного противостояния, наращивая количественно и качественно оборонительные потенциалы для защиты своих национальных интересов. В этой связи Москве надо выработать линию на избегание втягивания в конфликты, а также приложить усилия по выработке путей мирного разрешения споров на новых, внеблоковых и транспарентных принципах.

Девятая глава А.С. Голобокова развивает предыдущую и посвящена мало изученной теме – анализу заметно возросшей интенсивности деятельности Тихоокеанского флота ВМФ России на Тихом океане и за его пределами. В последние годы ТОФ РФ принял участие в учениях с военноморскими силами многих государств, демонстрируя военно-политический

флаг страны в удаленных регионах и решая задачи проверки состояния боевой готовности сил. Однако на регулярной основе масштабные учения ТОФ проводились только с ВМС Китая и Индии. В данной главе подробно проанализированы политическое значение, динамика и характер военноморских учений РФ с этими государствами за последние годы, определены интересы участников и перспективы подобных учений в будущем с учетом быстро меняющихся в АТР межгосударственных отношений.

Десятая глава, представленная С.А. Коротичем, посвящена ещё одной актуальной теме – изучению роли и интересов участия России в многосторонних институтах безопасности Восточной Азии. В данной работе автор убедительно доказывает, что сегодня Россия стала неотъемлемой частью региональной системы международных отношений в сфере безопасности. Участие в многосторонних региональных механизмах сотрудничества в безопасности, среди которых Восточноазиатский саммит, Региональный форум АСЕАН, Расширенное совещание министров обороны АСЕАН, Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА), является одной из опор российского политического присутствия в Восточной Азии и АТР. При этом мощный потенциал ШОС и СВМДА позволяет Москве опираться на них для более эффективной реализации других знаковых российских и китайских евразийских проектов, таких как: Евразийский экономический союз, Экономический пояс Шелкового пути и др. Прошедший в мае 2016 г. юбилейный саммит Россия-АСЕАН также зафиксировал положительную динамику в развитии сотрудничества России со странами Юго-Восточной Азии.

Что касается экономического регионализма, то наиболее удобным для РФ остается переговорный формат АТЭС, предполагающий постепенное движение к созданию ЗСТ на всей территории АТР. Этот интеграционный проект, с учетом объявленного новым президентом США Д. Трампом выхода США из Транс-Тихоокеанского партнерства, снова становится весьма актуальным.

В последней главе И.Ю. Синенко рассматриваются российско-американские отношения в АТР, и это единственная работа в рубрике, посвященная двусторонним отношениям. Дело в том, что двусторонние связи РФ с ведущими странами СВА отличаются в целом позитивной динамикой (они рассмотрены во многих публикациях, в том числе в первой монографии по данному проекту, и поэтому не включены в данную монографию). Что же касается двусторонних отношений РФ и США, то за последние годы, следуя общему кризисному курсу двустороннего диалога, они дошли до нижней

точки и стали тормозом для реализации программ развития Дальнего Востока с участием иностранных инвесторов. По мнению автора, приход к власти в США Д. Трампа может способствовать постепенному развороту этих негативных тенденций вспять.

Во многом такому позитивному развитию событий должны способствовать и систематические научные и образовательные обмены между преподавателями и студентами стран АТР и их коллегами на российском Дальнем Востоке. В этой связи уместно отметить особую роль, отводимую правительством РФ Дальневосточному федеральному университету – как одному из ведущих центров научных исследований в интересах приоритетного развития РДВ, Арктики и международного научно-образовательного общения для АТР в целом. Недавно это вновь подтвердил министр иностранных дел С. Лавров, заявив, что Москва продолжит практику ежегодного проведения Конференции АТЭС по сотрудничеству в высшем образовании на базе ДВФУ⁵.

С.В. Севастьянов

---

⁵ Лавров С.В. АТЭС: отношения подлинного коллективизма и эффективной взаимосвязанности // http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2524925. 16.11.2016

Часть I. СТРАТЕГИЯ РОССИЙСКОГО «ПОВОРОТА НА ВОСТОК»
И НОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ РАЗВИТИЯ
ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА СТРАНЫ

Глава 1. «Незападные» школы международных отношений:
углубление фрагментации или выход из кризиса теории?

(А.М. Кузнецов, А.И. Козинец)

Развитие современной науки демонстрирует отчетливую тенденцию ко все большей фрагментации ее исследовательского поля. Данная тенденция к плюрализации субдисциплин, школ и концепций в некогда мыслящихся целостными отраслях знания была обусловлена вполне реальными и серьезными причинами, в частности, резким увеличением числа лиц, вовлеченных в исследовательскую деятельность. Негативные обстоятельства, связанные с представленной ситуацией, еще больше усугубляет порожденный ею «информационный взрыв». Вполне естественно, что наиболее дальновидные представители социально-гуманитарного знания стали рассматривать подобную тенденцию как угрозу окончательного скатывания своих трудов по поиску «истины» в пучины партикуляризма, релятивизма и прочих опасных крайностей. Начавшийся вскоре постмодернистский вызов наглядно продемонстрировал, насколько были обоснованы такие опасения. К сожалению, поиски возможностей для синтеза разных направлений в рамках отдельных отраслей науки явно не успевают за ускоряющейся дисциплинарной фрагментацией и обусловленным ею спектром взаимоисключающих мнений по любому ключевому вопросу, превращающих исследователей в экспертов-наблюдателей.

Наука о международных отношениях также демонстрирует появление все новых направлений исследований и нарастающий плюрализм в своих теоретико-методологических основаниях. Однако, вероятно, в силу особенностей своего становления она все еще пытается сохранять веру не только в свое единство, но и уже более полувека выдвигает претензии на некий универсализм, от которого другие науки уже отказываются. Как полагал еще в конце 1950-х гг. С. Хоффман, именно теория международных отношений сможет интегрировать разные отрасли науки [79].

Кроме того, он был уверен: «В Соединенных Штатах, где эта дисциплина развивается особенно успешно, вся современная политическая наука имеет теоретическую направленность ...». Не удивительно, что из приведенных посылок был сделан однозначный вывод: теория международных отношений (ТМО) – это американская социальная наука [78, р. 348]. Однако

результаты, к которым пришла сегодня западная и собственно американская наука, несколько обескураживают. Она, несмотря на проведенные «великие дебаты», точно также оказалась не в состоянии ни предсказать значимые изменения в международных отношениях конца XX столетия, ни просто выработать внятную позицию, как к ним следует, хотя бы, отнестись [85].

Поскольку любой кризис в науке (науках) связан с состоянием ее теоретико-методологических оснований, то обратимся к положению дел в данной области международных отношений. Сразу же приходится констатировать, что в последнее время наблюдается рост числа публикаций по поводу пресловутого кризиса ТМО, а на 51 Конвенте Ассоциации исследований международных отношений (2012 г.) в Сан-Диего, США на трех секциях шли дебаты на тему «Конец теории международных отношений?» [69; 72]. Стоит ли тогда удивляться, что в сложившихся обстоятельствах общим леймотивом стала не только констатация кризиса ТМО, но и появление более радикальных призывов к полному отказу от каких-либо теорий.

Что уж тут поделаешь, если, как признал М. Гриффитс: «современное состояние теории МО лучше всего может быть охарактеризовано в виде фрагментированного набора различных направлений, каждое со своими лидерами, гуру, академическими штабами и изданиями (как книгами, так и журналами)» [89, р. 186]. Для оценки положения дел очень показательным является также признание разными авторами фактической бесплодности прошедших «великих дебатов», так как, «с одной стороны, они вроде бы являлись междисциплинарными, а с другой – приняли интровертированный, сугубо международный характер.

Как следствие, «представители разных теоретических школ оказались вовлеченными в обсуждение все более мелких тем, все чаще и чаще описывая все менее и менее значимое». При этом, как отмечают европейские авторы, и реалисты, и либералы еще высказывают претензии на достижение теоретического синтеза [49, р. 5,9]. Однако другие авторы полагают, что искомый теоретический синтез все же может обеспечить такое новое направление, как анализ международной политики [80]. В нашей стране междисциплинарные возможности исследований международных отношений также обсуждаются около 45 лет, но особого прогресса в этом отношении пока не наблюдается [26]. Более того, сами специалисты-международники были вынуждены признать, что они еще кое-что заимствуют у других наук, но предложить им хотя бы что-нибудь пока не в состоянии [76; 92]. Поэтому, какой уж тут междисциплинарный синтез, сохранить, хотя бы свое отраслевое единство!

Под давлением вновь возникших обстоятельств, стали появляться и весьма специфические предложения по решению проблемы. Например, поскольку в результате великих дебатов, несмотря на популярность, которую они получили, ничего так и не было решено, то «в паузе, вызванной окончанием этих дебатов, или по крайней мере, их временной отсрочкой, эклектическая теория может выиграть важные преимущества... По моему мнению, она представляет будущее международных отношений» [92, р. 568, 572]. Говоря другими словами, не надо придерживаться какой-либо одной теории, а использовать для решения различных проблем подходящие идеи из разных теорий. За эклектизм в исследовании международных отношений высказались и другие известные авторы [117]. Боюсь только, и при таком подходе многообразие по-прежнему остается, но вот с единством все равно не получается.

Понятно, что в представленном контексте появившиеся заявки на создание незападных школ и теорий международных отношений, несмотря на их соответствие общему тренду, вряд ли могут быть положительно оценены существующим западным мейнстримом, поскольку они только усугубляют и так уже далеко зашедшую фрагментацию в данной сфере знаний. Пока призывы такого рода звучали в речах политиков из «Третьего мира» на них еще можно было не обращать особого внимания. Но затем индийские историки и другие специалисты в 1960-е гг. начали активно дебатировать идею постколониализма. Согласно определению британской специалистки Д. Хиддлстон, «термин «постколониализм» в самом общем выражении может быть представлен как многосторонний политический, экономический, культурный и философский ответы колониализму с момента его победного утверждения до настоящего времени ...» [77, р. 1]. После этого Э. Саид выступил еще со своей концепцией ориентализма, продемонстрировавшей насколько американские, британские и французские представления о Ближнем и Среднем Востоке оказывались далеки от действительности [113].

Постепенно дело дошло и до призывов пересмотреть существующие нормы и правила международных отношений, которые остаются откровенно западоцентричными. С подачи португальского социолога Г. Мартинса, в 1970-е гг. в исследовательское поле была внедрена и проблема методологического национализма [96]. Активное участие в разработке этой проблемы принял известный немецкий социальный теоретик У. Бек. В самом общем виде эту методологическую «ловушку» можно сформулировать как неоправданную универсализацию концепций, созданных на основе реалий одних стран, для анализа ситуации в других странах [56; 59; 118].

Переоценка прежних установок позволила некоторым авторам утверждать, что и теория международных отношений является порождением глубоко западной идеологии [35]. Подобные настроения подвигали и к более радикальным выводам: «В эти годы объяснение мировой политики белым человеком, мужчиной, англо-американским профессором МО, выглядело радикально отличным от того, которое мы могли бы услышать от калеки, истощенного ребенка, голодной молодой женщины из охваченной войной Африки» [8, с. 313]. Не случайно начало нового столетия уже демонстрирует активные усилия специалистов-международников по продвижению африканских, исламских, корейских, японских и других ТМО [64; 68; 73; 74; 81; 82; 84; 88; 94; 100; 106; 126].

Чтобы отнестись к этим нововведениям более предметно, рассмотрим некоторые, на наш взгляд, наиболее показательные предложения по созданию новых «национальных» вариантов ТМО, которые при дальнейшем развитии смогут заложить основания соответствующих исследовательских школ. Как известно, в широко обсуждаемом сегодня «подъеме Азии» роль драйверов в этом процессе отводится Китаю и Индии [116]. В качестве активного актора мировой политики сегодня возвращается Россия. Поэтому интересно рассмотреть, каким образом исследователи этих великих держав, обладающих богатыми историческими традициями и серьезным потенциалом в сфере религиозно-философской и научной мысли стремятся внести свой вклад в оказавшуюся не в лучшем положении ТМО [112]. С учетом масштабности поставленной исследовательской задачи мы будем вынуждены остановиться только на основном содержании и базовой аргументации соответствующих работ.

Российская школа международных отношений: от парадигмы «усвоения» к вхождению в мейнстрим?

Теоретическое становление российской науки о международных отношениях обнаруживает ряд примечательных обстоятельств. В течение советского периода специалисты из немногих существовавших тогда центров анализа международных проблем и подготовки дипломатических кадров тоже должны были руководствоваться «самой передовой» марксистко-ленинской философией, которая служила теоретическим базисом всех общественно-научных дисциплин [91]. Однако, как вспоминают «ветераны движения», уже тогда было ясно, что реальная международная практика плохо вписывалась в догматы классового подхода, пролетарского интернационализма и

мирового революционного процесса. Так что, сама логика решения насущных проблем заставляла отказываться от «монистического принципа».

Поэтому, отдавая ритуальный долг «классикам» в виде нескольких цитат, приходилось вносить в их философию коррективы в соответствии с прагматикой противостояния двух общественно-политических систем. Через призму критического представления отслеживались также наработки западных теоретиков [45]. Несмотря на такой эклектизм, была заложена определенная познавательная традиция, которая вошла в сознание и дискурс исследователей приверженностью холистическому принципу анализа проблем и преимущественно философскому стилю теоретизирования. Более того, эта марсистско-ленинская традиция позволяла советской науке оказывать непосредственное влияние на исследования в странах социалистического лагеря, в Китае и ряде других государств [2; 28; 40].

Ниспровержение марксизма, наряду с некоторой общей мировоззренческой дезориентацией, обусловило в нашем общественном сознании очевидный вакуум теоретического порядка. В этих условиях многие специалисты в качестве панацеи от возникавших проблем стали рассматривать западные образцы, включая уже и вполне сложившуюся здесь науку о международных отношениях с ее теоретическим арсеналом [95]. Тогда же закладывалось отношение не только к «зараженному» марксизмом-ленинизмом собственному наследию. «Это может быть даже шаг назад, когда авторы, писавшие в начале или первой половине прошлого века, вдруг становятся основными авторитетными авторитетами со всей их безнадежно устаревшей методологией и наивно-романтическими или обскурантистскими (часто расистскими) воззрениями. Так без должного критического анализа «возвращены» в современный арсенал науки Ильин, Бердяев, Розанов, Соловьев, Федотов, Шпет, Широкогоров и многие другие» [33].

Поэтому надо отдать должное тем зарубежным авторам, которые стали защищать от нас самих наше же научное наследие (Д. Ливен, Т. Мартин, И. Нойманн, Р. Суни и др.) [23; 24]. Как писал в начале 1990-х гг. норвежский исследователь МО И. Нойманн: «в социальных исследованиях, проводимых в России с конца 1980-х, слишком много сил уделяется импорту англо-американского теоретизирования и слишком мало восстановлению русских традиций, которые не просто выжили в эмиграции, но действительно продолжали играть важную роль в истории общественных наук в целом». Это при том, что «...сегодня многие теоретики социальных отношений... основываются на трудах русских теоретиков, которых, вероятно, в первую

очередь, помнят в других областях, таких как теория экономического развития, лингвистика и теория литературы». Сам Нойманн не постеснялся признаться: «Как постструктуралист я в неоплатном долгу перед русскими формалистами и структуралистами (очевидно, В.Я. Пропп, Ю.Н. Тынянов, В.Б. Шкловский, Р.О. Якобсон и др. – А.К.), заложившими теоретический фундамент для той эмпирической работы по вопросам формирования идентичности и внешней политики...» [23, с. 13].

Тем не менее, открывшиеся возможности доступа к иностранной литературе, стажировок за границей и свободного общения с зарубежными коллегами создали для российских исследователей благоприятные возможности для ускоренного усвоения всего, что было нами упущено за время существования за «железным занавесом». В результате у некоторых наших специалистов возникло убеждение, что вопросы поиска «правильной» теории для становящихся все более востребованными международными отношений как научной и учебной дисциплины были решены окончательно и бесповоротно [31]. Тем не менее, оказалось, что активно продвигаемая тогда «парадигма усвоения» привела к, казалось бы, совершенно неожиданному следствию: в нашей стране стали появляться призывы к отказу от зарубежного «импорта» и созданию собственного варианта теорий для социально-гуманитарных наук [5]. Даже активные сторонники «усвоения» были вынуждены признать: «Десять лет назад мне представлялось, что перевод и издание современных зарубежных авторов сами по себе вызовут серьезный пересмотр существовавшей теоретической базы и тематических горизонтов в изучении культуры и общества... Но я оказался неправ» [33, с.13].

При оценке ситуации с ТМО нельзя забывать, что многие аспекты международных отношений и их обсуждение остаются сильно политизированными. Не случайно и авторы, занимающиеся исследованием состояния теории в данной отрасли российской науки, анализируют идеи, как собственно специалистов, например, А.Д. Богатурова, А.Г. Дугина, так и политиков, включая Г.А. Зюганова и В.В. Путина. Поскольку в данном случае предметом анализа является собственно научный дискурс по рассматриваемой проблеме, то мы не касаемся взглядов политиков. Кроме того, из представленной работы сразу исключаются «сервильные тексты», в которых выносятся безапелляционные суждения такого рода: «Доминирующая в России позиция в отношении перспектив международных отношений созвучна с представлениями о мире и повесткой внешней политики кремлевской администрации не потому, что там предложен оригинальный и продуктивный

путь исследования внешней политики России, но только потому, что в России теоретические разработки определяются не столько академическими, а скорее политическими соображениями... российская теория МО и внешняя политика оказались взаимосвязанными на основе общих представлений о роли России в мире, формировании с партикуляристской точки зрения более стабильного мирового порядка и необходимости противодействия преобладающему влиянию Запада в мировой политике» [56, р. 20,21].

Хотелось бы еще уйти от наметившегося вектора дискуссии, «плодотворность» которого уже оценил В. Радаев: «Итак, в который уже раз нас втягивают в ставшую уже доброй традицией борьбу между «западниками», начитавшимися «потусторонних» книжек, и «почвенниками», черпающими свои теории из «реальности» ... Слушать подобные разговоры, откровенно говоря, надоело, но и отмахнуться от них нельзя...» [27, с. 203]. В конце концов, любую самую хорошую идею можно довести до бессмысленности [14].

Одну из первых удачных попыток осмыслить складывающуюся в нашей стране ситуацию с ТМО предпринял А.Д. Богатуров [5]. По его наблюдениям, в результате внедренной у нас «парадигмы освоения» появился примечательный дискурс, в соответствии с которым в публикациях стал доминировать не анализ, а формальное описание-перевод. Поэтому, автор был вынужден констатировать: «Долг наших интеллектуалов был не в «отработке урока» по заучиванию-пропаганде западного знания, а в возврате Западу интеллектуального долга, то есть во «встречном» внедрении в западный оборот оригинальных разработок... С этой задачей наша наука не справилась» [5]. Отметив проблемы, с которыми столкнулась и западная наука, этот исследователь приходит к заключению: «Назрел поворот к изучению реальности во всех ее противоречиях и параллельному продвижению к созданию собственной теории, которая перестала бы рассматривать местные особенности, невместимое в западные схемы в качестве девиаций и патологии» [5]. В своей исследовательской программе А.Д. Богатуров предложил создавать «сфокусированную» теорию, способную «моделировать целостную картину мира... из опыта и действительности той части мира, к которой независимо от культурных тяготений элит принадлежит пространство и... гео-культурно наша страна» [5].

В стороне от обсуждения темы российской ТМО не мог оставаться и П.А. Цыганков, немало сделавший для освоения в нашей стране теоретического потенциала западной науки. Оценивая текущее состояние дискуссий и становящийся угрожающим плюрализм мнений в этой области, российский исследователь обратил внимание, что здесь: «общая теоретическая картина

выглядит еще довольно смутной, а в тех случаях, когда ее очертания приобретают какие-то четкие контуры, она нередко остается односторонней, отражая идейные, концептуальные и иные предпочтения авторов» [43, с. 15]. Касаясь вопроса о состоянии нашей науки, он высказывался не менее определенно: «...исследования МО в России уже начинают пробуксовывать [40; 42]. Последнее обстоятельство, как полагает П.А. Цыганков, обусловлено характерной для России склонностью к философствованию, нередко осложняющей «необходимость спуститься с небес абстракции за землю прикладных исследований» [39; 40].

В ряде с публикаций, подготовленных совместно П.А. Цыганковым и А.П. Цыганковым, были рассмотрены взгляды на проблемы в данной сфере политических лидеров России и глав ведущих российских партий. В результате у них реактуализировалась традиционная дихотомия – «западничество-почвенничество» [120; 121]. Основываясь на результатах специально проведенного опроса, эти исследователи отмечают, что большинство российских специалистов, так или иначе, высказались за необходимость разработки собственных ТМО. Однако наши авторы предупреждают, что в стремлении создавать свой национальный вариант теории международных отношений важно учесть противоречие глобального и частного (локального). Позиция авторов статьи в данном вопросе сводится к тому, что нам необходима глобальная научная интеграция и мобилизация национального знания [122; 124].

В одной из последних работ П.А. Цыганков и А.П. Цыганков предприняли попытку междисциплинарного подхода к разработке отечественного варианта ТМО. Они предложили подойти к этой проблеме с позиции социологии знания, заложенной К. Манхеймом и М. Вебером. В результате авторы пришли к выводу, что и «российская теория международных отношений должна основываться на наших базовых интеллектуальных традициях представления «Себя», (своего Я) «Другого» и их соотношении» [123;124].

Изменение фокуса рассмотрения проблемы обусловило некоторые коррективы и в авторских оценках традиций российской науки. Теперь в ней были выделены такие направления, как западничество, этатизм, цивилизационный подход. В заключении П.А. Цыганков и А.П. Цыганков приходят к выводу, что российская теория международных отношений (РТМО) должна быть, как продуктом собственной интеллектуальной истории, так и результатом синтеза глобальной и локальной исследовательских традиций [125].

Затем в отдельной статье А.П. Цыганкова было высказано убеждение, что российская ТМО уже состоялась как самостоятельное направление.

Вместе с тем начавшийся XXI век, как полагает этот автор, в целом характеризуется спорами сторонников универсализма (как реалистов, так и либералов) и плюралистов. Сам А.П. Цыганков призвал к преодолению крайностей этих направлений [41].

Вполне естественно, что в обсуждение проблемы российской теории международных отношений включились и наши известные специалисты Т.А. Алексеева и М.М. Лебедева. Т.А. Алексеева выступает за сближение теории данного направления с политической философией и полагает, что в результате должна сложиться самостоятельная наука, которая одновременно будет срезом совокупности всех социальных наук [2; 3, с. 32-33]. Но она не может проигнорировать и рост интереса к национальным школам в теории, который объясняет их пока еще меньшей идеологической нагруженностью. При этом было сделано предостережение против чрезмерной увлеченности данным новшеством по причине опасности скатиться в банальный провинциализм [3, с. 33-34]. Сегодня же, по мнению автора, ТМО вновь должно быть придано «общечеловеческое начало» [3, с.35]. Поэтому Т.А. Алексеева предлагает на современном этапе работать и с метатеорией, и с партикуляристскими подходами. [3, с. 34].

Как полагает М.М. Лебедева, на современном этапе для того, чтобы внести собственный вклад в теорию, необходимо расширить наши подходы к анализу международных проблем. Поэтому она предложила использовать эвристический потенциал концепта «стратегическая культура», актуализированного Т.А. Алексеевой. Кроме того, она видит благоприятные возможности, которые открывает внедрение идеи «зоны ближайшего развития» Л.С. Выготского, по её мнению, заслуживает внимания и концепция диалога в версии М.М. Бахтина [19, с. 88.] Наконец, М.М. Лебедева высказалась за воссоздание единой политической теории, уточнив при этом: «Я бы предложила за термином «международные отношения» оставить их историческую принадлежность к межгосударственным отношениям, которые в современном мире являются ключевым понятием, понятие же «мировая политика» — отнести ко всему комплексу политических отношений в мире» [19]. Она обращает также внимание на особенности организации и институционализации нашей науки о международных отношениях. Поскольку у нас исследования международных отношений состоялись раньше, чем оформилась собственно политология, но оба этих направления еще недостаточно институционализировались, то, как полагает М.М. Лебедева, мы без труда можем обеспечить восстановление единой политической науки [3].

Существуют и другие публикации, которые так или иначе затрагивают тему российской теории, но сейчас нет возможности останавливаться на их содержании [15; 25; 29; 30; 34;47].

Таким образом, судя даже не по количеству публикаций, факту появления учебных курсов, посвященных обоснованию необходимости создания российской ТМО, но по их содержанию, можно утверждать: время «парадигмы усвоения» в нашей науке закончилось. Но вот вопрос о том, какой должна быть российская теория и как ее формировать, остается во многом открытым. Анализ же существующих текстов пока не дает оснований для оптимизма в том смысле, что мы ещё очень мало продвинулись в данном отношении.

Разработки теории международных отношений в Китайской Народной Республике

Наука международных отношений стала развиваться КНР в общем русле реформ в 1980е гг. С этого времени в разных центрах регулярно проходили мероприятия по международным проблемам и стали издаваться переводы работ ведущих зарубежных специалистов. Новые возможности позволили научной общественности усвоить основные положения современного «мейнстрима» ТМО. Однако уже в 1987 г. на первой большой конференции по международным отношениям в Шанхае было озвучено предложение развивать собственную теорию. Такие же призывы обсуждались на конференциях в Пекине в 1991 и 1994 гг. Как отметил Су Чжанхэ (Центр американских исследований Фуданьского университета), «призывы создать как можно быстрее собственную теоретическую школу международных отношений свидетельствуют о нашем недовольстве и даже раздражительности фактом, что мы не имеем своих теорий» [46, с 102]. Достаточно оперативно в декабре 2004 г. в Шанхае состоялась конференция на тему «Строить китайскую теорию, создавать китайскую школу». Показательно также, что с середины 2000-х гг. наблюдается заметный рост числа публикаций по проблемам теории с китайской спецификой.

К настоящему времени сообщество специалистов-международников в этой стране увеличилось количественно и развилось качественно. Повышению уровня теоретических разработок в Китае явно способствовали возможности прохождения китайскими специалистами нового поколения стажировок и обучения на магистерских и докторских программах в американских университетах. Освоение основных достижений западных теоретиков международных отношений и их критичное преломление через призму собственных реалий и традиций, позволило исследователям заложить на сего-

дняшний день несколько основных направлений развития ТМО в КНР. При этом, как признают сами вовлеченные в этот процесс авторы, их теоретический поиск мотивирован стремлением дать более глубокое обоснование тезиса о мирном развитии Китая [18; 63; 111].

В 2005 г. сотрудник Института философии Китайской академии общественных наук Чжао Тинян опубликовал книгу «Система Тянься», которая сразу стала бестселлером, как в Китае, так и за его пределами [119]. Фактически, современный «раунд» дебатов вокруг китайской ТМО начался именно с этой работы, хотя сама она и представляет собой, по большей части, философский трактат, а не работу по ТМО в классическом понимании.

Профессор Чжао отмечает, что одной из главных проблем возвышающегося Китая, является то, что, несмотря на наращивание экономической и военной мощи, он не является лидером в производстве глобального знания, а эта составляющая крайне необходима для становления КНР настоящей великой/сверх державой. По мнению этого автора, остальной мир также сегодня заинтересован в новых китайских идеях, так как проблемы этой страны сегодня оказывают влияние на весь мир.

Основной тезис работы Чжао Тиняна может быть сведен к тому, что сегодня мы можем говорить не о целостном мире, а о мире «несостоявшемся» (по аналогии с «несостоявшимися государствами»), так как еще не сложилась общая глобальная идентичность, а основной реальностью является столкновение интересов и идентичностей разных государств и народов. Не согласен автор и с идеей складывания единого мирового сообщества, которое управлялось бы общепризнанным международным институтом. По его мнению, мир по-прежнему находится в состоянии «гоббсианских джунглей» [129, р. 5]. Такие организации и объединения, как ООН или ЕС, Чжао Тинян называет «агорой⁶ без полиса». Он утверждает, что «глобального полиса» сегодня просто нет, поэтому существующие институты глобального управления представляют собой площадки, на которых просто сталкиваются несовпадающие интересы и различные идентичности [129, р. 16].

В качестве решения данной проблемы этот автор предлагает переосмыслить классическую концепцию «Тянься» (Поднебесная). В древней китайской мысли концепт «Поднебесная» имел тройное значение: физическое (буквально «вся земля под небом»), психологическое (сердца и умы

---

⁶ Агора – рыночная площадь в древнегреческих полисах, являвшаяся местом общегородских собраний, которые также назывались агорами. Именно там обсуждались общие проблемы и принимались важные решения для жизни полиса.

людей) и политическое (глобальная институция, выражавшая на практику идею «мира – единой семьи») [130, р. 30–36]. В рамках такого философского подхода для достижения всеобщей гармонии за единицу анализа необходимо принимать весь мир в целом. Как подчеркивает Чжао Тинян, в китайской теории гармония – это необходимое онтологическое условие для существования и развития вещей, обычно определяемое в рамках обратной зависимости. При этом, в соответствии с китайской метафизикой, гармония рассматривается в качестве принципа сосуществования, при котором метафизика отношений важнее, чем онтология бытия. Китайская философия не рассматривает бытие “как таковое”, поскольку ничто не может существовать «само по себе» до тех пор, пока оно не определено через взаимоотношения с другими явлениями. В таком случае, именно отношения являются базовым условием для бытия как такового, а сосуществование определяет существование. Понимание такой логики является необходимым условием для полноценного восприятия гармонии как основного принципа взаимоотношений между разными явлениями [129, р. 10].

Как полагает Чжао Тинян, современные международные процессы делают вопрос о создании настоящего общемирового института особенно актуальным. По его мнению, в условиях глобализации существует угроза трансформации некоторых государств в новые империи. Он даже называет такое государство – это США. Автор считает, что американцы придумали удачную формулу – «американское лидерство», которая прикрывает стремление к гегемонии колониального типа, в том числе в сферах культуры и знаний. Отсюда и его негативное отношение к работам американского специалиста Дж. Ная [129, р. 6–7].

Сам Чжао Тинян полагает, что действительно справедливый и успешно функционирующий миропорядок может быть построен на основе греческой идеи агоры и китайской идеи Тянься, образуя гармоничное слияние античной и конфуцианской традиции [129, р. 17]. Он не дает конкретных пошаговых рекомендаций, так как его работы носят философский и в чем-то идеалистический характер. Однако, основы конфуцианского учения, к которому обратился этот автор, в той или иной степени теперь активно обсуждаются во всех ведущих направлениях китайской ТМО.

Влиятельное направление в разработках собственно ТМО прочно ассоциируется с именем Цинь Яциня и Китайским университетом международных отношений (КУМО). Важно отметить, что КУМО напрямую связан с МИД КНР и во многом отвечает за дипломатию второй дорожки страны.

Профессор Цинь развивает теорию, основанную на идеях связей (*гуаньси*) и процесса, которые объединены с рядом положений процессуального конструктивизма [109; 110]. При этом подход этого автора, в отличие от конструктивизма и английской школы, больше фокусируется на процессах, а не на структуре и основывается на китайской диалектике *инь-ян*, а не гегельянской.

Сам Цинь Яцин определяет процесс в качестве «динамических отношений». Как считает этот автор, благодаря интер-субъектным практикам, именно в рамках таких процессов формулируются национальные интересы, устанавливаются международные нормы и создается общая коллективная идентичность. Преимущество диалектики *ин-янь*, в отличие от гегельянской, автор видит в том, что она позволяет рассматривать отношения между двумя противоположными субъектами не обязательно как конфликтные. По его мнению, английская школа, основываясь на гегельянской диалектике конфликта противоположностей, ошибочно ставит вопросы о «ревизионистских силах» или «статус-кво силах», воспринимая международное общество как некий объект, нежели процесс [108, р. 133]. Интерсубъективный взгляд на вещи делает саму постановку такого вопроса ненужной. Цинь считает, что такой подход гораздо лучше объясняет причины сотрудничества и конфликта между акторами международных отношений с различным культурным и цивилизационным бэкграундом.

«Реляционное управление» – другая важная идея рассматриваемой концепции. Такое управление отличается от управления западного типа, основанного на закреплённых нормах. Реляционное управление представляется в виде процесса достижения социально-политических договорённостей, закладывающих отношения в обществе для поддержания порядка, в котором участники ведут себя в духе сотрудничества, взаимного доверия, общего понимания социальных норм и ценностей. По мнению Цинь Яцина, эта идея также актуальна и для глобального управления в современных условиях [107].

Ещё одно направление ТМО разрабатывается специалистами университета Цинхуа. Его лидером является Янь Сюэтуан – декан факультета международных отношений этого университета. Профессор Янь фактически является реалистом и не поддерживает идеи создания «китайской школы МО» или «ТМО с китайской спецификой», считая, что социальные науки, как и естественные, должны быть глобальными и не могут делиться по национальному признаку. Таким образом, Янь является лидером направления, которое пытается сохранить единую («западную») науку о международных отношениях, привнося в неореализм традиционные китайские идеи и концепты.

Начиная с 2005-го года, группа исследователей Цинхуа проанализировала интеллектуальное наследие семи древних китайских мыслителей: Лао-цзы, Мо-цзы, Конфуция, Мэнь-цзы, Гуань-цзы, Сюнь-цзы и Ханфэй-цзы. Основные результаты проделанной работы были представлены в книге Янь Сюэтун «Древняя китайская мысль, современная китайская сила», вышедшей в свет в 2011-м году [127]. Прежде всего, автор классифицирует здесь идеи древних мыслителей по критерию высказанных ими эпистемологических идей (концептуальный детерминизм, дуализм и материалистический детерминизм), а также определяет уровень анализа в их представлениях (системный, государственный или индивидуальный). Рассмотрев, как древние мыслители воспринимали идею международного порядка и политической власти, Янь Сюэтун выделяет три типа порядка (международного), обсуждающихся в работах классиков – гуманная власть, гегемония и тирания [127, р. 84–91].

Тиранию, базирующуюся исключительно на военной мощи, профессор Янь считает концептом не актуальным для современности и сфокусировал исследования на сравнение гегемонии и гуманного правления. В первом случае порядок достигается силой, политическими альянсами – полным «набором» идей реализма и неореализма о гегемонии. Гуманное правление же основывается в первую очередь на морали и справедливости. Такая модель власти рассматривается в качестве более развитой, так как в этом случае «захватываются не материальные ресурсы, а сердца и умы людей» [127].

Янь Сюэтун считает, что классическое китайское понимание морали, власти и силы может обогатить существующие парадигмы в ТМО, и в первую очередь – реализм. Во-первых, мораль может рассматриваться, как нечто, обеспечивающее легитимность использования силы. Во-вторых, он считает, что мораль в рамках реализма должна рассматриваться не как абстрактность, а как конкретная идея [66]. С учетом того, какое внимание автор уделяет традиционной китайской философии (в первую очередь – конфуцианству) и морали, неудивительно, что подход Цинхуа называют также «моральный реализм» или «конфуцианский реализм» [128, р. 95].

Позиция индийских исследователей в отношении теории международных отношений

Развитие исследований в области международных отношений в Индии, несмотря на, казалось бы, более выгодные стартовые условия, чем в Китае (британское наследие), началось позже и протекало гораздо медленнее. «Постколониальный синдром» индийского руководства привел к тому,

что сотрудничество с ведущими западными державами по ряду позиций ограничивалось, чтобы избежать дальнейшего «империалистического влияния». Соответственно это лишало индийских ученых сферы общественных наук возможности перенимать передовой опыт западных коллег [60, p. 110]. Исследования в области гуманитарных и общественных наук также не рассматривались приоритетными для недавно обретшего независимость государства. Поэтому госфинансирование, в первую очередь, направлялось на технические дисциплины и экономические исследования. К тому же развитие индийской ядерной программы стало фактором, тормозящим желание самих западных стран (в первую очередь – США) развивать научное сотрудничество с Индией, даже в области социальных исследований. Лишь начиная с 90-х гг. XX века стало развиваться научное сотрудничество, а индийские ученые начали активно контактировать с американскими и европейскими коллегами [104, p. 133–135].

Несмотря на некоторые позитивные изменения, международные отношения как наука в Индии, по-прежнему испытывают ряд проблем. Острым остается вопрос нехватки финансирования, что приводит к тому, что даже в ведущих университетах страны, например университете им. Джавахарлала Неру, материальная обеспеченность исследований находится на более низком уровне, чем в среднем американском ВУЗе. К другим проблемам можно отнести отсутствие профессиональной ассоциации индийских ученых-международников, а также отсутствие программ мотивации научных кадров [104, p.136–137].

Тем не менее, наблюдается определенный прогресс индийских ученых в области ТМО. Как и в китайском случае, индийские специалисты обращаются к философским работам и трактатам в качестве потенциального источника для развития новых концепций в социальных науках. Главным образом, здесь речь идет об «Артхашастре» Каутильи, являющейся набором инструкций по вопросам государственного управления, сборником правил и рекомендаций, которым должен следовать правитель или администратор, если он желает приумножить имеющуюся силу и власть. Уже с начала XX-го века исследователи обращали внимание на то, что идеи, изложенные в древнеиндийском трактате, могут рассматриваться как «прото-теория» и даже заложить основу «индуисткой теории международных отношений» [114]. Знаменательно, что произошло это в 1919 г., то есть в то самое время, когда в университетах Европы и Америки только создавались первые кафедры международных отношений. Современные исследователи смогли продолжить теоретические разработки на основе индуистских идей [61].

В частности, доцент университета Нью-Дели Дипшиха Шахи предложил для ТМО оригинальную концепцию адвайтического монизма. Идея адвайты восходит к философской традиции, контрастирующей с западным сциентизмом [83]. С точки зрения данного подхода, весь мир воспринимается в качестве соединенной/единой реальности, в рамках которой такие уровни анализа, как «государство» и «мир», рассматриваются как онтологически равноценные. В этом случае выбор уровня анализа является политически мотивированным и отражающим исследовательскую predisposition. Идея «единой тайной связанности» (single hidden connectedness) позволяет говорить о том, что нации-государства или даже отдельные индивиды являются суб-реальностями в рамках связанной глобальной реальности, при этом, суб-реальности и глобальная реальность не являются онтологически различными по своей природе, несмотря на то, что они аналитически дифференцируемы. Таким образом, реальность характеризуется всепроникающей связью между микро- и макромиром – отдельными индивидами, государствами и миром в целом [115].

Концепция мироустройства Тянься, продвигаемая Чжао Тиняном, может показаться в определенной степени похожей на идею адвайтического монизма. Однако, в китайской теории речь идет о целостном мире, который можно и нужно построить *в будущем*, а сегодня речь идет о «несостоявшемся мире», в котором доминируют различные идентичности и противоречия между ними. Индийское же учение говорит о едином мире как *уже* существующем явлении, но осознание этого факта является важной интеллектуальной задачей.

Данное обстоятельство отличает адвайтический монизм как основу для ТМО от холизма. Д. Шахи отмечает, что в китайских подходах ключевым фактором выступают связи. В этом смысле, считает индийский автор, китайская концепция холизма в ТМО в некотором роде совпадает с западными идеями, продвигаемыми той же мир-системной теорией. Дело в том, что акцент на первичности связей в обоих случаях дает основание утверждать – «мир» не существовал до тех пор, пока европейское международное сообщество не распространило свои связи на другие регионы мира. Рассматриваемый индийский вариант, по мнению его создателя, может положить основу «пост-западной» ТМО, которая будет отличаться от предыдущих версий [115, р. 325–330]. Преимущества предлагаемого варианта теории объясняются тем, что в нем будет снята проблема «единицы анализа», так как все возможные единицы анализа должны рассматриваться в качестве

равнозначных, а также будет преодолена дуалистическая эпистемологии, являющаяся интеллектуальным продуктом Запада.

Также заслуживает внимания концепция «повторного применения», предложенная Субрат Митрой для проведения кросс-культурного и компаративного анализа в международных отношениях. Согласно идее автора, политические, религиозные и культурные процессы должны рассматриваться не линейно эволюционными, а как продолжающиеся модификации своих прошлых вариантов с возможностью периодического возвращения к предыдущим формам. Он использует эту концепцию в качестве эвристического инструмента для анализа и интерпретации культурных и политических изменений, наряду с транснациональным распространением идей и норм. Концепция «повторного применения» призвана продемонстрировать, как элементы из прошлого адаптируются в настоящем и становятся частью нового модерна [101].

Наиболее заметный же вклад в развитие диалога о незападных ТМО внес работающий с 90-х гг. XX в. в США и Канаде индийский исследователь Амитав Ачарья. Подготовленное им совместно Б. Бузаном в 2010 г. издание стало первой работой, которая объединила взгляды на проблему развития ТМО в целом и состояние международно-политической науки в разных странах и регионах мира [53]. Будучи президентом крупнейшей профессиональной ассоциации исследователей-международников (International Studies Association – первым из представителей незападных стран) в период 2014-2015гг. он активно продвигал исследовательскую программу «Глобальная наука о международных отношениях». Фактически, А. Ачарья является одним из главных «локомотивов» продвижения проблематики незападной/пост-западной ТМО.

Для него центральным является вопрос о западно/американском доминировании в исследованиях МО. Однако этот автор несколько скептически относится к идее создания отдельных национальных школ, так как они могут оказаться еще менее применимыми, чем существующие западные теории. Рассуждая об этом на примере работ китайских международников, А. Ачарья напоминает, что они должны были постоянно задаваться вопросом о том, насколько их теория полезна и применима не только к Китаю, но к международным отношениям в целом [50, p. 5].

Свою мысль о необходимости обеспечения взаимодополняемости западных и незападных теорий он развивает на примере работ китайского теоретика Цинь Яцина. Автор отмечает, что «Цинь заявляет о том, что идея ре-

ляционности (relationality) применима для описания и анализа международных отношений в разных регионах мира, включая Запад, несмотря на свое происхождение из исконно китайской культуры. Если это так, то работы Циня Яцина соответствуют повестке развития глобальной науке о МО. Тем не менее, необходимо учитывать, что западные акторы также могут вести себя реляционно на международной арене, но из-за чрезмерного внимания, которые западные теории уделяют вопросам рациональности, данный аспект оказался ими упущен» [50, р. 6].

Ачарья делает еще одно важное замечание: «В то же самое время, нельзя забывать о том, что Цинь также является конструктивистом, так как некое “эхо” его идеи перекликается с конструктивизмом» [50, р. 6]. Фактически, Ачарья говорит о том, что китайских теоретиков, в той или иной степени, можно отнести к уже оформившимся парадигмам и дискурсам ТМО. Поэтому им не надо делать акцент на отличиях, а стараться инкорпорировать свои новые теории, не отвергая уже существующие.

Критикуя знаменитую работу С. Хантингтона о столкновении цивилизаций, он подчеркивал: «В своей основе эта работа представляет и объясняет страх Запада перед Исламом (и Конфуцианством), а не страх Ислама перед Западом» [50, р. 7]. По его мнению, для развития глобальной науки о МО актуальнее исследовать вопрос взаимного «обучения» цивилизаций друг у друга. Ачарья также подчеркивает, что сделать важные теоретические и концептуальные обобщения можно на основе анализа особенностей процессов регионализма и регионализации во всем обширном многообразии не-Запада. Особо этот автор выделяет важность вопроса о развитии на данной основе эпистемологии и методологии исследований. В качестве примера он приводит обширный индуистский эпос и буддийскую философию, тем самым предлагая развивать современные методы научного познания на основе классических работ философского и даже религиозного характера [51, р. 634–636]. К другим важным темам, которые способны стать источником для глобальной науки о МО, Ачарья относит исследование вопросов генеалогии международных систем, дальнейшее изучение человеческого (личностного) уровня в международных отношениях, а также “агентской роли” глобального Юга [52].

Итак, ведущие специалисты разных стран высказались за необходимость разработки «незападных» вариантов ТМО. Можно также утверждать, что время «парадигмы усвоения», по крайней мере, для китайской и российской науки, в целом уже закончилось. В общем контексте развития современной теории и методологии науки, которая признает детерминирован-

ность нашей познавательной деятельности реальностью определенных социально-политических условий, сам факт правомерности формирования новых школ исследований МО не вызывает сомнений. Очевидно, что такие школы, совместно с уже сложившимися американской, британской, копенгагенской, французской и другими, наконец-то, смогут обеспечить адекватное представление о мире в его реальном многообразии.

В качестве положительного момента публикаций российских и других «незападных» авторов можно указать фиксацию в них отправных моментов для последующих исследований. В их числе: признание «комплексности» предмета международных исследований, существования различных образов мира, интеллектуальных традиций и типов мышления; предложения использовать эвристичные идеи из литературоведения, психологии и ряд других. Но нельзя также закрывать глаза на другое обстоятельство, связанное с позитивной стороной рассматриваемого нововведения: усугубление негативных тенденций к фрагментации и релятивизации в науке о международных отношениях. Для того, чтобы понять, каким образом можно устранить обнаружившееся противоречие, следует обратить внимание на несколько моментов, которые ослабляют позиции сторонников развития западных школ ТМО.

Незападные школы и некоторые перспективы развития ТМО

При анализе представленных работ обращает на себя внимание, что их авторы, как правило, не пытаются обосновать исходный концепт – «теория», аргументировано показать какого рода построения могут считаться теорией. Между тем, есть все основания полагать, что такое положение является одной из причин общего кризиса ТМО [48]. Конечно, какие-то определения на этот счет приводятся. Например, для А. Ачарии и Б. Бузана «... теория – это абстрагирование от каждодневных фактов и событий и стремление установить паттерны, позволяющие объединять события в определенные классы» [54, р. 289]. Можно найти и более общие варианты трактовки данного явления: «международная теория есть система научно и культурно укорененных представлений и размышлений о мире» [55]. Не менее содержательно и определение теории в специальном словаре [71, р. 309-311]. Можно привести и «компромиссные» подходы: теория – систематизированный образ мира, основанный на локальной культурной истории [123]. В других социальных науках можно найти и «договорные» интерпретации: «... теория – это совокупность логически связанных и проверяемых утверждений, которые признают в качестве теории определенная часть професси-

онального сообщества» [27, с. 206]. Вообще, если посмотреть на современную практику использования термина теория, то можно обнаружить, что он заменяет собой и такое важное направление науки, как методология исследований, используется вместо категории «гипотеза», обозначает абсолютно голословные заявления и вообще дает основание утверждать – у каждого может быть своя теория.

Вполне приемлемое определение концепта дал в свое время К. Уолц – на то он и классик: «Теория является ментально созданной картиной определенной области реальности или деятельности. Теория – это описание организации такой области и взаимосвязи ее частей... Теория определяет, какие из факторов являются более значимыми, чем остальные, и характеризует связи между ними. В реальности все взаимосвязано друг с другом, так что ни одна область не может быть отделена от других. Теория позволяет сделать это путем абстрагирования...». Но затем автор сделал непонятное разграничение: «Вопрос здесь, как всегда, когда дело касается теорий, будет заключаться не в том, будет ли такое выделение реалистичным, но будет ли оно полезным. Критерием полезности будут являться объяснительные и прогностические возможности теории, которые она сможет продемонстрировать» [131, р. 8]. К сожалению, он и сам не во всем придерживался такой трактовки.

Особое удивление в приведенном плюрализме дисциплинарного понимания концепта теория вызывают два обстоятельства. Во-первых, из употребления выпало такое сопутствующее понятие, как «эмпирическое обобщение» («Эмпирическая теория» по Гриффитсу и Каллахену). Разного рода призывы «возвратиться к практике», фиксировать происходящие изменения, события, процессы, а потом уже «теоретизировать» – все это как раз про такие обобщения. Во-вторых, в теоретизировании на предмет международных отношений также не очень востребовано еще более значимое понятие – «научная картина мира» [2]. Можно согласиться с определением, согласно которому оно представляет собой «... форму теоретического знания, репрезентирующий предмет исследований, соответствующий определенному этапу развития науки, форму, посредством которой интегрируются и систематизируются конкретные знания, полученные в различных областях научного поиска» [32, с. 41].

Конечно, с общенаучной картиной мира сегодня тоже не все благополучно, но такое положение не отменяет значимость «картин мира» в различных научных отраслях, составными компонентами которых являются отдельные парадигмы (если таковые уже существуют) и собственно теории. А кроме того, следует учитывать, что эти картины формируются не столько

на основе эмпирических обобщений, сколько в результате взаимодействия и обмена идеями между разными общими и конкретными научными картинами. Поэтому невозможно построить сильную теорию на редуцированном основании одной дисциплины. Только междисциплинарный, а, скорее, «постдисциплинарный подход» (М. Ламонт) может стать основой для формирования эффективной теории, обладающей и прогностическим потенциалом. Как мы наблюдаем сегодня, незнание современного теоретического арсенала приводит к неоправданному дублированию исследований, как следствие – неэффективной затрате времени и сил, в то время как полученные скромные результаты только вызывают разочарование в теории как таковой.

Не менее очевидно, что плодотворный обмен идей может состояться в том случае, если мы хорошо разбираемся, как собственно в этих «картинах» мира», так и в той эмпирической реальности, для осмысления которой они предназначены. Сформировать компетентность такого рода невероятно сложно, так что неудивительно, что, несмотря на постоянные призывы к междисциплинарности, в лучшем случае она сводится к простому «учету данных разных дисциплин», т.е. к пресловутому «комплексному подходу». По-видимому, современные требования к созданию теории настолько сложны, что от нее проще совсем отказаться, чем взвалить на себя это бремя. Кроме того, необходимость постоянного мониторинга ситуаций в разных частях мира, их фиксация и систематизация и так позволяют неплохо существовать, без сверхнапряжений для интеллекта. Деятельность подобного рода также необходима и важна, но только не для **создания теорий**, а для **верификации исходных идей и гипотез из теоретического арсенала определенных картин мира**. Только после выполнения подобной процедуры, которая предполагает систематизацию первичных данных, эти идеи и гипотезы могут использоваться для теоретических обобщений.

Следовательно, в свете современных представлений о научной теории следует признать, что создание теоретического обеспечения любой из отраслей науки является едва ли не самой сложной исследовательской задачей и предполагает владение особыми компетенциями и глубокой общенаучной эрудицией. Близкое понимание теории, да еще и в антропологизированном виде, представил известный исследователь М.А. Хрусталеv: «Большинство мыслит в рамках стереотипов: что заложено, то и есть, за его пределы не выходят и не могут даже захотеть это сделать. Около 63% людей мыслят стереотипами и не могут от них отойти. Есть люди, которые способны модифицировать стереотипы. Попадаютcя некоторые, которые могут создавать новые сте-

реотипы. И, наконец, встречаются те, кто могут создавать новые принципы для производства стереотипов – вот они и есть чистые теоретики» [38].

В этой связи на текущем уровне развития ТМО необходимо формировать спрос на «чистых» теоретиков, которые могут предложить не редуцированное под внешние заказы или личное удобство, но целостное видение предмета наших исследований, характеристику его базовых признаков с не всегда комфортной для анализа спецификой. В любом случае, повторим еще раз, большой ошибкой будет полагать, что можно выстроить сильную, обладающую высокими эвристическими возможностями теорию на основе потенциала отдельной дисциплины [99]. Учитывая же факт оформления разных национальных традиций социально-политических исследований в рамках таких дисциплин, сегодня не приходится надеяться на возможность сделать подобный прорыв специалистам одной какой-нибудь страны. Теория, как впрочем, и вся наука, являются интернациональными явлениями, но пока не столько в смысле возможностей решения проблем регионального и глобального уровня, сколько в силу необходимости формирования национальных школ, вносящих свой вклад в обеспечение таких возможностей.

Существует еще одно препятствие, которое может помешать нам своевременно выйти на передний край современного теоретического поиска. В публикациях российских и других авторов обращает на себя внимание малая амбициозность выдвигаемых задач. Действительно, предложения использовать традиционные идеи, разрабатывать теории среднего уровня, осуществить синтез региональных и глобальных исследований, конечно, по своему значимы. Но, если мы сравним их с исследовательскими программами «западных» авторов, вынесенными на обсуждение еще в 1990-х гг., то результаты будут не в нашу пользу. Например, там предлагается «...пересмотреть базисные концепции, открыть, то, что было закрыто; регуманизировать дегуманизованное; лишить МО односторонней гендерности там, где это имело место; отдать предпочтение сомнению перед уверенностью; развенчать логику анархии вместе с логиками анархии; опровергнуть укоренившийся здравый смысл; заполнить пограничные зоны между МО и другими академическими дисциплинами; идеологизировать то, что кажется «объективным»; переосмыслить роль человека; поместить традицию в контекст; сделать нормативность нормой; внимательно вслушаться в «пронзительное молчание» предметов». Справедливости ради следует признать, что автор этой программы сам испугался, что его требования угрожают утопить науку в «черной дыре философии», но это уже другой вопрос [8, с. 309].

Примечательно, что в рассмотренных вариантах ТМО почти не разрабатывается концепт сложности, занимающий важное место в разных областях естественно научного и социального знания. По мнению немецкого физика Г. Хакена – одного из создателей этого перспективного направления – синергетика: «... период с окончания Второй мировой войны до начала 70-х гг. сыграл ту огромную роль в становлении современного мировоззрения, что по мере осознания проблем целостности, структурности и организации, произошло также открытие феномена сложности» [36, с. 23].

Очевидно, что международные отношения по своей природе могут быть отнесены к категории явлений повышенной сложности. В западной ТМО уже происходит освоение представленного концепта, отобразившееся в количественном росте соответствующих публикаций [9;10; 62; 67; 75; 90; 105; 132]. Например: «Наша работа представляет реальность мировой политики, как нечто более сложное, чем размышления о ней в существующих теориях» [76, р. 1]. Эвристический потенциал идеи сложности, в сравнении с пресловутой «комплексностью», заключается уже в том, что она имплицитно включает в себя признание разных уровней организации рассматриваемых явлений. В результате становится понятной контрпродуктивность универсализации принципа «методологического индивидуализма», так как приходится согласиться с правомерностью подхода, основанного на «методологическом коллективизме». Не будут также вызывать недоумение ситуации, когда сложные явления будут составлять отдельные компоненты с очень разными свойствами. Кроме того, сложное – это то, что не доступно для нашего непосредственного наблюдения и поэтому его исследование предполагает применение специальной методологии. Как следствие, современная процедура исследований международных отношений предполагает преодоление установленного постмодернистами **двойного отрыва дискурса от исследуемой реальности**, обусловленного использованием языка для ее описания и ухода от целостности (сложности) изучаемых явлений [2; 6; 7].

Не совсем понятно, по какой причине ведущие «незападные» теоретики обошли вниманием разработки в области использования потенциала системной парадигмы для решения современных международных проблем [11]. Ранние варианты теорий политической системы Д. Истона и международных отношений М. Каплана не прошли проверки временем, однако в последнее время появились более интересные версии системных концепций, например, немецкого «философствующего социолога» Н. Лумана. Не случайно его теорию социальной системы сейчас активно продвигают для ре-

шения международных проблем [103]. В свою очередь, успех этой теории обусловлен тем обстоятельством, что социальный теоретик из Германии активно использовал достижения физики и нейробиологии [97, 98]. Последние связаны с разработками вопроса воспроизводства систем в определенных границах на основе операций коммуникации и наблюдения [21, 22]. Поэтому, в отличие от версии Л. фон Берталанфи, сегодня «в наиболее общем виде система может быть определена как комплекс взаимодействующих компонентов вместе с отношениями между ними, которые делают возможным распознавание поддерживающих свои границы целостных образований или процессов» [93, p. 47].

В России сложилась своя традиция в развитии системных представлений, восходящая еще к «Тектологии» А.А. Богданова и продолженная в 1970-1980-х гг. преимущественно философами. Этот потенциал, дополненный современными разработками из других отраслей науки, может обеспечить формирование концептуальной базы для реальной интеграции разных дисциплин и стать основой для создания эффективной теории анализа международных отношений как сложного явления.

Наши возможности в продвижении системной теории тем более возрастают, так как после вызова постмодернизма французские интеллектуалы стали отказываться от своего структурализма в пользу американских когнитивных исследований и аналитической философии. Компетентная автор уже высказалась по этому поводу: «Единодушное стремление увидеть корни интеллектуальной отсталости Франции в эпохе структурализма не может не вызывать удивления: ведь это была одна из наиболее плодотворных эпох интеллектуальной истории, когда Франция, без сомнения, играла лидирующую роль в развитии наук о человеке» [37, с. 15]. Как известно, российские лингвисты и литературоведы в лице Н.С. Трубецкого, Р.О. Jakobsona, В.Я. Проппа и других заложили влиятельную отечественную школу структурных исследований. Следует только понимать необоснованность претензий К. Леви-Стросса на структурализм. Дело в том, что структура – это важнейшее явление различных систем, которое может рассматриваться в качестве самостоятельного образования только в исследовательских целях. Классическое понимание структуры может быть выражено как набор наиболее устойчивых связей и отношений между основными компонентами системы [1]. (Сравните позицию М.Г. Ятмановой: структура – это «упорядоченность, узор, схема, расположение элементов и отношений» – повторяющая подход К. Уолца в данном вопросе). Правда, в силу особенностей данного явления приходится

снова повторить, что и структурный анализ – это тоже настолько трудоемкая процедура, что от него проще отказаться, чем осваивать. Но здесь следует обратить внимание, что структурные исследования обеспечивают реальное совпадение позиций российской и китайской школ ТМО, поскольку идея взаимосвязи является очень значимой для последней [102].

В целом же корректное понимание концептов система, подсистемы, структура и их соотношения освобождает нас от участия в схоластических дискуссиях, таких как агенты или структура, и т.п. Не пришлось бы также затратить столько времени на выяснение вопроса о связи внешней и внутренней политики государств. В общем контексте современного состояния системной парадигмы и классики структурного анализа в социальных науках следует признать, что существующие образцы применения системных положений для исследования международных отношений, как в лице классика К. Уолца, так и современных российских специалистов, далеко не в полной мере используют их возможности. В то же время концепция хронополитики М.В. Ильина и В.Л. Цымбурского более соответствует не только базовым принципам современной системной парадигмы, но и макроистории, истории больших длительностей и некоторых других перспективных направлений [12; 44].

«Незападные» ТМО проигрывают ведущим образцам еще в одном отношении, зафиксированном И. Истоминым и А. Байковым: «Западная академическая традиция в большей степени интернализировала революцию в науковедении, социологии науки и когнитивной психологии, которая произошла в XX веке. В этой связи для нее характерно и более критичное отношение к мыслительным процессам исследователей, их способности усваивать информацию и получать обоснованные выводы на ее основе» [13, с. 127]. Подобные выводы являются хорошим обоснованием идеи о необходимости развития нового направления исследований – антропологии международных отношений. Данное направление не только у нас только делает первые шаги, так что есть шанс даже выйти в нем на передовые позиции [4; 7; 20; 35].

Здесь следует обратить внимание, что в то время, как ТМО делала первые шаги в освоении всех возможностей социологии и исследований культуры применительно к своим задачам, в других областях уже осознали: «... путь от трансцендентного эго вел не столько к погруженному в мир субъекту познания, сколько к растворению субъекта в мире познающего сознания – в сознании вообще, к подмене самого понятия субъекта понятием культуры» [16]. Возвращение же в научное поле субъекта познания, т.е. че-

ловека наглядно продемонстрировало: «... в число интеллектуальных задач, которые ставят перед собой исследователи, вошли задачи самых различных типов, порожденные различными социально-культурными контекстами, интеллектуальными традициями, условиями профессиональной деятельности, и т.д., и что их для решения исследователи мобилизуют различные ресурсы сознания» [17, с. 44-45]. Приведенная более широкая эпистемологическая перспектива не только раскрывает причины возникновения «ловушки» методологического национализма, но и дает новое обоснование в пользу создания незападных ТМО. Но она же открывает и новое поле исследований, которое связано с выходом в область нейронауки.

В настоящее время в этой сфере активно развиваются такие направления, как нейроэкономика, нейросоциология, нейрополитология. Основная их задача пока была очень конкретной – выяснить с принципиально новых оснований, каким образом соответствующие лица принимают решения в конкретных ситуациях. Однако в других отраслях знания уже поняли, какие широкие возможности теперь открываются перед нами. Сейчас начинается активное обсуждение таких вопросов, как, что мы считаем знанием и как мы его добываем? И даже – как думают историки, когда занимаются историей? [17].

Таким образом, вновь возникшим «незападным» школам в науке о международных отношениях для вхождения в основной теоретический «мейнстрим» необходимо включиться в обсуждение насущных теоретико-методологических проблем. Они смогут это сделать, если будут активно усваивать достижения из научных картин мира других отраслей знания, такие, как например, принципы сложности, дополнительности, учет позиции наблюдателя и механизмов осмысления реальности человеком. Конечной целью такого нового этапа усвоения должно стать создание более сильных теорий, которые смогут покончить с бесперспективным плюрализмом мнений в отношении самой теории и ее возможностей в исследовании и прогнозировании международных отношений.

Литература

1. Автономова Н.С. Философские проблемы структурного анализа в гуманитарных науках. М. Наука. 1977. 257 с.
2. Алексеева Т.А. Современная политическая мысль (XX–XXI вв.). Политическая теория и международные отношения. М.: АСПЕКТ ПРЕСС, 2015. 622 с.

3. Алексеева Т. А., Лебедева М. М. Что происходит с теорией международных отношений // Полис. Политические исследования. 2016. № 1. С. 29-43.
4. Баталов Э. Антропология международных отношений [Электронный ресурс] // Международные процессы Том 3, № 2(8), май-август 2005 г. URL: <http://www.intertrends.ru/seven/001.html>
5. Богатуров А.Д. Десять лет парадигмы освоения Pro et Contra. 2000. Т.5. N 1. С. 195-202.
6. Богатуров А.Д. Очерки теории и политического анализа международных отношений / А. Д. Богатуров, Н. А. Косолапов, М. А. Хрусталева ; Научно-образоват. форум по междунар. отношениям. М., 2002. 380 с.
7. Богатуров А.Д. Психологические и политические составляющие современной международной стабильности // Россия в современной системе обеспечения глобальной стабильности. Политика и восприятие / отв. ред. А.А. Кокошин. УРСС, 2007. С. 18-41.
8. Бус К. Вызов незнанию: теория МО перед лицом будущего // Международные отношения: социологические подходы. М.: Гардарики, 1998. С. 307-331.
9. Громько Ю.В. Сценарная панолия. Сценарий для России. Русский путь. Новая повестка для президента. М., 2004. 398 с.
10. Диалектика познания сложных систем. М. Мысль. 1988. 317 с.
11. Зуйков Р. Мировая система в начале XXI века. Опыт реконцептуализации // Международные процессы. Т. 11. № 2 (33). Май – август 2013. С. 20-36.
12. Ильин М.В. Хронополитическое измерение: за пределами Повседневности и Истории // Полис. 1996. №.1. С. 55-77.
13. Истомин И., Байков А. Сравнительные особенности отечественных и зарубежных журналов // Международные процессы 2015. N 2. С. 114-140.
14. Кожемякин Д.П. Сценарно-ситуационный анализ в системе планирования теплоснабжающего предприятия на примере ООО Паровое хозяйство «Энергия»: дисс. ... канд. эконом. Н. Новосибирск, 2009. 199 с.
15. Коньшев В.Н., Сергунин А.А. Теория международных отношений: канун новых «великих дебатов» // Полис. 2013. № 3. С. 66-78.
16. Копосов Н.Е. Дюркгейм и кризис социальных наук // Социологический журнал. 1998. № 1-2. С. 55-65.
17. Копосов Н. Е. Что такое критика социальных наук? // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Том II. № 3. С. 43-57.

18. Кузнецов А.М. «Мирное развитие Китая» и некоторые проблемы современной теории международных отношений // Политическая концептология. 2014. № 3. С. 166-177.
19. Лебедева М.М. Развитие российских международных исследований: возможный вклад в развитие мировой науки // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2015. Сер. 6. Вып. 2. С. 83-95.
20. Ледяев В.Г. О сущностной оспариваемости политических понятий // Полис. 2003. № 2. С.86-95.
21. Луман Н. Введение в системную теорию. М.: Логос, 2007. 355 с.
22. Луман Н. Общество как социальная система. М.: Логос, 2004. 232 с.
23. Мартин Т. Империя позитивного действия: Советский Союз как высшая форма империализма? *Ab Imperio*, 2002. № 2. С. 55-87.
24. Нойманн И. Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей М.: Новое издательство, 2004. 240 с.
25. Планк М. Единство физической картины мира. М. 1966. 288 с.
26. Примаков Е.М., Хрусталева М.А. Ситуационные анализы. Методика проведения. Очерки текущей политики. Вып. 1. М. Научно-образовательный форум по международным отношениям. МГИМО МИД России. 2006. 28 с.
27. Проблемы теории международных отношений // Мировая экономика и международные отношения. 1969. № 9. С. 88-106; № 10, с. 78-99.
28. Радаев В. Есть ли шанс создать российскую национальную теорию в социальных науках // *Pro et Contra*. Том 5. № 3. Лето 2000. С. 202-214.
29. Российская наука международных отношений: новые направления / под ред. А.П. Цыганкова, П.А. Цыганкова. М.: Пер се, 2005. 416 с.
30. Ситуационные анализы. Вып. 2. Отв. Редактор Т.А. Шаклеина. М.: МГИМО-университет, 2012. 276 с.
31. Ситуационный анализ Отношения России и Европейского Союза: современная ситуация и перспективы. Под руководством С.А. Караганова. «ktrnhjuysq htcehc [Электронный ресурс]. URL: www.svip.ru/public/docs_2005-4-8-1350646987.
32. Соколов М., Титаев К. Провинциальная и туземная наука // Антропологический форум. № 19. 2013. С. 239-275.
33. Степин В.С., Кузнецова Л.Ф. Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации. М.: Институт философии РАН, 1994. 282 с.

34. Тишков В.А. Социальная антропология: профессия и призвание. Интервью с Валерием Тишковым // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. Т. 1У. № 4. (16) С. 5-36.
35. Тюлин И.Г. Новые тенденции в российских исследованиях международных отношений // Современные международные отношения и мировая политика под ред. А.В. Торкунова. М.: МИГИМО-Университет, 2004. С. 37-48.
36. Фененко А. Почему в Америке не любят публиковать российских авторов? // Международные процессы. 2016. Том 14. № 1. С. 171-180.
37. Хакен Г. Информация и самоорганизация. Макроскопический подход к сложным системам. М. 1991. 240 с.
38. Хапаева Д. Герцоги республики в эпоху переводов. Гуманитарные науки и революция понятий. М.: Новое литературное обозрение. 2005. 264 с.
39. Хрусталева М. Две ветви ТМО в России // Международные процессы. Том 4. № 2 (11) май-август 2006 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.intertrends.ru/seven/001.html>.
40. Цыганков П.А. Глобальные политические тенденции и социология международных отношений // Международные отношения: социологические подходы. М. Гардарики.1998. С. 17-47.
41. Цыганков П.А. Перспективы развития теории международных отношений в России в условиях глобализации // Мировая политическая теория. Теория. Методология. Процедуры анализа. М.: Научно образовательный форум по международным отношениям. 2005 www.НОФМО.мирсоваяполитика.
42. Цыганков А.П. Российская теория международных отношений: какой ей быть // Сравнительная политика. 2014. № 2. С. 65-81.
43. Цыганков П.А. Теория международных отношений. М.: Гардарики, 2002. 590 с.
44. Цыганков П.А. Эволюция западных теоретических подходов к исследованиям международных отношений // Современные международные отношения и мировая политика под ред. А.В. Торкунова. М.: МИГИМО-университет, 2004. С. 15-37.
45. Цымбурский В.Л. Остров Россия. Перспективы российской геополитики // Полис. 1993. № 5. С. 6-23.
46. Черкасов П. ИМЭМО. Портрет на фоне эпохи. М.: Весь мир, 2004. 572 с.
47. Чжан Жуйчжуан, А. Королев. Теория международных отношений с китайской спецификой: современное состояние и тенденции развития // Проблемы Дальнего Востока. 2010. № 3. С. 96-110.

48. Шаклеина Т.А. Россия и США в новом миропорядке. Дискуссии в политико-академических сообществах России и США (1991-2002) М.: ИСКРАН, 2002. 445 с.
49. Яремущкин А. О новых тенденциях в развитии некоторых отраслей науки на современном этапе // Общество и экономика. 2013. № 11. Декабрь. С. 21-29.
50. Aalto P., Harle V., Moisisio S. Introduction. P 3-30 // International Studies. Interdisciplinary Approaches. Ed. by Aalto P., Harle V., Moisisio S. Palgrave Macmillan. NY. 2011. 270 p.
51. Acharya A. Advancing Global IR: Challenges, Contentions, and Contributions // International Studies Review. 2016. Vol. 18 № 0. P. 1–12.
52. Acharya A. Dialogue and Discovery: In Search of International Relations Theories beyond the West // Millennium: Journal of International Studies. 2011. Vol. 39 №3. P. 619–637.
53. Acharya A. Global International Relations (IR) and Regional Worlds // International Studies Quarterly. 2014. Vol. 58. № 4. P. 647–659.
54. Acharya A., Buzan B. Non-Western International Relations Theory: Perspectives on and beyond Asia / Routledge: London&New York. 2010 242 p.
55. Acharya A., Buzan B. Why Is There No Non-Western International Relations Theory? // International Relations of the Asia-Pacific. 2007. 7 (3). P. 287-312.
56. Alker H.R. Dialectical Foundations of Global Disparities // International Studies Quarterly. 1981. Vol. 25. N 1. P. 68-98.
57. Amelicheva M.Y., Zubitska L. An Unending Quest for Russia's Place in the World: The Discursive Co-evolution of the Study and Practice of International Relations in Russia //New Perspectives. Interdisciplinary Journal of Central & East European Politics and International Relations. Vol. 29. N 1. 2016. P. 19-51.
58. Amelina A., Faist T., Glick Schiller N., Nergiz D. Methodological Predicaments of Cross Border Studies // Beyond the Methodological Nationalism. Nationalism Research Methodologies for Cross Border Studies, ed. by A. Amelina, D. Nergiz, T. Faist, N. Glick Schiller. NY.L. Routledge. 2012. P. 1-22.
59. Armstrong D. Why is there too much international theory? // Australian Journal of Political Science. Vol. 30. (4) Issue 2. 1995. P. 356-363.
60. Beck U. The Cosmopolitan Condition: Why Methodological Nationalism Fails // Theory. Culture. Society. 2007. Vol. 24. N 7-8.
61. Bajpai K. Obstacles to Good Work in Indian International Relations // International Studies. 2009. Vol.46. P. 109–128.

62. Behera N.C. Re-imagining IR in India // *International Relations of the Asia-Pacific*. 2007. Vol. 7 №.3. P. 341–368.
63. Bousquet A. Prolegomena to Postanthropocentric International Relations: Biosphere and Techosphere in the Age of Global Complexity // *World Politics at the Edge of Chaos. Reflections on Complexity and Global Life*, ed. by E. Kawalski. Suny Press: NY, 2015. Pp. 189-208.
64. Callahan W.A. Nationalizing international theory: the emergence of English school and international relations theory with Chinese characteristics // *World Economics and Politics*. 2002. Vol. 6. P. 49-54.
65. Callahan W.A. Nationalizing International Theory: Race, Class, and the English School // *Global Society*. 2004. 18 (4). P. 305-323.
66. Ching-Chang Chen Is Japans International Relations the Next English School? Re-examination of Non-Western International Relations Theory. P. 43-65.
67. Creutzfeldt, B. Theory Talk #51: Yan Xuetong on Chinese Realism, the Tsinghua School of International Relations, and the Impossibility of Harmony // *Theory Talks*, [Electronic resource]. URL: <http://www.theory-talks.org/2012/11/theory-talk-51.html>.
68. Cudworth E., Holden S. Complexifying International Relations for a Posthumanist World // *World Politics at the Edge of Chaos. Reflections on Complexity and Global Life*, ed. by E. Kawalski. Suny Press: NY, 2015. Pp. 169-188.
69. *Decolonizing International Relations*, ed. by B.G. Jones. Rowman & Littlefield. 2006. 275 p.
70. Dunne T., Hansen L., Wight C. The End of IR Theory // *European Journal of International Relations*, vol. 19, N 3, 2013, p. 405-425.
71. Griffiths M. *Rethinking Theory of International Theory*. NY: Palgrave Macmillan, 2011.
72. Griffiths M., O’Callaghan T. *International Relations: The Key Concepts*. L.,NY. Routledge. 2002. P. 309-311.
73. Guzzini S. The ends of International Relations Theory: Stage of reflexivity and modes of theorizing // *European Journal of International Relations*. 2013. September. Vol. 19. N 3. P. 405-425.
74. Guzzini S. *Theorizing International Relations: Lessons from Europe’s Periphery* [Electronic resource]. DIIS Working Paper. N 2007/30. URL: www.diis.dk/graphics/publications/wo2007/Guzzini/.
75. Haji-Yousefi A.M. Is There an Iranian Perspective on International Relations? [Electronic resource]. URL: <http://www.cpsa-acps.ca/papers> 2009.

76. Harrison N. *Complex Systems and the Practice of World Politics // Complexity in World Politics: Concepts and methods of a New Paradigm*. SUNY Press. 2007. P. 183-196.
77. Harrison N. *Thinking About the World We Make // Complexity in World Politics: Concepts and methods of a New Paradigm*. SUNY Press. 2007. P. 1-24.
78. Hiddleston J. *Understanding Postcolonialism*. Acumen. 2009. 202 p.
79. Hoffmann Stanley. *An American Social Science: International Relations // Daedalus*. 1977. Vol. 106. N 3. P. 41-60.
80. Hoffmann S. H. *International Relations. The Long Road to Theory // World Politics*. 1959. vol. XI. p. 346-377.
81. Hudson V.M. *Foreign Policy Analysis: Actor-Specific Theory and the Ground of International Relations // Foreign Policy Analysis*. 2005. Pp. 1-30.
82. Jackson W.D. *Imagining Russia in International Relations Theory (Miami univ.)*, [Electronic resource]. URL: www.units.muohio.edu
83. Jones B.G. *Introduction: International Relations, Eurocentrism and Imperialism*, [Electronic resource]. URL: www.chapters.rowmanlittlefield.com
84. Jones R.H. *Science and Mysticism: A Comparative Study of Western Natural Science, Theravada Buddhism, and Advaita Vedanta / Bucknell University Press*. 2016. 266 p.
85. Jong Kun Choi. *Theorizing East Asian International Relations in Korea // Asian Perspective*. Vol. 32. N 1. 2008. P. 193-216.
86. Griffiths M. *Rethinking Theory of International Theory*. NY. Palgrave Macmillan. 2011.
87. Griffiths M., O'Callaghan T. *International Relations: The Key Concepts*. L., NY. Routledge. 2002. P. 309-311.
88. Harrison N. *Thinking About the World We Make // Complexity in World Politics: Concepts and methods of a New Paradigm*. SUNY Press. 2007. P. 1-24.
89. Ikeda Josuke. *The Post-Western Turn in International Theory and the English School // Ritsumeikan Annual Review of International Studies*. 2010. Vol. 9. P. 29-44.
90. *International Relations for the 21 century. An Introduction*. Ed. by M. Griffiths. L., NY. Routledge. 2007. 176 p.
91. Kawalski E. *Introduction. Inside/Outside and Around: Observing Complexity of Global Life // World Politics at the Edge of Chaos. Reflections on Complexity and Global Life*, ed. by E. Kawalski. Suny Press: NY, 2015. P. 1-30.
92. Kubalkova V., Cruickshank A.A. *Marxism-leninism and Theory of International Relations*. L.NY: Routledge and Kegan Paul 1980. 424 p.

93. Lake D. Theory is dead, long live theory: The end of the Great Debates and the rise of eclecticism in International Relations // *European Journal of International Relations*. September 2013. Vol. 19. N 3. Pp. 567-587.
94. Laszlo A., Krippner S. *Systems Theories: Their Origins, Foundations, and Development* // *System Theories and A Priori Aspects of Perception*. Amsterdam: Elsevier Science, 1998. 36 p.
95. Lebedeva M.M. *International Relations Studies in the USSR/Russia: Is There a Russian National School* // *Global Society*. 2004. Vol. 18. N 3. July. Pp. 263-278.
96. Makarychev A., Morozov V. Is “Non-Western Theory” Possible? The Idea of Multipolarity and the Trap of Epistemological Relativism in Russian IR // *International Studies Review*. 2013. Vol. 15. N 3. P. 328-350.
97. Martins G. *Time and theory in sociology / Approaches to Sociology. An introduction to major trends in British sociology*, ed. by J. Rex. Routledge and Kegan Paul. 1974. 302 p.
98. Maturana U., Varela F. *Autopoiesis and Cognition. The Realization of the Living*. Boston Studies in the Philosophy of Science ed. by R. Cohen, M. Vartofsky. Vol. 42. Boston, London: Reidel Publishing Company. Dordrecht, 1980. 94 p.
99. Maturana, H., Varela F. *The Tree of Knowledge (revised edition)*. Boston: Shambhala Press, 1998. 231 p.
100. Mearshamer J., Walt S.M. Leaving theory behind: Why simplistic hypothesis testing is bad for International Relations // *European Journal of International Relations*. September 2013. Vol. 19. N 3. P. 427-457.
101. Mgonia B.E.S., Nakombe I.A.M. Debating international relations and its relevance to the third world // *African Journal of Political Science and International Relations*. Vol. 3 (1). January 2009. P. 027-037.
102. Mitra S., Hegewald J. *Re-Use – The Art and Politics of Integration and Anxiety* / New Delhi: Sage. 2012. 368 p.
103. Nexon D. *Relationism and New Systems Theory* // *New Systems Theory of World Politics*. 2009. P. 99-106.
104. *New Systems Theories of World Politics*, ed. by M. Albert, L.E. Cederman, A. Wendt. Palgrave Macmillan. 2010. 328 p.
105. Paul T.V. Integrating International Relations Studies in India to Global Scholarship // *International Studies* Vol. 46. 2009 № 1-2. P. 129–145.
106. *Philosophy of Complex Systems*, ed. by Hooker C. Amsterdam. Elsevier. 2011. 911 p.

107. Postcolonial Theory on International relations: A Critical Introduction, ed. by Seth Sanjay. Routledge. L.,NY. 2013. 203 p.

108. Qin Yaqing. Culture and Global thought: Chinese International Relations Theory in the making // Revista CIDOB d'Afers Internacionals 2012. № 100. P. 67–89.

109. Qin Yaqing. International Society as a Process: Institutions, Identities, and China's peaceful Rise // Chinese Journal of International Politics. № 2. P. 129–153.

110. Qin Yaqing. Relationality and processual construction: bringing Chinese ideas into International relations theory // Social Sciences in China. 2009. Vol. 30. №. 4 P. 5–20.

111. Qin Yaqing. Why is there no Chinese International Relations theory? In; Non-Western International Relations Theory. Perspectives and beyond Asia, ed. by Amitav Acharya, Barry Buzan. Routledge. L., NY. 2010.

112. Ren Xiao. Toward a Chinese School of International Relations? // China and the New International Orders, ed. by Wang Genwu, Zheng Yongnian. NY. Routledge. 2008. P. 293-309.

113. Re-examination of Non-Western International Relations Theories. Sato Sh., Ikeda J., Ching-Chang Chen, Yong Chul Cho. Kyoto Working Papers on Area Studies. N 113. June 2011. 94 p.

114. Said E. Orientalism. NY. Vintage books. 1979. 368 p.

115. Sarkar B.K. Hindu Theory of International Relations // American Political Science Review. 1919. Vol. 13. № 3. P. 400–414.

116. Shahi D., Ascione G. Rethinking the absence of post-Western International Relations theory in India: 'Advaitic monism' as an alternative epistemological resource // European Journal of International Relations 2016. №. 2. P. 313–334.

117. Shilliam R. International Relations and Non-Western Thought: Imperialism, Colonialism and Investigations of Global Modernity (Interventions). Routledge. 2010. 288 p.

118. Sil R., Katzenstein P. Beyond Paradigms. Analytic Eclecticism in the Study of World Politics. NY. Palgrave. 2010. 263 p.

119. Sørensen M., Christiansen A. Ulrich Beck. An Introduction to the Theory of Second Modernity and the Risk Society. L.NY. Routledge. 2013. 186 p.

120. The Implications of "Tianxia" as a New World System [Electronic resource]. URL: <http://china.usc.edu/implications-tianxia-new-world-system>.

121. Tsygankov A., Tsygankov P. New Directions in Russian International Studies: Pluralism, Vesternization, and Isolationism // Communist and Post-Communist Studies. 2003. Vol. 36. N 1. P. 101-127.
122. Tsygankov A.P., Tsygankov P.A. A Sociology of Dependence in International Relations Theory. A Case of Russian Liberal Theory // International Political Sociology. 2007. Vol. 1. P. 307-324.
123. Tsygankov P., Tsygankov A. Self and Other in International Relations Theory: Learning from Russian Civilizational Debates // International Studies Review. 2008 Vol, 10.N 4, P. 762-775.
124. Tsygankov A., Tsygankov P. National Ideology and IR Theory: Three Reincarnations of the «Russian Idea» // European Journal of International Relations. 2010 a. Vol. 16. N 4. P. 663-686.
125. Tsygankov A., Tsygankov P. Russian Theory of International Relations // International Studies Encyclopedia, ed. by R.A. Denmark. Vol. X. Hoboken HJ : Willey-Blackwell Publisher. 2010 b. P. 6375-6382.
126. Tsygankov A., Tsygankov P. Russian IR Theory: The Crisis of Global-Pluralist Discipline // European Review of International Studies. 2014. Vol. 1. N 2. P. 92-106.
127. Turner J. August 3, 2009. Islam as a Theory of International Relations? [Electronic resource]. URL: www.-e-ir.info.
128. Yan Xuetong. Ancient Chinese Thought, Modern Chinese Power / Princeton and Oxford: Princeton University Press 2011. 311 p.
129. Zhang F. The Tsinghua Approach and the Inception of Chinese Theories of International Relations // Chinese Journal of International Politics. 2012. № 5. P. 73–102.
130. Zhao T. A Political World Philosophy in Terms of All-under-Heaven (Tian-Xia) // Diogenes. 2009. Vol. 56, №. 1. P. 5–18.
131. Zhao T. Rethinking Empire from the Chinese Concept «All-under-Heaven» // Social Identities. 2006. №1. P. 29–41.
132. Waltz K. Theory of International Politics. NY. Random House 1979. 241 p.
133. Wight C. Theorizing International Relations: Emergence, Organized Complexity, and Integrative Pluralism // World Politics at the Edge of Chaos. Reflections on Complexity and Global Life, ed. by E. Kawalski. Suny Press: NY, 2015. Pp. 53-78.

Глава 2. Поворот России на Восток: Pro et Contra

(А.М. Бобыло)

Глобальные перемены в международной политике в последнее десятилетие XX в., связанные с распадом СССР и окончанием «холодной войны», и ставшие причиной заметного ослабления политического, экономического, военного и культурного присутствия России в АТР при одновременном нарастании влияния со стороны США и Китая, во многом предопределили внешнеполитические ориентиры России в начале XXI в., в частности ее повышенное внимание к Азиатско-Тихоокеанскому региону. В этой связи, вопросы, связанные с различными аспектами интеграции России в АТР, стали объектом для анализа со стороны многих исследователей, среди которых особо стоит отметить работы Л.Е. Бляхера [1], С.И. Большакова [2], В. Владимировой [3], Л. Н. Гарусовой [4], Е.В. Колдуновой [5], С. В. КОРТУНОВА [7], В.Л. Ларина [8], С.В. Севастьянова [15] и др.

Политика «поворота России на Восток» был обусловлен не только желанием российской элиты восстановить традиционное для СССР военное присутствие в регионе, но, главным образом, необходимостью более активного включения РФ в региональные интеграционные процессы АТР, прежде всего, экономического развития Сибири и Дальнего Востока, улучшения качества жизни населения, и самое главное – предотвращения угрозы утраты огромных по величине и богатым ресурсами восточных территорий страны. С рядом государств, расположенных в данном регионе, Россия имеет общие сухопутные и морские границы, обладает уникальным многовековым опытом взаимодействия, что дает ей определенные геополитические преимущества и перспективы стать одним из ключевых игроков на азиатско-тихоокеанском пространстве.

В настоящее время интересы России в АТР многообразны и заключаются в восстановлении статуса тихоокеанской державы при поддержании необходимого уровня ее безопасности, а также создании условий для дальнейшего развития государства в новой системе координат мировой политики. К числу важных интересов страны относится повышение мер доверия по отношению к России со стороны различных государств региона, в том числе, бывших союзников СССР (Китай, Монголия, КНДР, Вьетнам, Индия). Так, например, являясь ядерной державой, Россия может рассматриваться в качестве одного из гарантов по поддержанию безопасности и стабильности в АТР, а с учетом ее географического положения могла бы стать связующим экономическим, финансовым, коммуникационным, культурным звеном, транспортным и энергетиче-

ским коридором для европейской и азиатской экономики, и еще шире – мостом между атлантической и тихоокеанской цивилизациями [7].

Политические и экономические интересы России в АТР, прежде всего, заключаются в том, чтобы экономическая интеграция стала основным вектором российской внешней политики в данном регионе. Усиление политической и экономической активности России в АТР необходимо в условиях ослабления ее военного присутствия. Большое значение для России имеет региональное сотрудничество по актуальным вопросам, связанным с решением глобальных проблем, таких, как: борьба с международной преступностью, терроризмом, наркобизнесом, бедностью, преодоление последствий экономических кризисов, экологических проблем, ликвидация смертельно опасных заболеваний, развитие образования, науки и культуры.

Укрепление двусторонних отношений со странами АТР – важнейшая задача России на ближайшую перспективу. Приоритетными направлениями взаимодействия являются: преодоление сложностей в российско-американских и российско-японских отношениях, дальнейшее выстраивание стратегического партнерства с Китаем, выход на новый уровень сотрудничества с Индией, Канадой, Австралией, Республикой Корея, странами АСЕАН. Важной задачей является восстановление экономических связей с бывшими союзниками СССР в Азии. В последние годы Россия списала КНДР, Монголии и Вьетнаму значительные суммы долга перед СССР и в обмен на это вправе рассчитывать на определенные льготы и преференции, в частности – участие России в перспективных проектах этих стран [3; 4; 7].

К числу главных среднесрочных целей России во внешней политике относится ее поэтапная интеграция в экономическое и финансовое пространство АТР, прежде всего, посредством членства в АТЭС [6, 15]. Полноправное участие России в работе данной организации выводит ее в число стран-лидеров региональных экономик, укрепляет ее политический статус и позволяет отчасти влиять на происходящие в регионе экономические процессы.

Не менее важна работа в рамках сотрудничества с Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), В настоящее время Россия реализует со странами АСЕАН более 60 проектов, связанных с поставкой и обслуживанием в эти страны российских самолетов и вертолетов, подготовкой кадров для авиационной промышленности, созданием совместных технологических и инновационных альянсов в сфере телекоммуникационных сетей, систем поиска и системы ГЛОНАСС, использованием мирного атома, совместным освоением углеводородных месторождений, строительством железных дорог и т. д. [11].

Другим перспективным направлением региональной экономической интеграции при участии России, по оценкам Президента РФ В. В. Путина, во время его выступления на встрече с представителями Делового форума Россия – АСЕАН 20 мая 2016 г., может стать сопряжение Евразийского экономического союза (ЕАЭС), сообщества АСЕАН, Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и «Экономического пояса Шелкового пути» (ЭПШП) [11]. По данному вопросу 8 мая 2015 г. между Россией и Китаем было подписано совместное заявление. Российская сторона полагает, что при наличии достаточной поддержки со стороны таких финансовых институтов, как Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ) и Азиатский банк развития (АБР), станет возможным участие РФ в реализации ряда перспективных, прежде всего, транспортных проектов, например, строительстве высокоскоростной железнодорожной магистрали (ВСМ) Москва – Казань с вероятностью ее продления до Екатеринбурга и далее через Астану до Пекина, а также автомагистрали Западный Китай – Западная Европа с выходом на Казань и Санкт-Петербург.

Для России такое партнёрство создаст принципиально новые возможности для наращивания поставок в Азиатско-Тихоокеанский регион продовольствия, энергоресурсов, инжиниринговых, образовательных, медицинских и туристических услуг, позволит играть лидирующую роль в формировании новых технологических рынков, а также развернуть на Россию крупные глобальные торговые потоки [13].

Одним из главных национальных интересов России в АТР является поддержание статуса морской державы, при этом связующим звеном между Европой и АТР должен стать Северный морской путь. Чтобы повысить его конкурентоспособность, Россия намерена распространять льготный режим свободного порта Владивосток на ключевые гавани Дальнего Востока. Социально-экономический подъём этого региона – важнейший национальный приоритет. Инвесторы уже проявляют серьёзный практический интерес к новым механизмам работы, включая территории опережающего развития.

Исходя из существующей конфигурации экономических интересов и логистических коммуникаций в АТР, интересы России будут концентрироваться на двух стратегических транспортных направлениях [14]:

– контейнерные перевозки через порты Дальнего Востока и по Транссибу из АТР в Европу и обратно (так называемый «евроазиатский транспортный мост»). Возможность развития контейнерных перевозок возрастает в случае развития на российском Дальнем Востоке конкурентоспособных производств по изготовлению конечных продуктов, ориентированных на экспорт;

– перевозки углеводородов (нефть, газ) от российских месторождений в Сибири через порты Дальнего Востока в АТР. Эти возможности будут возрастать с учетом запланированных к реализации проектов строительства нефтеперегонного завода под Находкой (ОАО «ВНКХ») и третьей очереди завода по сжижению газа на о. Сахалин [12].

К портам Приморского края подведены нефтепровод (проект ВСТО-2 «Восточная Сибирь-Тихий океан») и газопровод (о. Сахалин – Владивосток). Планируется создание инфраструктуры по производству конечных углеводородных продуктов – проекты «Восточная нефтехимическая компания» – нефтеперегонный завод (НПЗ) в районе Находки, а также завод по сжижению газа в южной части Приморья (СПГ-Владивосток). Первый проект предполагается реализовывать в 2017 – 2020 годах, а начало второго пока отложено. После их запуска экспорт газа, нефти, а также нефтепродуктов с Дальнего Востока России в страны АТР возрастёт в разы.

В настоящее время Россия проводит совместные консультации со странами АСЕАН и ШОС по вопросу формирования экономического партнёрства. Данные государства совокупно по паритету покупательной способности составляют почти треть мировой экономики. Такое партнёрство на первоначальном этапе могло бы сосредоточиться на вопросах защиты капиталовложений, оптимизации процедур движения товаров через границы, совместной выработки технических стандартов для продукции следующего технологического поколения, на взаимном открытии доступа на рынки услуг и капиталов. Это партнёрство должно строиться на принципах равноправия и учёта взаимных интересов.

В целом за последние годы России удалось наладить политический диалог практически со всеми ведущими странами АТР, с опорой преимущественно на дипломатические способы решения региональных проблем. Именно в результате этого Россия смогла вновь вернуться на азиатскую политическую сцену, выйти на качественно новый уровень отношений с Китаем, стала активным участником переговоров по корейской проблеме, восстановила свои позиции во Вьетнаме, Индонезии, вступила в активный диалог с Японией и другими странами региона [7].

Поворот России на Восток создал благоприятные условия для укрепления экономических связей России с ведущими странами АТР. Яркой иллюстрацией начавшегося экономического диалога, например, можно считать российскую инициативу по созданию международной топливно-энергетической системы Северо-Восточной Азии (Азиатского энергетического кольца) и международной транспортной инфраструктуры, которые должны бу-

дут охватить все граничащие с Россией страны региона, при активном включении в эти проекты российского Дальнего Востока и Сибири. Данная инициатива активно обсуждалась президентом России В. В. Путиным с президентом Республики Корея Пак Кын Хе и премьер-министром Японии Синдзо Абэ на состоявшемся в начале сентября 2016 г. Восточном экономическом форуме во Владивостоке [9].

Сотрудничество в области энергетики со странами АТР представляется России весьма перспективным. Так, например, за последние годы были подписаны крупнейшие контракты в сфере топливной энергетики с Китаем (в апреле 2009 г. – соглашение по поставкам нефти по трубопроводу Восточная Сибирь – Тихий Океан (ВСТО) между российскими компаниями «Роснефть», «Транснефть» и китайской CNPC, в мае 2014 г. – соглашение на поставку в КНР российского природного газа на сумму свыше 400 млрд долл. США между ОАО «Газпром» и Sinopet) [10]. Успешно реализуются нефтегазовые проекты ОАО «НК Роснефть» по освоению шельфовых углеводородных месторождений в Японском (Сахалин-1, Сахалин-2) и Южно-Китайском морях (Вьетнам, Индонезия).

Помимо энергетики, в АТР существуют и другие масштабные проекты, реализуемые при участии России. Реальные контуры обретают, например, совместные проекты России с Индонезией, связанные со строительством «РУСАЛ» в этой стране глиноземного завода, прорабатывается идея создания сборочного производства автомобилей КАМАЗ. Россия готова также наращивать поставки в Индонезию среднемагистральных самолетов «Сухой Суперджет 100». Интересен экологический проект с Японией, связанный с исследованиями глобальных изменений климата на планете в связи с парниковым эффектом [10]. Данные проекты сотрудничества имеют для России стратегическое значение, поскольку способствуют установлению тесных связей между российской и тихоокеанской экономикой и обеспечивают продвижение интересов России в АТР.

Вместе с тем, наряду с достижениями существуют и определенные трудности на пути интеграции России в Азиатско-Тихоокеанское пространство, которые, в первую очередь, связаны с недостаточным уровнем развития Сибири и Дальнего Востока (СДВ) – территорий страны, прилегающих к Тихоокеанскому побережью. Основными проблемами являются их малонаселённость, удалённость от центра, труднодоступность, суровый климат и т. д. В последние годы усиливается экономический, технологический и социальный разрыв между Тихоокеанской Россией и соседними странами АТР, сохраняется заметное отставание региона по условиям и комфортности жизни

от остальной России, происходит разрушение стихийно сложившейся в регионе в 1990-е годы интеграционной инфраструктуры (автомобильный и челночный бизнес, привлечение рабочей силы из стран Восточной Азии), вследствие низкого уровня зарплат наблюдается отток населения в центральные регионы страны [8, с. 20].

В этой связи, улучшение жизни россиян в Сибири и на Дальнем Востоке – одна из наиболее важных и трудных задач нашего государства на ближайшие десятилетия, решение которой неизбежно связано с развитием многостороннего взаимодействия, выстраиванием долгосрочного экономического сотрудничества и партнерства России со странами АТР. Одной из эффективных мер государственной поддержки, способствующих развитию экономического сотрудничества России с сопредельными государствами, являются регулярно проводимые на территории нашей страны экономические форумы, которые выступают площадками для налаживания диалога российских предприятий и бизнеса с потенциальными зарубежными инвесторами. В качестве примера можно назвать действующий с 2015 г. ежегодный Восточный экономический форум (ВЭФ) во Владивостоке, целью которого является содействие включению дальневосточных регионов в общероссийское и международное разделение труда, привлечение инвесторов посредством размещения новых предприятий, повышение деловой активности Сибири и Дальнего Востока. Так, благодаря вступившим в действие федеральным законам «О территориях опережающего социально-экономического развития в РФ (ТОР)» и «О свободном порте Владивосток (СПВ)», на Дальний Восток уже удалось привлечь более 200 млрд рублей инвестиций [10].

По мнению В. Л. Ларина, основой для успешного решения стратегических задач России в Сибири и на Дальнем Востоке должны быть не программы социально-экономического развития, а пакет политико-административных, правовых решений и управленческих воздействий. В его основу должны быть положены следующие стратегические цели: создание «пояса безопасности» и обеспечение геополитического присутствия России на Тихом океане; решение социальных и гуманитарных задач; реализация инвестиционных проектов в тех зонах, где это экономически целесообразно. Альтернативой «комплексному экономическому развитию» региона могут стать зональное развитие и антропоцентричный подход, при котором главной сферой капитальных вложений государства становятся интеллектуальные ресурсы, человеческий капитал, экономика знаний, информационное и гражданское общество [8, с. 22-23].

Национальные интересы России в сфере безопасности АТР. Помимо политического и экономического аспектов взаимодействия со странами АТР, крайне важным для России является сотрудничество в сфере безопасности.

Мощные производственные ресурсы, развитая транспортная система и, как следствие, особое геостратегическое положение в целом, делают данный регион объектом политических притязаний со стороны многих стран. В этих условиях Россия также вынуждена принимать меры по обеспечению своей безопасности, в том числе путем участия в формировании структур, ставящих целью обеспечить стабильное мирное развитие. По мнению ряда российских экспертов, [1–5; 7; 8] деятельность России по обеспечению безопасности и сотрудничества в АТР могла бы развиваться по следующим основным направлениям:

- двустороннее сотрудничество с ведущими странами региона;
- активное участие в создании субрегиональных и региональной систем безопасности и сотрудничества;
- миротворческая деятельность, посредничество при урегулировании региональных конфликтов в АТР;
- использование практических мер по снижению уровня агрессии, военного противостояния, укреплению доверия, проведение консультаций.

Продвижение на этих направлениях будет постепенным: посредством развития двусторонних отношений (прежде всего, с ведущими державами АТР), через укрепление роли межгосударственных (правительственных и неправительственных) институтов сотрудничества, например, в рамках Саммита Восточной Азии и Регионального форума АСЕАН (АРФ), что позволяет внести свой вклад формирование будущей системы безопасности в АТР. Принимаемые в рамках АРФ решения все в большей мере приобретают характер международных режимов (кодексов поведения) [2, с. 29]. Большое внимание Россией также уделяется сотрудничеству с государствами в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС).

Что касается двустороннего сотрудничества, то знаковыми для РФ будут: дальнейшее укрепление всеобъемлющего стратегического партнерства с Китаем, возобновление политического диалога с США, ставшее возможным после избрания Д. Трампа Президентом этой страны, укрепление всесторонних отношений с Японией, о чем свидетельствуют последние встречи руководителей двух стран, динамичное развитие всесторонних связей с КНДР и РК, странами АСЕАН и др. Для обеспечения государственных интересов России в центрально-азиатском регионе важную роль может иг-

рать тесное сотрудничество с Индией. При этом Россия готова к выстраиванию новых отношений на основе равноправного участия в обсуждении ключевых вопросов, таких как сокращение вооруженных сил и вооружений в АТР, признания самостоятельности действий России в обеспечении ее национальных интересов и т. д.

Таким образом, российская стратегия должна основываться на принципах равноправного и взаимовыгодного сотрудничества со всеми государствами региона, решении спорных вопросов преимущественно политическими средствами. При сложившейся в регионе многополярности и большом числе межгосударственных противоречий, остро встает вопрос об ограничении и сокращении странами вооруженных сил.

В настоящее время Россия практически не подвержена каким-либо значимым военным угрозам со стороны государств АТР, что позволяет ей сокращать до разумного предела свой оборонный потенциал на Дальнем Востоке. При этом реальные экономические возможности России, связанные, в том числе, с большими расходами на развитие военно-промышленного комплекса, вряд ли позволят ей опираться преимущественно на силовые методы в решении своих проблем в АТР [3].

В целом, можно сформулировать следующие основные национальные интересы России в АТР:

- участие в формировании эффективной системы региональной безопасности на основе интеграционных объединений;

- углубление экономического сотрудничества со странами региона, запуск крупных инфраструктурных инвестиционных и инновационных проектов совместно с Японией, КНР, Республикой Корея, Индией и Индонезией в области освоения сырьевых ресурсов, топливной и атомной энергетики, строительства транспортно-логистических объектов, создания высокотехнологичного производства и т. д.;

- создание механизмов наращивания культурного влияния в регионе, продвижение национального языка, образования и культуры с помощью государственных органов МИД РФ (Россотрудничество), российских вузов, различных учреждений в области культуры, спорта и туризма, независимых фондов, общественных организаций и движений.

В этой связи, основными приоритетными задачами внешнеполитической стратегии России на ближайшее десятилетие на азиатско-тихоокеанском направлении должны стать:

- более активная (в соответствии с ее национальным потенциалом) интеграция России в политические, экономические и культурные процессы

АТР, и закрепление в регионе в качестве уникального евразийского государства, способного стать связующим звеном между Европой и Азией;

- опережающее развитие Сибири и Дальнего Востока, связанное с привлечением иностранных инвестиций в сибирские и дальневосточные регионы, прежде всего, в «точки экономического роста» и отрасли высоких технологий; удержанием имеющейся и привлечение дополнительной квалифицированной рабочей силы, созданием благоприятных условий для российского и иностранного капитала (принятием и последовательной реализацией комплекса мер по улучшению инвестиционного климата в России), решением социальных и экономических проблем населения, разработкой и реализацией перспективных инновационных проектов;

- перенос акцента с переселения «соотечественников» на Восток на удержание здесь местного населения, поощрение и регулирование внутрирегиональной миграции, создание социальных условий для привлечения высокопроизводительных трудовых ресурсов и концентрации их в «точках» экономического роста и стратегического присутствия (региональные «мегаполисы» как средство притяжения человеческого капитала);

- использование преимуществ географического положения России как страны, примыкающей к тихоокеанскому региону, для развития и укрепления отношений со странами СНГ (в том числе через осуществление посреднических функций);

- поддержание имиджа предсказуемой, прагматичной и независимой державы, фокусирующей усилия на практических вопросах развития своей экономики, повышении жизненного уровня населения, поддержании стабильности и безопасности во всем регионе АТР;

- развитие переговорного процесса по всем, в том числе, военно-политическим и военным направлениям, как фактора создания благоприятного климата в отношениях между всеми странами региона;

- налаживание интенсивного экономического, военно-технического, инновационного и технологического сотрудничества, как на двусторонней, так и на многосторонней основе; создание в странах АТР совместных предприятий, базирующихся на российских технологических и научных достижениях, усиление взаимодействия бизнеса и НИОКР; Конкурентоспособное производство в географических и климатических условиях Дальнего Востока возможно либо при государственной поддержке и государственном протекционизме, либо в прорывных областях, основанных на передовых достижениях науки;

- реализация идеи по созданию Азиатского энергетического кольца между странами Северо-Восточной Азии (Россия, КНР, РК, КНДР, Япония);

- развитие широкого экономического партнерства с ЕАЭС, ШОС и АСЕАН по созданию оптимальной структуры евро-азиатских транспортных коридоров и логистических связей со странами АТР; диверсификация цепочек поставок грузов из Азии в Европу и обратно;

- преимущественное вложение государственных инвестиций не в материальные ресурсы, а в человека и его интеллект; использование инструментов «мягкой силы» в российской политике в АТР; оказание государственной поддержки направлению в средние специальные и высшие учебные заведения стран АТР российских студентов и иностранных студентов из стран АТР на обучение в Россию.

Таким образом, предпосылки для формирования цельной стратегии по обеспечению национальных интересов России в регионе объективно уже существуют. Для дальнейшей успешной работы по данному направлению необходимы разработка, согласование, унификация и утверждение выдвигаемых концептуальных положений на различных уровнях с участием представителей региональной общественности и всех ветвей власти. Новая архитектура отношений в АТР будет формироваться постепенно, с опорой в большей степени на торгово-экономическое сотрудничество, нежели на военно-стратегическое взаимодействие. Стремясь к выстраиванию долгосрочных и взаимовыгодных отношений со странами АТР, Россия, с одной стороны, рассчитывает стать полноправным участником региональных политических и экономических интеграционных процессов, а с другой – как мощная мировая держава – претендует на роль одного из ключевых гарантов по поддержанию стабильности и безопасности в регионе. От того, насколько успешно Россия проявит себя и обеспечит эффективное решение своих приоритетных задач в АТР, во многом будет зависеть общий успех ее будущего развития и позиционирования в мире.

Литература

1. Бляхер Л. Е. Возможные коммуникативные сбои на саммите АТЭС / Л. Е. Бляхер // *Пространственная экономика*. 2012. № 2. С. 134-135.
2. Большаков С. И. Проблемы моделирования системы коллективной безопасности в АТР: АРФ и евро-атлантические структуры через призму национальных интересов РФ / С. И. Большаков. М. : Дипломатическая Академия МИД России, 2004. 41 с.
3. Владимиров В. Безопасность в АТР: проблемы и перспективы [Электронный ресурс]. URL: http://observer.materik.ru/observer/N27_93/27_05.HTM.

4. Гарусова Л. Н. Региональные аспекты современных международных отношений. Азиатско-Тихоокеанский регион / Л. Н. Гарусова. Владивосток : Изд-во ВГУЭС, 2012. 228 с.

5. Колдунова Е. В. Can Russia be a leader in East Asian economic integration? [Electronic resource] / Е. В. Колдунова // East Asia forum. 2016. August 17. URL: <http://www.eastasiaforum.org/2016/08/17/can-russia-be-a-leader-in-east-asian-economic-integration/>.

6. Концепция внешней политики России [Электронный ресурс] : утверждена Президентом РФ В. В. Путиным 12 февраля 2013 г. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkV6BZ29/content/id/122186.

7. Кортунов С. В. Современная внешняя политика России. Стратегия избирательной вовлеченности, 2008 [Электронный ресурс]. URL: <http://uchebnik-online.com/131/1491.html>.

8. Ларин В. Л. Стратегические приоритеты развития Тихоокеанской России / В. Л. Ларин // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 6. С. 18-27.

9. Официальный сайт Восточного экономического форума, [Электронный ресурс]. URL: https://forumvostok.ru/wpcontent/uploads/2016/09/03.09_Plenarnoe_zasedanie.pdf.

10. Официальный сайт Дальневосточного таможенного управления Федеральной таможенной службы РФ [Электронный ресурс]. URL: http://dvtu.customs.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=18472:----2015-&catid=50:obzors-public-cat&Itemid=101.

11. Официальный сайт Саммит Россия – АСЕАН, [Электронный ресурс]. 19-20 мая 2016 г., г. Сочи. URL: http://russia-asean20.ru/russia_asean/20160309/7163.html.

12. Проворная И.В., Эдер Л.В. Трубопроводный транспорт углеводородов в странах Восточной Евразии и Тихоокеанского кольца: возможности для России // АТР: экономика, политика, право. 2012. № 2. С.25.

13. Путин В.В. Послание Президента РФ Федеральному Собранию, 3 дек. 2015 г.

14. Самойленко П.Ю. Стратегические интересы России в АТР: синергетический и информационно-имиджевый факторы в вопросах военной и экономической интеграции// Ойкумена. 2014. № 2. С. 106-111.

15. Севастьянов С.В. Регионализм в Восточной Азии и Россия // Мировая экономика и международные отношения. 2008. № 12. С. 102-105.

Глава 3. Тенденции трансграничных социально-экономических отношений дальневосточного региона России в условиях «поворота на Восток»⁷ (А.А. Киреев)

Развитие трансграничных отношений с внешним миром, в которое российский Дальний Восток (РДВ) был вновь вовлечен на рубеже 80-х – 90-х гг. XX в., длительное время оставалось во многом стихийным процессом. Государственное регулирование этих отношений в течение полутора десятков лет носило реактивный и запаздывающий характер. Занятые нейтрализацией насущных, видимых угроз и решением назревших, уже не терпящих отлагательства проблем российские власти, как правило, даже не пытались всерьез претендовать на какую-либо стратегическую инициативу в данной сфере.

2006 год можно считать поворотной вехой в отношении российского государства к своему дальневосточному региону и его трансграничным связям. Хотя, как всякий сложный феномен, имеющий глобальную, национальную и региональную обусловленность, «поворот на Восток» характеризуется неоднозначной и многомерной хронологией [20, с. 80 – 82; 69, с. 3 – 8], именно эта дата представляется наиболее обоснованной точкой отсчета для него. Только с этого времени, с выходом РДВ из состояния «политической заброшенности» Москвой, давно готовившаяся российская «заявка на участие» в формирующейся вокруг стран АТР новой системе международных отношений стала приобретать реальные, практически реализуемые очертания.

Если внешнеполитическим содержанием «поворота на Восток» явилось стремление России путем усиления своего присутствия в АТР содействовать его превращению в важнейший оплот многополярного миропорядка, то его внутривнутриполитическая составляющая заключается в том, чтобы за счет создания мощных социально-экономических центров на востоке страны обеспечить многополюсную сбалансированность и устойчивость национального пространства. Пограничной политике, регулированию трансграничных отношений в этом контексте, по сути, отводится роль связующего звена внешней и внутренней политики, передаточного механизма, транслирующего ресурсы общественных лидеров АТР в развитие РДВ.

В настоящей статье я рассмотрю ключевые решения, принятые в рамках новой пограничной политики России на Дальнем Востоке, и попытаюсь оценить их влияние на динамику трансграничных, экономических и мигра-

---

⁷ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-03-50119.

ционных, отношений этого региона. При этом, конечно, не могут не быть затронуты и некоторые теснейшим образом связанные с пограничной политикой внутри- и внешнеполитические аспекты российского «поворота на Восток». Кроме того, одной из задач этого исследования будет определение сравнительной значимости государственного политического регулирования в ряду других основных факторов, обуславливающих тенденции современных трансграничных отношений РДВ.

Следует отметить, что то, что понимается здесь под содержанием «новой пограничной политики» России в регионе, равно как и российского «поворота на Восток» в целом, в своем концептуальном виде не возникло одномоментно. За прошедшие десять лет концепция этой политики претерпевала неоднократные изменения и корректировки, которые, судя по сохраняющимся в ней внутренним противоречиям и пробелам, все еще не завершены. Поэтому цели и задачи, а также реализацию новой дальневосточной пограничной политики было бы правильным рассматривать в генетическом порядке, в процессе их становления, оформления и последующей эволюции.

На историческом заседании Совета безопасности РФ 20 декабря 2006 г., где было принято принципиальное решение о необходимости комплексного развития дальневосточного региона, проблематика его отношений со странами АТР фигурировала в основном в негативном свете. Сложившиеся экономические и миграционные отношения РДВ с восточными соседями трактовались участниками заседания, прежде всего, как источник прямых и острых угроз не только благосостоянию и развитию региона, но и его целостности, самой его принадлежности российскому государству [4; 15, с. 27, 56]. Закономерно выводимая отсюда приоритетность цели укрепления барьерной, защитной функции дальневосточных границ, даже не будучи закрепленной в каких-либо специальных документах, безусловно, еще долгое время оказывала заметное влияние на формирование региональной пограничной политики.

Однако с самого начала «поворота на Восток» с ним связывались и иные долгосрочные цели, диктовавшиеся скорее общегосударственными экономическими и внешнеполитическими интересами. Так, в том же 2006 г. Россия и Китай подписали серию соглашений, направленных на наращивание двустороннего сотрудничества в целом ряде сфер экономики. Важнейшее значение среди них имели соглашения о строительстве китайского ответвления ВСТО⁸ и о режиме наибольшего благоприятствования для взаимных инвестиций [16, с.

---

⁸ Строительство этого нефтепровода с конечным пунктом в бухте Козьмино Приморского края началось также в 2006 г.

166–167; 55]. Вкупе с другими правительственными решениями, они свидетельствовали о том, что российские власти стремятся отнюдь не к изолированию РДВ, но к превращению его в портал топливно-энергетического экспорта в АТР и объект притяжения для восточноазиатского капитала.

Таким образом, уже с 2006 г. новая восточная пограничная политика стала проявлять черты селективной, соединяющей и определенным образом балансирующей барьерные и контактные задачи регулирования трансграничных отношений РДВ. При этом конкретный набор этих задач определялся постепенно.

В 2007 г. решение, принятое Совбезом в декабре 2006 г., получило развернутое воплощение в третьей по счету редакции государственной программы «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья»⁹. Как и предыдущие редакции, она постулировала связь между перспективами социально-экономического развития дальневосточного региона России и степенью его интеграции в экономическую систему АТР. Новизна же ее состояла в том, что в данной версии программы центральным направлением такой интеграции стала торговля продукцией ТЭК, а также строительство необходимой для нее трансграничной транспортной (трубопроводной, портовой, сетевой и др.) инфраструктуры. Кроме того, новацией оказался объем бюджетного финансирования третьей реакции программы, достигавший первоначально 567 млрд руб. [65].

В сентябре 2007 г. Минпромэнерго была утверждена т.н. «Восточная газовая программа», которая увязывала воедино правительственные планы газификации юга РДВ и налаживания крупных поставок газа на рынки Китая, Японии, РК и других стран АТР [22; 41, с. 78–79]. Эта программа также подчеркивала приверженность федерального центра преимущественному развитию топливно-энергетического компонента в структуре трансграничных отношений региона.

Санкционированное Правительством РФ подписание в марте 2007 г. меморандума о партнерстве между объединениями российских и китайских туристических компаний [9, с. 67] продемонстрировало готовность российских властей к стимулированию еще одного направления регионального трансграничного сотрудничества. О неслучайности этого события говорит то, что задача повышения объема въездного туризма в последующие годы была закреплена в ряде целевых программ дальневосточных субъектов и федеральной целевой программе на 2011–2018 гг. [21], а также в международных соглашениях. Москва и местные власти были в целом солидарны в своей заинтересованности

---

⁹ Первые две редакции этой программы появились, соответственно, в 1996 и 2002 гг.

в получении максимально возможного экономического эффекта от объективно значительного туристско-рекреационного потенциала РДВ.

Важным шагом на пути к дальнейшей регионализации «поворота на Восток», т.е. подключению приграничных регионов к извлечению выгод из расширяющегося российско-китайского взаимодействия, должна была стать «Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и Северо-Востока КНР (2009 – 2018 гг.)», окончательно утвержденная лидерами двух стран в 2010 г. [23]. Базируясь на ФЦП «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья», эта двусторонняя программа, вместе с тем, предполагала движение в сторону диверсификации трансграничного взаимодействия, его распространение на сферы обрабатывающей промышленности, пропускной и транспортной (пассажирской) инфраструктуры, туризма, культуры и образования. Поскольку эти сферы обладают большей (в сравнении с ТЭК) социальной значимостью, поощрение сотрудничества в них должно было иметь более непосредственные и ощутимые результаты для населения приграничных территорий.

Сходная тенденция эволюции целей и задач государственной политики просматривалась и в содержании Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона до 2025 г., принятой в декабре 2009 г. Одним из ключевых положений Стратегии являлась идея о необходимости стабилизации и даже сокращения доли сырьевого экспорта и стимулирования роста экспортно-ориентированных обрабатывающих, и в т.ч. высокотехнологичных, производств. При этом, модернизацию экономики востока России и изменение ее отраслевой структуры планировалось осуществить при активном участии инвесторов из стран АТР [17, с. 83–92; 57].

Наметившаяся с 2009 г. корректировка долгосрочных ориентиров региональной и пограничной политики на РДВ, однако, осталась в основном декларативной. Безусловно, значительную часть «ответственности» за это можно возложить на внешние факторы и прежде всего разразившийся в это время мировой экономический кризис. Тем не менее, весомую роль в пробуксовке модернизационной стратегии играют также объективная внутренняя инерционность сырьевой модели национальной экономики и комплиментарность этой модели интересов ее крупнейших корпоративных субъектов, доминирующих в трансграничных отношениях РДВ.

Фактически сложившуюся во второй половине 2000-х гг. в ходе адаптации концептуальных документов к объективным обстоятельствам их реализации комбинацию задач пограничной политики на РДВ можно описать

следующим образом. Государство проводило политику всестороннего содействия экспорту топливно-энергетической продукции, металлов и минерального сырья, одновременно пытаясь создать привлекательные условия для ввоза в регион иностранного капитала. В миграционной сфере решались задачи увеличения притока на РДВ иностранных туристов и (до 2010 г.) крупных партий законтрактованной рабочей силы. Менее ясен перечень барьеризируемых трансграничных потоков, поскольку такого рода задачи в значительной мере формулировались непублично, посредством подзаконных актов, ведомственных приказов и инструкций. Исходя из доступной информации, с уверенностью можно говорить о том, что высокие, а порой и запретительные, барьеры устанавливались российскими властями в это время на пути экспорта необработанного леса и рыбы, импорта продовольственных и промышленных товаров массового потребления, и тесно связанной с последним коммерческой (челночной) миграции [7, с. 192–195; 11, с. 387]. Актуальной задачей региональной пограничной политики оставалась борьба со все еще масштабным «серым» и нелегальным товарооборотом.

Очерченный выше курс пограничной политики в своем исходном виде осуществлялся недолго. Уже в 2011 г. появились первые признаки его ревизии. Ее непосредственной причиной послужило сужение инвестиционных возможностей федерального бюджета в условиях нарастающих проблем в российской экономике. Оно повлекло за собой резкое сокращение финансирования программы «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья», объем которого в целом уменьшился на 62%. Вместе с тем, секвестирование расходов не коснулось подпрограмм, адресованных таким приграничным территориям как Курильские острова и Владивостокский городской округ [12, с. 190]. Особое внимание российского руководства к Владивостоку, конечно, определялось в первую очередь желанием успешного проведения в нем в 2012 г. саммита АТЭС.

В официальном дискурсе очередному саммиту этой организации придавалась исключительная значимость. Он должен был стать, по сути, точкой прорыва в реализации стратегии «поворота на Восток», узловым событием, соединяющим вместе ее внешний, пограничный и внутренний компоненты. К этой встрече на высшем уровне, призванной символически закрепить полноправное вхождение России в круг азиатско-тихоокеанских держав, был сознательно приурочен старт целого ряда различных проектов местного и регионального значения: от открытия новых промышленных объектов и кампуса ДВФУ, запуска работы модернизированных пунктов пропуска и между-

народного аэропорта до создания Минвостокразвития. В ходе мероприятий саммита во Владивостоке было запланировано подписание крупных соглашений и меморандумов с иностранными инвесторами [29; 70, р. 170–173]. Кроме того, это широко освещавшееся в мире событие послужило площадкой для представления российским руководством своих амбициозных социально-экономических планов, как в отношении АТР, так и РДВ. Вероятно, самым резонансным из подобных анонсов, сделанных на саммите, стало заявление вице-премьера И. Шувалова о том, что через 5 – 10 лет АТР сменит Европу в качестве основного торгового партнера России [68].

Тем не менее ни прямые, ни ожидаемые в будущем результаты саммита АТЭС не могли остановить начавшегося в 2011 г. процесса пересмотра политики России в дальневосточном регионе. С конца 2012 г. в высших органах федеральной власти все большее признание получает мысль о том, что оскудение ресурсов государственного бюджета и корпораций требует внесения изменений в механизмы финансирования социально-экономического развития РДВ. Надежды на замещение инвестиций со стороны сворачивающего свое присутствие государства возлагаются на частный бизнес, в особенности иностранный. Уже в ноябре 2012 г. президент РФ обязывает членов Госсовета обратить внимание на необходимость создания на РДВ особых, льготных условий для частных инвесторов [12, с. 195, 203].

Курс на введение в регионе особых, либерализованных правовых режимов пробивал себе дорогу не без борьбы. Сторонники приоритетности централизованного финансирования региональных проектов были как в Москве, так и в Хабаровске, в Минвостокразвития, возглавлявшемся в то время В. Ишаевым. По-видимому, их влиянием можно объяснить принятие в марте 2013 г. обновленной программы «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона до 2025 г.», которая предусматривала значительный рост федеральных инвестиций [5; 52]. Однако очень скоро содержание данной программы подверглось решительной корректировке.

На этот раз важнейшим фактором изменения траектории и методов «поворота на Восток» явились события на западных границах России. Комплексный международный кризис вокруг Украины имел для восточной политики России и собственно РДВ два наиболее существенных следствия. Во-первых, введение весной 2014 г. торговых и финансовых санкций ЕС, США и рядом других государств, а также попытки общественно-политической изоляции ими России усугубили и без того непростое экономическое положение страны. Сокращение государственных доходов (прежде

всего от торговли углеводородами) вызвало очередную масштабную ревизию бюджетных обязательств, в т.ч. в рамках действующих целевых программ. Во-вторых, тяжелым бременем на государственные финансы легли многочисленные проблемы, вошедшего в состав России Крыма [13, с. 26]. Поскольку рассчитывать на возможность привлечения в российский Крым иностранных инвестиций с самого начала не приходилось, решить эти проблемы можно было только за счет федерального бюджета. Это объективно вынуждало правительство к тому, чтобы постараться максимально «переключить» РДВ на внешние источники финансирования.

Свидетельством завершения своеобразного переходного периода в разработке дальневосточной политики стало утверждение в апреле 2014 г. новой редакции программы «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона», бюджетная стоимость которой была в 11 раз меньше предыдущей (346 млрд руб. против 3,8 трлн.) [6]. К маю 2014 г. Минвостокразвития было отобрано для реализации в регионе 16 инвестиционных проектов, которые имели высокие показатели инвестирования частных средств на один вложенный бюджетный рубль (в совокупности 60 млрд долл. внебюджетных инвестиций на 3,7 млрд долл. бюджетных) [12, с. 196, 201–202].

Место основного инструмента привлечения, локализации и кластеризации отечественного и зарубежного капитала на этом этапе постепенно заняла концепция «территории опережающего развития» (ТОР). В декабре 2014 г. эта концепция нашла свое развернутое правовое оформление в федеральном законе «О территориях опережающего социально-экономического развития в РФ». Закон устанавливал в границах ТОРов особый правовой режим, включавший нормы административного, землепользовательского, налогового, таможенного, страхового и миграционного характера, направленные на стимулирование предпринимательской и иной экономической деятельности. Введение части из этих норм напрямую требовало внесения изменений в реализуемую в регионе пограничную политику. Так, законом предусматривалась возможность применения в ТОРах процедур свободной таможенной зоны с отменой ввозных и ре-экспортных таможенных пошлин, использования технических и санитарных регламентов стран ОЭСР и упрощенного, льготного порядка привлечения квалифицированных иностранных работников. По состоянию на июль 2016 г. в регионах ДФО было создано 13 ТОРов, и еще 2 планировалось создать до конца 2016 г. (См. рисунок 1, с. 93) [3; 67].

Следующим шагом в трансформации политики развития РДВ явилась разработка и внедрение в регионе режима «свободного порта». Этот инсти-

тут, основанный на аналогичных ТОРах принципах либерализации и изъятий из общегосударственного законодательства, еще более тесно связан с задачами регулирования трансграничных отношений. Помимо ряда льгот, предоставляемых ТОРах, режим «свободного порта» предполагает функционирование «единого окна» при прохождении участниками внешнеэкономической деятельности контроля на границе, круглосуточную работу пунктов пропуска, а также возможность краткосрочного (до 8 суток) безвизового въезда для иностранцев. Закон «О свободном порте Владивосток», принятый в октябре 2015 г., был предназначен для приграничных территорий региона, имевших выход к международным транспортным коммуникациям. Центром первой «свободной портовой» зоны, охватившей в итоге всю южную часть Приморского края, стал Владивосток, однако уже в июне 2016 г. Советом Федерации были одобрены законодательные поправки, распространяющие данный режим на другие порты РДВ – Ванино, Корсаков, Петропавловск-Камчатский и Певек [3; 66].

Характерным проявлением изменений в комбинировании внешнеполитического, пограничного и внутривнутриполитического (регионального) компонентов «поворота на Восток» служит заложенная российским руководством в сентябре 2015 г. традиция проведения во Владивостоке Восточных экономических форумов (ВЭФ). Используя опыт саммита АТЭС, ресурсы, технологии, связи, наработанные в ходе его подготовки, Москва совместно с окружными и региональными властями стремится сделать РДВ объектом постоянного внимания со стороны восточноазиатского бизнеса. ВЭФ соединяют в себе функции широкого информирования, пиара и брендинга ДФО и его субъектов для зарубежной предпринимательской (и потребительской) аудитории с презентацией для вероятных инвесторов конкретных проектов, в особенности в формате ТОРов и свободных портов. Тем самым этим мероприятиям придается роль средства обеспечения критически значимой внешней поддержки планов региональной модернизации. Вместе с тем, работа форумов не сводится только к межобщественным контактам и трансграничной проблематике, но затрагивает и вопросы «большой политики», что на II ВЭФ (сентябрь 2016 г.) было акцентировано участием в нем премьер-министра Японии и президента Южной Кореи [10]. Последний факт указывает также на возлагаемую на форумы задачу по страновой диверсификации трансграничных отношений РДВ, в последнее десятилетие попадающего во все более всеобъемлющую зависимость от китайской экономики.

Таким образом, в контексте общей коррекции «восточной политики» России, в 2014–2015 гг. произошла заметная перегруппировка задач государственного регулирования трансграничных отношений РДВ. Не отказываясь от поощрения углеводородного [53] и иного сырьевого экспорта, правительство, вместе с тем, предприняло попытку стимулировать вывоз из региона продукции обрабатывающих отраслей (пищевой, деревообрабатывающей, машиностроительной и др.) и неразрывно связанный с ним в дальневосточных условиях импорт оборудования. Политика создания благоприятных условий для активизации въездного туризма была не только форсирована, но и дополнена задачей дебарьеризации квалифицированной трудовой миграции. Но приоритетным пунктом обновленной пограничной политики в регионе стали меры по кардинальному повышению его привлекательности для прямых иностранных инвестиций. Следует, однако, подчеркнуть, что вышеперечисленные изменения касались лишь территорий с особыми правовыми режимами. Подавляющая же часть дальневосточного региона, по существу, продолжает жить в условиях прежней пограничной политики.

Описанная вкратце эволюция целей и задач пограничной политики на РДВ может быть сопоставлена с динамикой трансграничных отношений этого региона за тот же период. Сравнение хронологии государственных решений, стимулирующих или барьеризирующих те или иные виды трансграничных потоков, и смены тенденций фактического увеличения или сокращения стоимостных объемов этих потоков дает возможность сделать предположения о мере влияния первых на вторые. При этом, конечно, необходимо учитывать состояние официальных статистических данных о трансграничных отношениях РДВ (ДФО). Главный недостаток этих данных состоит в их неполноте. Доступная государственная статистика охватывает далеко не все значимые для РДВ разновидности трансграничных потоков и имеет зачастую узкий временной диапазон. Кроме того, ей свойственен систематический недоучет части объемов таких потоков, находящейся в т.н. «серой» и «черной» зонах. Тем не менее, при всей неполноте, официальная статистика вполне достаточна для идентификации основных тенденций изучаемых отношений региона и их крупнейших, в т.ч. политически обусловленных, изменений, которые и являются предметом настоящего исследования.

Основанная на данных Росстата, диаграмма 1 (см. приложение) показывает динамику в 2000–2015 гг. внешнеторгового оборота РДВ, его экспортной и импортной составляющих, а также поступавших в регион

иностранных инвестиций¹⁰. Судя по этой диаграмме, 2006 г., время иницирования «поворота на Восток» и сопряженной с ним региональной и пограничной политики, действительно оказался значимым рубежом для развития трансграничных экономических отношений РДВ. В сравнении с предшествующим периодом, в 2006–2013 гг. произошло заметное ускорение роста внешнего товарооборота региона, связанное, конечно, прежде всего, с трендом его экспорта. Как демонстрирует диаграмма 2 (см. приложение), отражающая динамику ключевых компонентов внутренней структуры торговли РДВ, этот процесс сопровождался повышением и без того весьма высокой доли в экспорте топливно-сырьевых товаров, стабилизацией на крайне низком уровне экспорта машин, оборудования и транспортных средств и снижением доли товаров той же группы в региональном ввозе. Определенный, хотя и очень неустойчивый, прирост импорта наблюдался после 2006 г. в сфере инвестиций. Явный, но кратковременный, всплеск общего объема иностранных вложений в регион, безусловно, имеющий отношение к саммиту АТЭС во Владивостоке, произошел в 2012 г.

Диаграммы 1 и 2 показывают (см. приложение), что внешняя торговля РДВ, и, прежде всего, ее экспортный компонент, достаточно быстро оправилась от удара, нанесенного первой волной мирового экономического кризиса. Это вполне можно объяснить мощной государственной поддержкой экспорта топливных и сырьевых товаров. При этом, постепенное сворачивание инвестиционного присутствия государства на РДВ с 2011 г. не замедлило повлечь за собой существенное падение прироста общего объема экспорта и даже сокращение в нем доли топлива, минерального сырья и металлов.

С 2014 г. в трансграничной торговле РДВ возобладали в целом негативные тенденции, обусловленные как санкционными мерами, так и кризисными проявлениями в мировой экономике (и в т.ч. замедлением экономического роста в Китае). Вместе с тем, интерес представляет наметившаяся динамика в сторону уменьшения в структуре регионального экспорта доли топливно-сырьевых товаров и некоторого роста доли машин, оборудования и транспортных средств. Кроме того, относительно успешную на общем экономическом фоне динамику в последние годы демонстрирует объем привлекаемых РДВ прямых иностранных инвестиций. Впрочем, трактовать эти

---

¹⁰ С 2014 г. Росстат прекратил публикацию показателя общего объема иностранных инвестиций по регионам, перейдя к учету прямых иностранных инвестиций по методике платежного баланса, что отражено на диаграмме 1 (см. приложение).

изменения как новые, политически детерминированные тренды, пока, на мой взгляд, было бы преждевременным.

Отражение федеральной статистикой трансграничных миграционных отношений РДВ отличается меньшей определенностью. Наиболее полно миграционный обмен с восточноазиатскими соседями региона описан на общероссийском уровне (диаграмма 3, см. приложение). В собственно же региональном разрезе данные относительно части трансграничных миграционных потоков¹¹ доступны для РДВ только с 2004 г. (диаграмма 4, см. приложение). Судя по диаграммам 3 и 4, «поворот на Восток», начавшийся в 2006 г., не повлек за собой сколько-нибудь существенного изменения тенденций трансграничной миграции. Значительно более серьезное воздействие на нее (и, в первую очередь, на выезд за рубеж российских граждан) оказал мировой кризис второй половины 2008–2009 гг.

Определенной вехой для трансграничных миграционных отношений РДВ стал 2011 г. Прослеживаемые с этого времени тенденции сокращения выездного туризма и небольшого роста притока иностранных туристов, по моему мнению, вполне могут быть результатом новых политических приоритетов, зафиксированных, например, в ФЦП «Развитие внутреннего и выездного туризма в РФ (2011–2018 гг.)». Вместе с тем, сравнение диаграмм 3 и 4 свидетельствует (даже с поправкой на явную неполноту данных по РДВ¹²), что основная доля возросшего входящего турпотока из Восточной Азии досталась не дальневосточному региону, а скорее европейской части России. После 2014 г. в динамике выездного и въездного туризма, а также внешней трудовой миграции на РДВ наблюдался общий спад. Однако однозначно соотнести его с успешностью или неудачностью изменений в пограничной политике в регионе трудно, поскольку процесс имплементации наиболее кардинальных решений по либерализации миграционного режима, предусмотренных ФЗ «О свободном порте Владивосток», начался только в конце 2015 г.

Подводя некоторые промежуточные итоги российского «поворота на Восток», можно, на мой взгляд, утверждать, что связанная с ним пограничная (а также региональная и внешняя) политика действительно смогла в определенной степени подтолкнуть развитие трансграничных экономических отношений РДВ. Именно государственная политика понижения всех типов пограничных барьеров (от административных и инфраструктурных до

---

¹¹ Это данные турфирм и ФМС, которые менее полны, чем данные Пограничной службы ФСБ, использованные в диаграмме 3 (см. приложение).

¹² Эта неполнота, по моему мнению, связана в основном с недоучетом безвизовых туристов.

тарифных и информационных) послужила ведущим фактором ускорения с 2006 г. роста регионального (прежде всего, топливно-сырьевого) экспорта. Разумеется, что такой эффект государственного регулирования стал возможным на основе весьма благоприятной конъюнктуры мирового рынка. Вместе с тем, и с исчезновением этой внешней предпосылки, в первые годы мирового экономического кризиса, политика государства существенно амортизировала его негативное воздействие на трансграничные экономические отношения РДВ.

Однако, с 2011 г. вес состоящего главным образом в крупных бюджетных вливаниях государственного участия в развитии региона в общей совокупности его факторов начал убывать. При этом попытки заместить «уход» государства привлечением частных инвестиций далеко не компенсировали этой убыли, что объективно усиливало зависимость региона от стихийных рыночных процессов.

С 2014 г. обстоятельства развития РДВ стали еще более драматичными. Продолжающаяся стагнация внешних (в т.ч. сопредельных) рынков была усугублена политически мотивированными санкционными ограничениями, сжатием российского бюджета и географическим перераспределением его расходов. Все это повлекло общее падение объемов трансграничного взаимодействия РДВ и его международного окружения. Российское правительство ответило на эту ситуацию интенсификацией работы по замещению роли государственного капитала в регионе частным, и в особенности иностранным, действуя в двух направлениях: 1) создание инфраструктурных и институционально-правовых условий для инвесторов и 2) информационно-символическое стимулирование их интереса. Успехи, достигнутые на втором направлении (I и II ВЭФ), пока заметно превосходят практические результаты, полученные на втором (запуск ТОРов и свободных портов). Эта рассогласованность крайне опасна для эффективности проводимой сегодня пограничной и региональной политики, поскольку, как показал саммит АТЭС 2012 г., при отсутствии понятной и комфортной среды для предпринимательской деятельности, возникший интерес инвесторов быстро угасает.

Другим важным изъяном нынешней пограничной политики на РДВ является ее неспособность пока преодолеть выраженную китаецентричность трансграничных связей региона, во многом отражающую логику внешнеполитических предпочтений российского руководства. Символические, дипломатические жесты Москвы в сторону Сеула и Токио очень мало сказываются на страновой структуре международного сотрудничества РДВ. Меж-

ду тем, чрезмерная зависимость региона (особенно при сокращении государственных инвестиций) от отношений с одним из своих соседей неизбежно ведет к узкой специализации и неустойчивости его развития.

Однако самым фундаментальным недостатком пограничной политики, проводимой на РДВ с 2006 г. и до настоящего времени, при всех ее корректировках, следует считать то, что она скорее закрепляет, нежели меняет сложившуюся внутреннюю структуру дальневосточной экономики и социума. Количественные задачи наращивания объемов трансграничных потоков в этой политике отодвигают задачи качественной, структурно-отраслевой модернизации. Пограничная политика все еще слабо связана с региональными программами с точки зрения механизма передачи эффектов (доходы, технологии, кадры, институты, контакты) от роста сырьевого экспорта в развитие обрабатывающих и сервисных производств. В то же время пограничная политика слишком лояльна к существующему внешнему спросу, к стереотипному восприятию РДВ в качестве ресурсной базы для ведущих стран СВА. Выбор в пользу наиболее быстрого и легкого способа трансграничной интеграции РДВ в соответствии с «запросами рынка», т.е., по существу, текущими потребностями стран-партнеров, может привести к тому, что ожидаемое в результате развитие региона окажется ростом в пределах весьма тесной рыночной ниши, отводимой периферийным территориям АТР.

Тесная сопряженность отраслевой структуры и технологического уклада экономики РДВ со структурой спроса на внешних рынках указывает на то, что политика поощрения иностранных инвестиций и стимулирования их перетока в обрабатывающий сектор (сама по себе, безусловно, необходимая) для модернизации региона недостаточна. Укрепление связей экономик РДВ и АТР должно иметь характер не односторонней адаптации первой ко второй, но взаимного изменения, со-развития. Это означает, в том числе, и то, что интеграции дальневосточного региона России в АТР должен сопутствовать процесс формирования новых рынков. Этот процесс может идти двумя путями. Во-первых, новые внешние (и внутренние) рынки для РДВ могут быть созданы за счет предложения новых наукоемких продуктов, опережающих и проектирующих спрос, т.е., по сути, управляющих им. Цепочка «новый продукт – новая отрасль – новая региональная специализация» должна быть запущена на площадках ТОРов. Однако для того, чтобы это оказалось возможным, государство должно препятствовать неизбежным попыткам встраивания ТОРов в существующую систему «старой» корпоративно-сырьевой экономики, простого переноса (ввоза из-за рубежа) «под

крышу» особых режимов обрабатывающих и даже высокотехнологичных, но при этом отнюдь не инновационных производств. Во-вторых, новые рынки как необходимое условие регионального развития могут быть приобретены РДВ путем изменения географии трансграничных отношений, посредством продвижения инновационной продукции в страны АТР, не принадлежащие к «первому эшелону» модернизации в нем, но стремящиеся к технико-технологическому перевооружению своих экономик. Такое выстраивание собственной торгово-инвестиционной периферии сделает претензии РДВ на роль одного из центров АТР значительно более обоснованными.

В целом, «штурманам» политики «поворота на Восток» следует признать, что успешная модернизация РДВ невозможна без переформатирования нынешней социально-экономической структуры вмещающего его международного региона. Иными словами, необходимо вновь вспомнить о том, что «поворот на Восток» объективно имеет комплексную природу. Отсюда, в частности, следует, что внутренний и пограничный компоненты этой политики должны быть своевременно поддержаны внешнеполитическими инициативами России, в т.ч. по строительству в АТР новых институциональных форматов сотрудничества.

Литература

1. Внешнеэкономическая деятельность Амурской области за 2005-2015 годы / Амурстат. Благовещенск, 2016.
2. Внешнеэкономическая деятельность предприятий Дальневосточного региона в 2001 г. (данные таможенной статистики) // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2002. № 1. С. 3–12.
3. Вопрос-ответ. Минвостокразвития России [Электронный ресурс]. URL: <http://minvr.ru/feedback/question-answer.php>.
4. Вступительное слово на заседании Совета Безопасности. 20 декабря 2006 года [Электронный ресурс]. Президент России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/23965>.
5. Государственная программа Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона» (утв. распоряжением Правительства РФ от 29 марта 2013 г. № 466-р) [Электронный ресурс] // Система Гарант. URL: <http://base.garant.ru/70351168/>.
6. Государственная программа Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона» (утв. постановлением Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 308) [Электрон-

ный ресурс] // Правительство России. URL: <http://government.ru/media/files/RoWSHNM7NUM.pdf>.

7. Гуань Гуйхай. Негативные факторы торгово-экономического сотрудничества между Китаем и Россией и пути их устранения // Взаимодействие России и Китая в глобальном и региональном контексте: политические, экономические и социокультурные измерения. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2008. С. 189–199.

8. Единая межведомственная информационно-статистическая система. Государственная статистика [Электронный ресурс]. URL: <https://fedstat.ru/>.

9. Забияко А.П., Кобызов Р.А., Понкратова Л.А. Русские и китайцы: этномиграционные процессы на Дальнем Востоке. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2009. 412 с.

10. Итоги работы Восточного экономического форума – 2016 [Электронный ресурс] // Восточный экономический форум/ URL: https://forumvostok.ru/wp-content/uploads/2016/09/Results-of-EEF-2016_Ru.pdf.

11. Киреев А.А. Дальневосточная граница России: тенденции формирования и функционирования (вторая половина XIX – начало XXI вв.). Владивосток: Изд-во ДВФУ, 2011. 474 с.

12. Козлов Л.Е. Региональная политика России на Дальнем Востоке: 2007–2014 // Конкурирующие модели и современные тенденции восточно-азиатского и азиатско-тихоокеанского регионализма. Владивосток: ДВФУ; Дальнаука, 2014. С. 186–204.

13. Козлов Л.Е., Волынчук А.Б. Региональная политика России на Дальнем Востоке в условиях неблагоприятной внешней среды (2014–2016 гг.) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2016. № 4. С. 24–35.

14. Красова Е.В. Иностранная рабочая сила в мировой и региональной экономике: современные аспекты государственного регулирования. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2012. 212 с.

15. Ларин В.Л., Ларина Л.Л. Окружающий мир глазами дальневосточников. Эволюция взглядов и представлений на рубеже XX–XXI веков. Владивосток: Дальнаука, 2011. 312 с.

16. Лузянин С.Г. Российско-китайское стратегическое партнерство: региональное, культурно-цивилизационное и образовательное измерения // Взаимодействие России и Китая в глобальном и региональном контексте: политические, экономические и социокультурные измерения. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2008. С. 156–179.

17. Меламед И.И., Дягилев А.А., Авдеев М.А. Основные подходы к развитию Дальнего Востока и Прибайкалья. М.: Современная экономика и право, 2010. 176 с.

18. Минакир П.А. Экономика регионов. Дальний Восток. М.: ЗАО «Издательство «Экономика»», 2006. 848 с.

19. Минакир П.А., Прокапало О.М. Региональная экономическая динамика. Дальний Восток. Хабаровск: ДВО РАН, 2010. 304 с.

20. Новое позиционирование Российской Федерации в глобальном хозяйстве – возможности и перспективы : доклад [Электронный ресурс]. М.: ИНСОП, 2015. URL: <https://komitetgi.ru/upload/iblock/f87/f8739b4c7021681c878ff49aa403ba8e.pdf>.

21. Программа «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011–2018 гг.)» // Федеральные целевые программы России. [Электронный ресурс]. URL: <http://fcp.economy.gov.ru/cgi-bin/cis/fcp.cgi/Fcp/ViewFcp/View/2017/361>.

22. Программа создания в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке единой системы добычи, транспортировки газа и газоснабжения с учётом возможного экспорта газа на рынки Китая и других стран Азиатско-Тихоокеанского региона (утв. Приказом Минпромэнерго РФ от 03.09.2007 № 340) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=EXP;n=491137;frame=4800>.

23. Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и Северо-Востока КНР (2009–2018 гг.) [Электронный ресурс]. Иркутская область. Представительство в Китае. URL: <http://www.irkutsk.cn/site/uploads/File/Programm.doc>.

24. Прокапало О.М., Исаев А.Г., Мазитова М.Г. Экономическая конъюнктура в Дальневосточном федеральном округе в 2014 г. // Пространственная экономика. 2015. №2. С. 132–164.

25. Прокапало О.М., Исаев А.Г., Мазитова М.Г. Экономическая конъюнктура в Дальневосточном федеральном округе в 2015 г. // Пространственная экономика. 2016. №2. С. 123–157.

26. Прокапало О.М., Исаев А.Г., Суслов Д.В., Деваева Е.И., Котова Т.Е. Экономическая конъюнктура в Дальневосточном федеральном округе в 2010 г. // Пространственная экономика. 2011. № 2. С. 54–91.

27. Прокапало О.М., Исаев А.Г., Суслов Д.В., Мазитова М.Г. Экономическая конъюнктура в Дальневосточном федеральном округе в 2012 г. // Пространственная экономика. 2013. № 2. С. 119–149.

28. Прокапало О.М., Исаев А.Г., Суслов Д.В., Мазитова М.Г. Экономическая конъюнктура в Дальневосточном федеральном округе в 2013 г. // *Пространственная экономика*. 2014. № 2. С. 106–140.
29. Прошедший саммит АТЭС во Владивостоке стал богат на заявления и встречи [Электронный ресурс]. 09.2012 // PrimaMedia.ru URL: <http://primamedia.ru/news/economics/10.09.2012/227019/proshedshiy-sammit-ates-vo-vladivostoke-stal-bogat-na-zayavleniya-i-vstrechi.html>.
30. Прямые инвестиции в Российскую Федерацию. Операции по субъектам, в которых зарегистрированы резиденты // Центральный банк РФ. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cbr.ru/statistics/?PrtId=svs>.
31. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2001 / Госкомстат России. М., 2001.
32. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2002 / Госкомстат России. М., 2002.
33. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2003 / Госкомстат России. М., 2003.
34. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2004 / Росстат. М., 2004.
35. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2005 / Росстат. М., 2006.
36. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2007 / Росстат. М., 2007.
37. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2012 / Росстат. М., 2012.
38. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2013 / Росстат. М., 2013.
39. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2014 / Росстат. М., 2014.
40. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015 / Росстат. М., 2015.
41. Реутов Д.А. «Восточная газовая программа» и перспективы российско-корейского энергетического сотрудничества // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2013. № 2. С. 78–86.
42. Российский статистический ежегодник. 2001 / Госкомстат России. М., 2001.
43. Российский статистический ежегодник. 2002 / Госкомстат России. М., 2002.

44. Российский статистический ежегодник. 2003 / Госкомстат России. М., 2003.
45. Российский статистический ежегодник. 2004 / Росстат. М., 2004.
46. Российский статистический ежегодник. 2005 / Росстат. М., 2005.
47. Российский статистический ежегодник. 2007 / Росстат. М., 2007.
48. Российский статистический ежегодник. 2009 / Росстат. М., 2009.
49. Российский статистический ежегодник. 2011 / Росстат. М., 2011.
50. Российский статистический ежегодник. 2014 / Росстат. М., 2014.
51. Российский статистический ежегодник. 2015 / Росстат. М., 2015.
52. Савченко А. Почему программы развития Дальнего Востока не работают? [Электронный ресурс]. Россия навсегда. URL: <http://rossiyanavsegda.ru/read/2010/>
53. Севастьянов С.В., Реутов Д.А. Россия на рынке углеводородов США в условиях низких цен и антироссийских санкций // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2016. № 4. С. 47–61.
54. Синтез научно-технических и экономических прогнозов: Тихоокеанская Россия – 2050 / под ред. П.А. Минакира, В.И. Сергиенко. Владивосток: Дальнаука, 2011. 912 с.
55. Соглашение между Правительством РФ и Правительством КНР о поощрении и взаимной защите капиталовложений от 09.11.2006 [Электронный ресурс]. МИД РФ. URL: http://www.mid.ru/spd_md.nsf/0/604C0339F57072E4C325785A003FB380.
56. Социально-экономическое положение Дальневосточного федерального округа в 2013 г. / Росстат. М., 2014.
57. Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 г. (утв. распоряжением Правительства РФ от 28 декабря 2009 г. № 2094-р) [Электронный ресурс]. Правительство России. URL: <http://gov.garant.ru/SESSION/PILOT/main.htm>.
58. Труд и занятость в России 2003 / Госкомстат. М., 2003.
59. Труд и занятость в России 2005 / Росстат. М., 2006.
60. Труд и занятость в России 2007 / Росстат. М., 2007.
61. Труд и занятость в России 2009 / Росстат. М., 2009.
62. Труд и занятость в России 2011 / Росстат. М., 2011.
63. Труд и занятость в России 2013 / Росстат. М., 2013.

64. Федеральная служба государственной статистики. Центральная база статистических данных. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru/dbscripts/cbsd/dbinet.cgi>.

65. Федеральная целевая программа «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на период до 2013 г.» (утв. постановлением Правительства РФ от 15 апреля 1996 г. № 480 в редакции постановления Правительства РФ от 21 ноября 2007 г. № 801) // Федеральные целевые программы России. URL: <http://fcp.economy.gov.ru/cgi-bin/cis/fcp.cgi/Fcp/ViewFcp/View/2008/136>.

66. Федеральный закон от 13.07.2015 г. № 212-ФЗ «О свободном порте Владивосток» [Электронный ресурс]. Президент России. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/39906>.

67. Федеральный закон от 29.12.2014 г. № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Президент России. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/39279>.

68. Через 5–10 лет Россия будет активнее вести торговлю со странами АТР, чем с Европой [Электронный ресурс] // ИТАР-ТАСС. 2012. 7 сентября. URL: <http://itar-tass.com/ekonomika/602422>.

69. Шпангер Х.-Й. Поворот России на Восток, поворот Китая на Запад: взаимодействие и конфликты на Шелковом пути // Валдайские записки. 2016. № 47.

70. Sevastianov S.V. Vladivostok's Perceived Role and Perspective as a "Global" City and Russian "Gateway" to Northeast Asia // *Borders and Transborder Processes in Eurasia* / edited by Sergei V. Sevastianov, Paul Richardson, and Anton A. Kireev. Vladivostok: Dalnauka, 2013. P. 167–173.

Глава 4. Региональная политика России на Дальнем Востоке: в поисках новых инструментов развития (2014–2016)

(Л.Е. Козлов, А.Б. Волынчук)

Относительно содержания термина «региональная политика» существует давняя дискуссия. Соглашаясь с мнением Л.В. Смирнягина, мы понимаем региональную политику как совокупность методов, нормативно-правовых актов и практических мероприятий, разрабатываемых и реализуемых компетентными органами государственной власти, с целью формирования определённой территориальной структуры общества [21, с. 107]. Как представляется, анализ региональной политики не следует ограничивать социальными и экономическими мерами, на которых обычно концентрируют внимание специалисты географических и экономических наук, но вполне допустимо дополнять кадровыми, партийными, оборонными, дипломатическими и иными мерами, если они нацелены именно на формирование территориальной структуры своей страны.

Социально-экономические проблемы развития Дальнего Востока исторически являются сложными, а их решение растягивается на многие десятилетия. Обширный перечень задач региональной политики, сформулированный в преамбуле «Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года», на наш взгляд, можно свести к следующему политическому знаменателю: 1) обеспечение проживания на Дальнем Востоке постоянного населения в количестве, достаточном для отражения претензий зарубежных держав на эту территорию, 2) подъем уровня жизни населения в регионе до сопоставимого с центральной частью страны, 3) создание инфраструктуры и производственных мощностей, достаточных для рентабельной эксплуатации природных ресурсов Дальнего Востока в общенациональных интересах.

Особое значение для перспектив развития региона имел проведенный Россией в сентябре 2012 г. саммит АТЭС. В ходе подготовки к нему во Владивостоке была оперативно реализована комплексная программа строительства инфраструктурных и других объектов, способствующая его постепенному превращению в знаковый центр международного сотрудничества со странами АТР. На заседаниях саммита федеральный центр озвучил (в том числе перед лидерами стран АТР) свою готовность к активному решению назревших проблем развития региона и начал обсуждение возможного сотрудничества с зарубежными партнерами в его освоении. Одновременно это международное мероприятие стало катализатором для решения назревших внутрироссийских проблем. Его слабые инвестиционные результаты способствовали пониманию ру-

ководства РФ того, что для успешного развития этих удаленных и малонаселенных территорий им необходимо предоставить приоритетные экономические и социальные условия, а также подчеркнули неотложность формулирования основанной на новых организационных и экономических подходах комплексной стратегии развития Дальнего Востока и Забайкалья, обсуждению которой и было посвящено специальное заседание президиума Госсовета РФ в ноябре 2012 г. [19, с. 7-15].

Данная глава посвящена анализу разработанных и реализованных правительством РФ за последние четыре года организационных, финансовых, социальных и прочих мер, направленных на создание благоприятных условий для ведения бизнеса, инвестирования и проживания в этой части страны. При этом важно отметить, что проведение нового комплекса мер региональной политики России в последние годы заметно осложнилось ввиду замедления роста национальной экономики, последовавшего вслед за этим сокращения бюджетных доходов и попыток политико-экономической изоляции России со стороны западных держав. В предлагаемой главе рассматривается специфика региональной политики на Дальнем Востоке в период, когда произошло одномоментное сочетание неблагоприятных внутренних и международных факторов: как политических, так и экономических.

В рассматриваемый период федеральный центр фактически согласился на изъятие хозяйственных/экономических процессов Дальнего Востока из общероссийского режима управления. Главным маркером успешности анонсированных программ развития был установлен объем привлечённого в регион капитала. Был сделан акцент на привлечение крупного иностранного капитала. По различным подсчётам, для доведения уровня экономического развития ДВФО до показателей Центральной России требуются инвестиции в сумме более 1 трлн долл. США – это почти 75 % ВВП России [6].

В этой связи наиболее масштабным проектом привлечения инвестиций представляется создание территорий опережающего социально-экономического развития (ТОР) – экономических зон, где ключевыми принципами являются кардинальное дерегулирование и масштабное налоговое стимулирование. Это своего рода новое прочтение концепции «свободных» или «специальных» экономических зон, успешной во многих странах мира, но имеющей мало позитивного опыта в России.

Федеральный закон «О территориях опережающего социально-экономического развития в РФ» вступил в силу 30 марта 2015 г. Следом были произведены соответствующие поправки в Налоговый, Гражданский и Земель-

ный кодексы РФ. В пояснительных материалах к законопроектам подчеркивается, что на ТОР будут созданы более благоприятные условия бизнеса, чем в прежних Особых экономических зонах (ОЭЗ), и резидентам ТОР будут предоставлены лучшие (конкурентоспособные) условия ведения предпринимательской деятельности по отношению к аналогичным территориям, функционирующим в АТР. Так, для привлечения предпринимателей разработан следующий комплекс налоговых, таможенных и административных преференций:

- пониженные тарифы страховых взносов – 7,6 %;
- налоговые преференции: ускоренная процедура возмещения НДС (в течение 10 дней); освобождение или снижение ставки налогов на имущество, землю; понижающий коэффициент НДПИ (0 – 0,8) в течение 10 лет; налог на прибыль первые 5 лет после получения первой прибыли от 0 % до 5 %, последующие 5 лет – от 10 %; земельный налог 0 % в течение 3 лет;
- льготные арендные ставки – 0,4 (коэффициент от базовой ставки);
- сокращение времени проведения проверок (не более 15 рабочих дней);
- финансирование строительства инфраструктуры за счёт бюджета и приоритет в подключении резидентов к её объектам;
- режим свободной таможенной зоны: беспошлинный и безналоговый ввоз, хранение, потребление иностранных товаров внутри ТОР, реэкспорт товаров;
- отсутствие разрешений на привлечение иностранных работников;
- сокращение сроков получения разрешительной документации: для капитального строительства не более 40 дней), экологическая экспертиза не более 45 дней;
- предоставление управляющей компанией государственных услуг на территории ТОР [10].

К январю 2017 г. в ДВФО были официально утверждены 14 ТОРов: два в Амурской области («Белогорск» и «Приамурская»); три в Приморском крае («Михайловский», «Надеждинская» и «Большой Камень»); один в Камчатском крае («Камчатка»); один в Чукотском автономном округе («Беринговский»), два на Сахалине («Горный воздух» и «Южный»); два в Хабаровском крае («Хабаровск», «Комсомольск»), два в Якутии («Кангалассы» и «Южно-Якутская») и один в Еврейской автономной области («Амуро-Хинганская») (см. рисунок 1). На очереди образование ещё нескольких перспективных территорий в разных субъектах ДВФО. Исходя из географии утвержденных ТОРов, можно предположить, что руководство страны и дальневосточного региона при принятии реше-

ний руководствуется не только объективными условиями и возможностями территорий, но действует, исходя из правила «всем сёстрам по серьгам».

Осенью 2016 г. из официально утвержденных ТОР к действующим относилось три: «Надеждинская», «Хабаровск», «Комсомольск», а остальные имели статус перспективных.

ТОР «Надеждинская» располагается в одноимённом районе Приморского края. Имеет трех якорных резидентов (ООО «Инком ДВ Лоджистик», АО «Производственно-логистический комплекс «Приморский кондитер», ООО «Приморский завод «ЕВРОПЛАСТ»), специализирующихся на транспортно-логистической деятельности, выпуске кондитерской продукции, производстве пластмассовых изделий. Общий объёмом частных инвестиций составляет 6,7 млрд руб.

ТОР «Хабаровск» размещается в черте города Хабаровска. На сегодняшний день имеет девять якорных резидентов: ООО «Торэкс» (металлургическое производство), ООО «Джей Джи Си Эвергрин» (растениеводство и животноводство), ООО «Индустриальный парк «Авангард» (складские помещения, логистика), АО «Международный аэропорт Хабаровск» (деятельность воздушного и космического транспорта) и др. с объёмом частных инвестиций 15,4 млрд руб.

ТОР «Комсомольск» создана на территории двух городов (Комсомольска-на-Амуре и Амурска). Якорные резиденты ТОР: ООО «Инструментальный механический завод» (производство деталей для авиастроения), ООО «Амурская лесопромышленная компания» (обработка древесины и производство изделий из дерева), ООО «Карбон» (обработка и утилизация отходов), АО «Амурский промышленный центр» (обеспечение электрической энергией) обеспечивают частные инвестиции в объёме 7,9 млрд руб.

Якорными инвесторами ТОРов, как правило, выступают российские компании. Впрочем, и зарубежный бизнес заявил о своём участии в проекте. Компания «BAOLIBITUMINA Singarore» – мировой лидер по производству битума – намерена построить завод в ТОР «Хабаровск». Китайский бизнес готов вложить свыше 114 млрд руб. в нефтеперерабатывающий завод в Комсомольске-на-Амуре и по 300 млн руб. в металлургический и кирпичный заводы в ТОР «Кангалассы». Японская компания «JGC» приступила к строительству тепличного комплекса в ТОР «Хабаровск» (объём вложений 2,5 млрд руб.). Другая японская компания «Sojitz» ведёт переговоры по модернизации хабаровского аэропорта [25].

Рис. 1. Территории опережающего социально-экономического развития по субъектам Дальневосточного федерального округа¹³

Изначально в основу формирования ТОРов заложен т. н. кластерный подход. Он основан на создании территориальной системы взаимосвязанных предприятий, которые взаимно дополняют производственные цепочки друг друга, тем самым усиливая свои конкурентные преимущества. Основу территориальной системы составляет «якорное» предприятие/инвестор, который, по сути, обеспечивая производство конечного продукта, определяет ведущее направление/специализацию ТОРа.

¹³ Рисунок подготовлен по материалам сайта Корпорации развития Дальнего Востока [5].

В то же время анализ Реестра резидентов территорий развития на сайте Корпорации развития Дальнего Востока не всегда позволяет выявить их кластерную специализацию [10]. Например, своё участие в работе ТОР «Хабаровск» к октябрю 2016 г. документально подтвердили 14 резидентов. Заявленная ими деятельность – производство продукции сельского хозяйства, химических веществ и химических продуктов, металлургия, электротехника и др. – не демонстрирует связанности, а выглядит набором компаний, стремящихся воспользоваться объявленными преференциями.

Схоже обстоит дело и в крупнейшей ТОР Приморского края «Надеждинская». Согласно Реестру, 11 резидентов планируют организовать хозяйственную деятельность, как минимум, в трёх «якорных» направлениях – производство пластмассовых изделий и прочей неметаллической минеральной продукции, производство пищевых продуктов; производство текстильных изделий и одежды.

Помимо территорий опережающего развития, предпринимаются активные попытки запустить параллельные проекты, которые при удачном стечении обстоятельств способны ускорить развитие региона, в первую очередь, «Свободный порт Владивосток» (СПВ). Согласно регламенту, опубликованному Минвостокразвития РФ, главным отличием СПВ от ТОР является условие открытия нового бизнеса [25]. Предприниматель должен реализовать новый инвестиционный проект, либо вид предпринимательской деятельности, который является для него новым. Федеральный закон «О Свободном порте» вступил в силу 12 октября 2015 г. на территории 15 муниципалитетов Приморья: во Владивостоке, Артеме, Большом Камне, Находке, Партизанске, Уссурийске, Спасске-Дальнем, Надеждинском, Шкотовском, Октябрьском, Партизанском, Пограничном, Хасанском, Ханкайском и Ольгинском районах, включая их морские акватории. Особый экономический режим охватил территорию на которой проживают около 1,4 млн чел. Преференции для резидентов СПВ следующие:

- понижение страховых взносов – 7,6 % (для нерезидентов 30 %);
- в первые 5 лет налог на прибыль – 0 %, последующие 5 лет в региональный бюджет – 10 % (для нерезидентов 20 %);
- в первые 5 лет налог на имущество 0 %, последующие 5 лет – 0,5 % (для нерезидентов 2,2 %);
- в первые 5 лет налог на землю 0% (для нерезидентов от 0,3 % до 1,5 %);
- ускоренная процедура возмещения НДС в течение 10 дней (для нерезидентов 3 месяца);

- предоставление земельных участков без торгов и на срок реализации соглашения;

- беспошлинный и безналоговый режим свободной таможенной зоны: ввоз, хранение, потребление иностранных товаров, вывоз товаров, ввоз иностранных товаров;

- упрощенный визовый режим и др. [3].

В 2016 г. режим свободного порта был распространён на Петропавловск-Камчатский (Камчатский край), Ванино (Хабаровский край), Корсаков (Сахалинская область), Певек (Чукотский автономный округ). В целом, проект СПВ активно реализуется, но потребуется, как минимум, год-полтора, чтобы можно было дать объективную оценку его эффективности и адекватности местным условиям.

Общей чертой данных проектов, которая также характеризует новый подход Москвы в развитии Дальнего Востока, является стимулирование частного бизнеса и перенос основной части инвестиционных затрат с государства на частный бизнес. Так, Фонд развития Дальнего Востока на 2016 г. инвестировал 18,4 млрд руб. в двенадцать проектов, где предполагается общий объем финансирования в 180,6 млрд руб., а в конце года выделил еще 8,7 млрд руб. на три новых проекта в пищевой промышленности, жилищном строительстве и авиатранспорте [26].

В дополнение к административным льготам центр принял годами ожидавшееся на Дальнем Востоке решение об уравнивании тарифов на электроэнергию по всей территории России. Соответствующий федеральный закон, вступающий в силу с 1 января 2017 г., обеспечивает снижение тарифа на Дальнем Востоке в среднем на 30 %. В связи с этим на остальной территории России тариф повышается в среднем на 1,8 % [24].

Помимо инфраструктуры, промышленности и сельского хозяйства Дальнего Востока, центр продолжает уделять особое внимание ключевому проекту в образовательной сфере – Дальневосточному федеральному университету. При всех сложностях его реализации следует отметить, что университет, несомненно, начал работать на улучшение имиджа России в АТР. Здесь регулярно и очень часто проводятся международные мероприятия научного, образовательного, экономического и политико-дипломатического характера. С каждым годом увеличивается приток иностранных студентов. На совещаниях под руководством Ю.П. Трутнева в 2016 г. рассматривалась обновленная стратегия развития университета, озвучивались амбициозные задачи привлечь

лучших российских студентов и быть научно-образовательным центром России по взаимодействию со странами АТР [7].

При сохранении за собой всей полноты управленческих функций, определяющих правила игры в новых экономико-правовых условиях, Правительству РФ пока плохо удаётся преодолевать разногласия и противоречия, возникающие на уровне региональных и муниципальных администраций и федеральных ведомств. Остро стоит земельный вопрос, который является краеугольным камнем любой предпринимательской инициативы, будь то резиденты ТОРов, Свободного порта или участники программы безвозмездного получения т.н. «дальневосточного гектара». Процесс получения необходимого земельного участка из-за неотработанных бюрократических процедур значительно увеличивает плановые сроки исполнения бизнес-проектов и до некоторой степени ставит под сомнение целесообразность организации бизнеса в регионе. Например, по информации Ю.П. Трутнева, порядка 30 % заявок на «дальневосточный гектар» отклоняется. Основная причина – отсутствие в федеральной информационной системе «НаДальнийВосток.рф» двух массивов данных – о правах третьих лиц на участки, границы которых не обозначены на картах и которые не поставлены на кадастровый учет, а также о землях Минобороны РФ [16].

Акцент региональной политики на бюрократическое регулирование привел к возникновению управленческих институтов, зачастую дублирующих друг друга. В основном это государственные структуры, требующие немалого финансирования. В регионе на 2017 г. работают Министерство по развитию Дальнего Востока, Корпорация развития Дальнего Востока, Фонд развития Дальнего Востока, Агентство по развитию человеческого капитала, администрации ТОР и т.п. Дисциплина исполнителей госпрограммы «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона» является низкой, что подтвердил Комитет по региональной политике и проблемам Севера и Дальнего Востока Госдумы РФ. В заключении об исполнении федерального бюджета за 2015 год он отметил, что выполнено 45,5 % мероприятий, хотя на их выполнение было выделено 95,4 % от запланированных расходов [8].

Ещё более жёсткой критике исполнение данной программы подверглось со стороны Министерства финансов РФ, которое предложило сократить финансирование программы примерно до 17 млрд руб. в год. На заседании вышеупомянутого Комитета Госдумы РФ о проекте государственного бюджета на 2017-2019 гг. замминистра финансов пояснил по этому поводу, что у Правительства РФ прежде были большие надежды на работу этой про-

граммы, но они не оправдались, и программа оказалась, по сути дела, невос-
требованной [13]. Кроме того, Счетная палата РФ предложила, а Министер-
ство экономического развития согласилось, что 3,1 млрд руб., предназна-
ченные особой экономической зоне промышленно-производственного типа
во Владивостоке, целесообразнее направить более эффективным ОЭЗ в Ли-
пецке, Калуге и Астрахани [12].

В итоге в управлении развитием Дальнего Востока сложилась следу-
ющая ситуация. Резко (до 51 млрд руб. на три года) сокращены средства в
рамках региональной госпрограммы, которыми распоряжается Минвосток-
развития. При этом, согласно постановлению Правительства РФ от 7 ноября
2016 г. № 1137, в 27 других госпрограммах должны быть сформированы спе-
циальные дальневосточные разделы, ориентированные на специфические
проблемы Дальнего Востока и потребности его жителей, прежде всего в сфе-
ре здравоохранения, жилищного строительства, транспортной и социальной
инфраструктуры. На конец 2016 г. эта сумма составила 771 млрд руб. [4]. По
всей видимости, федеральный центр намерен постепенно уходить от управле-
ния Дальним Востоком через особое министерство, а основные инвестиции в
региональное развитие направлять по общегосударственным программам, т.е.
форматировать региональное социально-экономическое пространство России
комплексно. Пока же Минвостокразвития получает от Правительства РФ вме-
сто материальных ресурсов дополнительные полномочия в части планирова-
ния мероприятий и контроля над исполнением «дальневосточных разделов»
федеральных целевых программ [14].

Широкое присутствие федерального центра во всех сферах социаль-
но-экономической жизни Дальнего Востока не гарантирует защиту от зло-
употреблений на местах. Например, не выполняются поручения президиума
Госсвета по созданию благоприятных условий для развития отдельных от-
раслей региональной экономики. Из 31 поручения по проблематике освое-
ния отечественных водных биологических ресурсов и обновления рыбопро-
мыслового флота, к середине 2016 г. выполнено всего 5. В качестве основ-
ной причины низкой исполнительской дисциплины полпред Президента РФ
в ДВФО Ю.П. Трутнев определяет прямой конфликт интересов. «Целый ряд
федеральных унитарных государственных предприятий... осуществляют
хозяйственную деятельность в отрасли. То есть, и управляют отраслью, и
деньги в ней зарабатывают. Налицо прямой конфликт интересов» [15].

Если возможная ликвидация Минвостокразвития обсуждалась в пресе
на уровне слухов, то расформировать Федеральное агентство по специ-

альному строительству («Спецстрой») В.В. Путин решил, не дожидаясь 2017 г. Причиной такого решения стали многочисленные финансовые скандалы и низкое качество строительных работ, в том числе со стороны подразделения «Дальспецстрой» на космодроме «Восточный» в Амурской области и аэропорту Петропавловск-Камчатский [18].

Актуальность «ручного управления» важнейшими проектами дальневосточного развития В.В. Путин подтвердил в конце 2016 г., применительно к судостроению: «Судостроение надо там развивать активно, надо утраченную компетенцию восстанавливать, что мы и делаем. Не просто это оказалось. Вы знаете, с такой кровью, и нужно брать палку такую, у меня рука устала колотить всех по шее и по спине. Но движение началось. И в Большом Камне новая верфь уже практически скоро заработает. Фактически уже работает, но не в том масштабе, в котором нам бы хотелось, но это будет сделано обязательно» [2].

Борьба с коррупцией стала в рассматриваемый период важной составляющей региональной политики центра на Дальнем Востоке. Самым крупным стало дело о растрате 5 млрд руб. при строительстве космодрома Восточный, следствие по которому завершилось в 2016 г. С 2014 г. расследуется дело руководителя «Дирекции по строительству в Дальневосточном федеральном округе» Управления делами Президента РФ. По версии следствия, подозреваемый при участии двух генподрядчиков растратил денежные средства на сумму более 1,1 млрд руб., выделенных на строительство океанариума во Владивостоке. В 2015 г. по подозрению в получении взятки в размере 5,6 млн долл. США был задержан губернатор Сахалинской области. В 2016 г. попал под следствие по обвинению в коррупции мэр Владивостока [20]. Частые проявления коррупции, безусловно, ухудшают инвестиционный имидж Дальнего Востока и снижают эффективность предпринимаемых руководством России системных мер по модернизации экономики региона.

Существующая на Дальнем Востоке территориальная и отраслевая структура хозяйства досталась ему в наследство от Советского Союза. Её спецификой является преобладание в структуре ВРП сырьевых отраслей. Необходимость повышения в экономике доли обрабатывающего сектора была понята давно, однако за постсоветский период эта проблема лишь усугубилась. Так, если доля добывающих производств в экономике ДВФО в 2005 г. составляла 14,9 %, то к 2013 г. она достигла 26,4 %. За тот же период времени производство в обрабатывающих отраслях выросло на 55 %, но, несмотря на высокие темпы роста, диспропорция в структуре ВРП ещё больше

сместилась в сторону сырьевого сектора: в 2005 г. на долю обрабатывающих отраслей приходилось 7,7 %, а в 2013 – 5,4 % [17].

Причиной усиления диспропорций является активное продвижение в регионе нефтегазовых проектов, которые обеспечивали в течение нескольких лет положительную динамику роста ВРП. С 1999 по 2011 годы ВРП региона прирастал в среднем на 5,2 % в год [1]. Сырьевая специализация сформировала сильную зависимость развития региона от мировой конъюнктуры на сырьё. Глобальный экономический кризис обрушил сырьевые рынки, в первую очередь, энергетические, тем самым обнулив ведущие факторы роста ДВФО. В результате с 2012 г. экономика Дальнего Востока вошла в полосу рецессии, и идеи усиления в регионе обрабатывающей экономики вновь стали актуальными.

По мнению большинства экспертов, главным препятствием развития обрабатывающей промышленности является недостаток инвестиций. По данным Федеральной службы государственной статистики, на каждого жителя Дальнего Востока в 2014 г. в среднем приходилось 131880 руб. инвестиций в основной капитал (это второе место после Уральского федерального округа), при этом более 35 % из них было ориентирована на предприятия сырьевого комплекса. Всего 7,5 % всех инвестиций аккумулировалось в обрабатывающем производстве. И это при том, что общая динамика инвестиций в экономику Дальнего Востока с 2012 г. имеет устойчивую тенденцию к снижению: 2011 год – 1060 млрд руб., 2012 год – 971,4 млрд руб., 2013 год – 842,4 млрд руб., 2014 год – 820,1 млрд руб.

Несмотря на то, что объём инвестиций снижается, главным образом, за счёт добывающей промышленности, она по-прежнему остаётся самым привлекательным и высокодоходным сегментом дальневосточной экономики [17]. Налицо региональное проявление известной теоремы Рыбчинского, согласно которой рост предложения одного из факторов производства приводит к росту выпуска продукции, производимой при интенсивном использовании этого фактора, и к сокращению выпуска других товаров. Практическим следствием этой теоретической конструкции является, так называемая, «голландская болезнь», которой в полной мере больна дальневосточная экономика: сырьевой сектор вызывает устойчивый отток ресурсов из обрабатывающих отраслей региона за счёт более высокой заработной платы и более высокой прибыли. В результате обрабатывающая промышленность хронически недофинансируется, и выпуск её продукции сокращается. Именно эту ситуацию мы имеем сегодня в нашем регионе.

Утвержденные и реализуемые Правительством РФ программы по стимулированию промышленного роста на Дальнем Востоке направлены на создание особых условий, способных кардинально изменить сложившуюся ситуацию. Предполагается, что налоговые льготы, упрощённое администрирование, особый таможенный режим значительно повысят привлекательность и доходность региональной обрабатывающей промышленности и приведут к росту её доли в экономике. Для реализации этой цели, а также для формирования образа российского Дальнего Востока в АТР как перспективной площадки для выгодных инвестиций, федеральные и региональные власти за последние годы провели большое количество международных мероприятий. Главное место в этом ряду занимают Восточные экономические форумы (ВЭФ), нацеленные на раскрытие для инвесторов возросших возможностей региона.

В рамках первого ВЭФ, который прошёл на острове Русский во Владивостоке в сентябре 2015 г., было заключено более 80 крупных инвестиционных контрактов на сумму свыше 1,8 трлн. руб. [3]. На втором ВЭФ в 2016 г. представители власти и бизнеса подписали около 200 соглашений на сумму более 1,63 трлн. руб.

Во втором ВЭФ приняли участие делегации 56 государств, самой многочисленной из которых была японская. Она состояла в основном из членов советов директоров крупных японских корпораций («Mitsui», «Iida», «Fujitsu», «SoftBank», «Marubeni» и др.) и возглавлялась премьер-министром страны Синдзо Абэ. Японский бизнес готов сотрудничать в сфере энергетики, здравоохранения, рыбного хозяйства, инфраструктурного строительства и других сферах. В ходе форума поступили 12 заявок на заключение контрактов на общую сумму в 250 млрд руб. Российские власти поддержали предложения по созданию энергетического моста Сахалин – Хоккайдо и участию «Mitsui» в капитале «РусГидро» [5].

Серьёзность японских намерений была подтверждена в ходе декабрьского визита Президента РФ в Японию. Переговоры на высшем уровне между В.В. Путиным и С. Абэ стали шестнадцатой встречей двух лидеров. Несмотря на то, что весьма значимой темой этих переговоров являлась проблема Южных Курил, сторонам удалось перевести акцент в сторону перспектив экономического сотрудничества. В.В. Путин и С. Абэ зафиксировали намерения начать совместное хозяйственное освоение Южных Курил, прежде всего, в сфере рыболовства, выращивания рыбы и морепродуктов, а также туризма.

Подписание 16 декабря 2016 г. 68 документов российские и японские стороны считают главным результатом президентского визита. В то же вре-

мя на фоне впечатляющего числа документов итоговая сумма инвестиций оказалась весьма скромной: немногим более 2,5 млрд долл. США [23].

Значительная часть реальных соглашений приходится на традиционные для японского внимания энергетические проекты, причем многие из них базируются на ранее подписанных с «Роснефтью» и «Газпромом» документах. Например, Япония, в лице JBIC, готова участвовать в проекте «Ямал СПГ». Для этих целей Японский международный банк планирует выделить 220 млн долл. США. Однако участие японской стороны в перспективном международном проекте трудно назвать значительным. Заявленные инвестиции составляют немногим больше 1 % от необходимого финансирования. В это же время китайские банки уже предоставили свыше 10 млрд долл. США.

Ещё одним интересным документом представляется соглашение, подписанное между тем же JBIC и РФПИ (Российским фондом прямых инвестиций) о создании совместного фонда на 1 млрд долл. США. Обращает на себя внимание не размер финансирования, а то, что соглашения подписаны с компаниями, находящимися под западными санкциями.

Многие из анонсированных проектов сфокусированы на Дальнем Востоке в территориях опережающего развития или Свободном порту Владивосток. Впрочем, новые российско-японские документы, по большей части, лишь обозначают перспективы сотрудничества: 43 из них – это или меморандумы, или соглашения о намерениях.

В целом, российско-японские переговоры продемонстрировали высокую степень заинтересованности двух стран в экономическом сотрудничестве. Можно предположить, что на данном этапе происходит смещение традиционной цели Токио (решения Курильской проблемы) на развитие экономического сотрудничества с Россией. Кроме того, для японского премьера российский вектор экономической политики является частью гораздо более широкой геополитической повестки, в которой главной угрозой для Японии выступает набирающий силы Китай.

С середины 2000-х гг. в Токио с нарастающим беспокойством наблюдали за развитием российско-китайского взаимодействия в военной, экономической и гуманитарной сферах. После 2014 г. это сближение стало вызывать у японского правительства откровенную тревогу. Выстраивая нынешнюю российскую стратегию, Токио стремиться показать Москве, что может быть альтернативой Китаю при освоении Сибири и Дальнего Востока. Если раньше японские инвестиции рассматривались как приз за решение территориального вопроса на условиях Токио, то теперь они стали условием для из-

менения общего фона в отношениях, в результате которого можно было бы и разрешить территориальный спор, и несколько сдержать крепнущее российско-китайское сотрудничество.

В ходе ВЭФ-2016 также активно работала делегация Республики Корея, поддержанная участием в нем президента Пак Кын Хе. Корейские бизнесмены представили три проекта на сумму более 2,6 млрд руб., которые поступили на рассмотрение в Корпорацию развития Дальнего Востока. Для Владивостока корейские инвесторы готовы разработать и внедрить систему электронной оплаты проезда в общественном транспорте. Второй проект посвящён строительству в Приморье завода по производству изделий из полиуретана и бытовой химии. В Хабаровске планируется создание завода по производству пищевой плёнки и викет-пакетов [9].

Из 1 трлн. руб. общих инвестиций в ТОРы и Свободный порт Владивосток на осень 2016 г. 160 млрд руб. имеет китайское происхождение. Китайскому бизнесу по-прежнему интересны проекты на Дальнем Востоке. Китайцы готовы вкладывать в сырьевой сектор, аграрно-промышленный комплекс и логистику, но не в наукоёмкие отрасли. В результате из-за падения цен на металл, нефть и газ снижаются объёмы российско-китайского товарооборота (18% падения региональной торговли за 2015 г.). Кроме того, китайские предприниматели остро реагируют на такие проблемы российской экономики, как слабость инфраструктуры, высокие тарифы грузоперевозок, сложность административного управления [5].

В конце 2016 г. в ходе 21-ой встречи глав правительств России и Китая была создана межправительственная комиссия по сотрудничеству и развитию Дальнего Востока и Байкальского региона РФ и Северо-Востока КНР. К сфере ведения комиссии отнесена реализация российско-китайских экономических проектов на сопредельных территориях двух стран. С российской стороны сопредседателем комиссии был назначен Ю.П. Трутнев.

Подводя итоги ВЭФ за 2015-2016 годы, можно сделать вывод о том, что Правительством РФ проделана огромная работа по созданию на Дальнем Востоке привлекательных инвестиционных условий. Полагаем, что потребуется не менее 3-5 лет, чтобы стали видны её практические результаты, которые проявятся не только в макроэкономических показателях региона, но и в качестве жизни населения.

Например, в Приморском крае, основном регионе Дальнего Востока, принимающем федеральные инвестиции, в 2016 г. падение экономических показателей продолжилось [27]. Однако обращает на себя внимание рост

цен на местную недвижимость и приход в регион крупных федеральных ритейлеров, что свидетельствует об ожиданиях роста доходов и потребления. Также примечательно быстрое увеличение въездного туристического потока в Приморский край (как иностранного, так и внутреннего), демонстрирующее растущий интерес к этому региону.

На совещании в Правительстве РФ 29 декабря 2016 г. премьер-министр Д.А. Медведев подчеркнул, что Дальний Восток остаётся в числе важнейших приоритетов развития, а вице-премьер Ю.П. Трутнев систематизировал основные итоги и актуальные задачи региональной политики: «В целом у нас в работе сейчас 470 проектов по всему Дальнему Востоку. В будущем это 470 новых предприятий. 23 уже сдали в этом году. Общий объём инвестиций 12,5 млрд, работать будут 1200 человек. <...> Применение новых инструментов влияет на демографию. В 2016 году лучшая демографическая динамика за последние 25 лет» [22].

Тем не менее, в целом, сохраняются серьёзные препятствия в исполнении политических решений по развитию Дальнего Востока, а именно:

1) пока ещё недостаточная прибыльность ведения бизнеса на Дальнем Востоке вследствие целого ряда экономических и административных причин, что может отталкивать потенциальных инвесторов;

2) случаи невыполнения правительственных решений госкорпорациями, когда их реализация обещает им убыток или низкую прибыль, например, как в случае с газификацией Дальнего Востока [11];

3) умножение федеральной бюрократии на местах вместо ослабления госрегулирования, формирование новых органов управления проектами развития, которые «осваивают» проектные бюджеты, генерируют новые методики управления и отчетные показатели, но не несут личной ответственности за рост ВРП на Дальнем Востоке;

4) высокий уровень коррупции при реализации крупных государственных проектов в регионе, в частности, на объектах саммита АТЭС во Владивостоке, космодрома Восточный и др.

В связи с неблагоприятной внешней средой и вышеперечисленными сложностями имплементации наш прогноз по развитию Дальнего Востока будет осторожным. Наиболее вероятным ожидается рост ВРП в небольшом объёме, численность населения стабилизируется на текущем уровне. Пристальное внимание центра к Дальнему Востоку будет сохраняться, что удержит местную экономику и демографию от дальнейшей рецессии, а также будет по-

догревать интерес предпринимателей – как российских, так и зарубежных – к новым инструментам социально-экономического развития региона.

Литература

1. Валовый региональный продукт // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/.

2. Встреча с руководством Совета Федерации и Государственной Думы 21 декабря 2016 года // Президент России [Электронный ресурс]. 2016. 21 дек. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/53566>.

3. Главные экономические события 2015 года в Приморье // PrimaMedia [Электронный ресурс]. 2016. 07 янв. URL: <http://primamedia.ru/news/economics/07.01.2016/482330/glavnie-ekonomicheskie-sobitiya-2015-goda-v-primore.html>.

4. «Дальневосточные» разделы с финансированием в размере 771 млрд руб. выделены в проектах пяти госпрограмм – Минвостокразвития // Интерфакс [Электронный ресурс]. 2016. 25 нояб. URL: <http://www.interfax-russia.ru/FarEast/news.asp?id=786158&sec=1671>.

5. Едовина Т. Дальний Восток испытал прилив инвесторов. На ВЭФ прошел китайско-японский день / Т. Едовина, М. Коростиков // Коммерсантъ [Электронный ресурс]. 2016. 02 сент. URL: <http://kommersant.ru/doc/3080905>.

6. Зубов, В. Триллион для Приморья: как России не потерять Дальний Восток / В. Зубов // РБК [Электронный ресурс]. 2015. 28 апр. URL: <http://www.rbc.ru/opinions/economics/28/04/2015/553e238a9a794718eaf89273>.

7. Из ДВФУ предлагают сделать «восточную Сорбонну» 17 ноября 2016, // PrimaMedia [Электронный ресурс]. URL: <http://primamedia.ru/news/549366/>.

8. Комитет Государственной Думы по региональной политике и проблемам Севера и Дальнего Востока рассмотрел исполнение федерального бюджета за 2015 год // Государственная Дума РФ [Электронный ресурс]. 2016. 14 окт. URL: <http://www.komitet2-1.km.duma.gov.ru/site.xp/052057124050053054048.html>.

9. Корейцы планируют построить заводы во Владивостоке и Хабаровске // Восток-Медиа [Электронный ресурс]. 2016. 22 сент. URL: <http://www.vostokmedia.com/r20/22-09-2016/n299284.html>.

10. Корпорация развития Дальнего Востока [Электронный ресурс]. URL: <http://erdc.ru/>.
11. Министр энергетики Александр Новак рассказал, как поживает программа газификации Дальнего Востока // Новости V1.Ru [Электронный ресурс]. 2016. 03 сент. URL: <http://www.newsvl.ru/eef2016/2016/09/03/151173/>.
12. Минэкономразвития предложило отдать другим регионам деньги на развитие особой экономической зоны Владивостока [Электронный ресурс] // Новости V1.Ru. 2016. 4 нояб. URL: <http://www.newsvl.ru/vlad/2016/11/04/153217/>.
13. Нет эффективности, нет и денег: Минвосток не смог отстоять средства на развитие региона // PrimaMedia [Электронный ресурс]. 2016. 18 нояб. URL: <http://primamedia.ru/news/548538/>.
14. О включении в госпрограммы и федеральные целевые программы разделов по опережающему развитию Дальнего Востока // Правительство РФ [Электронный ресурс]. 2016. 14 нояб. URL: <http://government.ru/docs/25256/>.
15. Патрушев и Трутнев остались крайне недовольны состоянием дел в рыбной отрасли ДФО // AmurMedia [Электронный ресурс]. 2016. 03 авг. URL: <http://amurmedia.ru/news/politics/03.08.2016/522614/patrushev-i-trutnev-ostalis-kрайне-nedovolni-sostoyaniem-del-v-ribnoy-otrasli-df.html>.
16. Почти треть заявок на «дальневосточный гектар» отклоняется из-за отсутствия данных о земле // Интерфакс [Электронный ресурс]. 2016. 13 дек. URL: <http://reality.interfax.ru/ru/news/articles/75983/>.
17. Регионы России. Социально-экономические показатели – 2015 г. // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_14p/Main.htm.
18. Сафронов, И. Спецстроем и с песней / И. Сафронов // Коммерсантъ [Электронный ресурс]. 2016. 23 нояб. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/3150404>.
19. Севастьянов, С.В. Проблемы и перспективы развития Дальнего Востока России после Владивостокского саммита АТЭС / С.В. Севастьянов // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2013. № 1. С. 7-16.
20. Следственный Комитет РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://sledcom.ru/news/item/1055768/>; <http://sledcom.ru/news/item/1044060/>; <http://sledcom.ru/news/item/981481/>; <http://sledcom.ru/news/item/1040554/>; <http://sledcom.ru/news/item/1067396/>.

21. Смирнягин, Л.В. Территориальные диспропорции и регулятивная функция государства / Л.В. Смирнягин // Мировая экономика и международные отношения. 2016. № 6. С. 106-113.

22. Совецание с вице-преьерами // Правительство РФ [Электронный ресурс]. 2016. 29 дек. URL: <http://government.ru/news/25918/>.

23. Список документов, принятых в ходе визита Владимира Путина в Японию [Электронный ресурс] // Президент России. 2016. 16 дек. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5149>.

24. Тариф на электроэнергию снизится на 21 % для промышленных потребителей в Приморье [Электронный ресурс] // Новости V1.Ru. 2016. 17 дек. URL: http://www.news.v1.ru/far_east/2016/12/17/154636/.

25. Территории опережающего социально-экономического развития // Минвостокразвития России [Электронный ресурс]. URL: <http://minvr.ru/activities/toser.php>.

26. ФРДВ вложит 8,7 млрд руб. в три инвестпроекта на Дальнем Востоке [Электронный ресурс] // Прайм. 2016. 20 дек. URL: <http://1prime.ru/regions/20161220/826955680.html>.

27. Экономика Приморья в 2016 году: «бумажные» инвестиции, стагнация и надежды на будущее [Электронный ресурс] // PrimaMedia. 2017. 3 янв. URL: <http://primamedia.ru/news/559483/>.

Часть II. КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РФ СО СТРАНАМИ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Глава 5. Экономические аспекты национальной безопасности России в Арктике

(А.А. Кравчук)

Сегодня проблемам безопасности в Арктическом регионе уделяется немалое внимание как в Российской Федерации (далее – РФ), так и за рубежом. Наличие значительных запасов минерального сырья, углеводородов и биологических ресурсов, возможность наращивания объёмов грузоперевозок по перспективным водным маршрутам, соединяющим Тихий и Атлантический океаны, перспектива налаживания трансполярных авиарейсов из Северной Америки в Азию и обратно – вот лишь некоторые возможности, привлекающие международных акторов в данном регионе.

В рамках данной главы основное внимание будет уделено рассмотрению экономических аспектов национальной безопасности РФ в Арктике. Автор предпримет попытку проведения комплексной оценки национального достояния страны в регионе, представит основные направления экономической политики России в Арктике. Будет проанализировано воздействие внутренних и внешних негативных факторов на реализацию крупнейших энергетических и инфраструктурных проектов РФ в регионе, а также дана оценка нарастающей роли Арктики в контексте так называемого «российского поворота на Восток».

Арктическое достояние РФ

В отечественной науке о международных отношениях представлено множество работ, посвящённых вопросам национальной безопасности РФ в Арктике. По нашему мнению, серьёзным упущением большинства из них является отсутствие чётко определённого объекта безопасности. Не имея полного представления об объекте, безопасность которого необходимо обеспечить, сложно выявить явления, угрожающие национальной безопасности.

В этой связи целесообразно прибегнуть к аксиологическому подходу к теории национальной безопасности, в соответствии с которым ключевым объектом безопасности является национальное достояние страны, защита которого является первостепенной задачей государства. В состав национального достояния входят:

- население страны (его количественное и качественное состояние – здоровье, образование, квалификация и т.п.);

- территория страны (включая воздушное и морское пограничное пространство);
- природные ресурсы (минеральные и биологические);
- материальные ресурсы в имуществе (инфраструктура и транспортные средства, производственные мощности, продукция сельского хозяйства и промышленности и т.п.);
- интеллектуальные и духовно-материальные ценности (знания, информация, художественные и духовные ценности, созданные и накопленные народами России за всё время их культурно-исторического развития) [14]. Рассмотрим подробно каждый из элементов национального достояния применительно к российской Арктике.

Население РФ, проживающее в Арктике

Крайне суровые климатические условия Севера, осложняющие комфортное проживание человека и ведение любой деятельности, явились причиной того, что сегодня Арктика остаётся наименее заселённым регионом Земли. На начало 2015 года в регионе постоянно проживало лишь 4475022 человек (0,06% жителей Земли), при этом более половины из них – 2391652 человек (53,4%) – проживают в Арктической зоне РФ (далее – АЗРФ). Совокупная численность населения оставшихся семи арктических стран по состоянию на 2015 год составляет 2083370 человек. Самые крупные российские города заполярья – это Архангельск (350982 чел.), Мурманск (305236 чел.), Северодвинск (186172 чел.), Норильск (176251 чел.), Воркута (60368 чел.) [23]. Для сравнения численность населения исландского Рейкьявика составляет более 100 тыс. человек, а норвежского Тромсе – 71 тыс. человек [13].

Этнически большую часть населения Арктики составляют представители европеоидной расы, преимущественно проживающие в больших городах. Оставшаяся часть населения региона представлена десятками групп коренных народов Крайнего Севера. Так, в российской Арктике проживает 40 коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока (общей численностью около 244 тыс. чел.) – алеуты, ненцы, долганы, коряки, нанайцы, ханты, манси, саамы, эвенки, селькупы, эскимосы, чукчи и др. Кроме того на Севере страны проживают коренные народности, не относящиеся к малочисленным, – якуты и коми (численностью более 400 тыс. чел.) [10].

Территория российской Арктики

РФ принадлежит наибольший участок в Арктике. Протяжённость северного побережья России составляет 22600 км, что составляет 58% от общей протяжённости арктического побережья.

В 2014 году президент РФ определил пределы сухопутных территорий АЗРФ, в состав которых полностью или частично вошли территории 8 субъектов страны – Мурманской области, Ненецкого автономного округа, Чукотского автономного округа, Ямало-Ненецкого автономного округа, Республики Коми, Республики Саха (Якутия), Красноярского края и Архангельской области, а так же земли и острова, расположенные в Северном Ледовитом океане, указанные в Постановлении Президиума Центрального Исполнительного Комитета СССР от 15 апреля 1926 года «Об объявлении территорией Союза ССР земель и островов, расположенных в Северном Ледовитом океане» и других актах СССР [19].

Границы морских пространств РФ, в том числе и в Северном Ледовитом океане, определяются в соответствии с нормами международного права, в частности с Конвенцией ООН по морскому праву. Стоит отметить, что до 1982 года в вопросах раздела арктических просторов превалировал секторальный подход, в рамках которого северный полюс рассматривался в качестве «начальной точки отсчёта». От него к окраинам материковой части пяти арктических стран проводились условные линии (меридианы), которые и разграничивали пространство Арктики на пять секторов. В соответствии с данным подходом за СССР (позже РФ) закреплялся наибольший сектор – 9,3 млн км², что составляет 44% от общей площади Арктики (см. табл. 1).

Таблица 1

**Территориальные владения стран арктической пятёрки
к северу от Полярного круга**

Государство	Площадь арктических владений при секторальном подходе [18]		Площадь арктических владений в соответствии с Конвенцией ООН 1982 года [7]	
	в млн км ²	в % от общей площади Арктики	в млн км ²	в % от общей площади Арктики
РФ	9,3	44	5,842	28
США	1,7	8	0,126	1
Канада	4,3	21	1,430	7
Дания	3	14	0,372	2
Норвегия	2,7	13	0,746	4
Всего	21	100	8,516	42

Однако в 1982 году с принятием ООН Конвенции по морскому праву арктическим странам пришлось пересмотреть свои границы. В соответствии с данной конвенцией морское пространство прибрежного государства включает

в себя внутренние воды, территориальное море (далее – ТМ), исключительную экономическую зону (далее – ИЭЗ) и континентальный шельф (далее – КШ). В 1997 году после ратификации Россией данного международного документа площадь арктических владений страны сократилась до 5,842 млн км², так как шельф и воды, находящиеся за пределами ИЭЗ и КШ прибрежных стран, были объявлены общемировым достоянием (см. табл. 1).

Таким образом, вне зависимости от используемого при разграничении Арктики подхода, РФ принадлежит крупнейший участок в регионе.

Природные ресурсы АЗРФ

Арктика является одним из немногих регионов мира с практически нетронутыми запасами ископаемых природных ресурсов (углеводородных и минеральных). При этом в АЗРФ сконцентрированы крупнейшие месторождения полезных ископаемых, что даёт все основания считать её ресурсной базой страны.

Почти 90% всей площади КШ РФ (по оценкам ученых около 5,2 – 6,2 млн км²) приходится на перспективные нефте- и газоносные области, в том числе: около 1 млн км² – в Восточной Арктике на шельфе Чукотского, Восточно-Сибирского морей и моря Лаптевых; около 2 млн км² – в Западной Арктике на шельфе Карского и Баренцева морей. Огромные прогнозные запасы углеводородов содержат Индигиро-Чукотская, Енисейско-Лаптевская, Тимано-Печорская, Баренцево-Карская нефтегазоносные провинции, а также Анадырская, Лено-Анабарская и Южно-Ямальская нефтегазоносные области.

Разведанные запасы нефти Ненецкого автономного округа соответствуют уровню запасов Норвегии, которая лидирует по данному показателю в Западной Европе. Ханты-Мансийский автономный округ, являющийся одним из крупнейших нефтедобывающих регионов мира, на протяжении многих лет обеспечивает около 57% добычи нефти в РФ. Ямало-Ненецкий автономный округ является крупнейшим газодобывающим регионом России, обеспечивая около 90% добычи всего российского газа и порядка 22% общемировой добычи природного газа [11].

Российская Арктика богата не только углеводородами, но и минеральными ресурсами, в том числе редкими металлами, востребованными мировой электронной промышленностью. Так, в АЗРФ находятся около 19% от общемировых запасов металлов платиновой группы, около 10% никеля, 10% титана, более 3% серебра, золота, кобальта и цинка, а также редкоземельных металлов.

Арктический регион является перспективным и для добычи урановой руды. Хотя сегодня севернее Полярного круга уран не добывается, в регионе выявлено большое количество урановых месторождений и рудопроявлений, которые будут востребованы в будущем, – территория Анабарского щита (Якутия), Хибино-Ловозёрский район (Мурманская область), Чукотские ураноносные провинции и Южно-Новоземельский район (Республика Коми) [6].

В российской Арктике сконцентрированы крупные запасы водных биологических ресурсов (далее – ВБР). Доля рыбохозяйственного комплекса АЗРФ в добыче и переработке ВБР составляет около 13-15%. На протяжении многих лет Северный рыбохозяйственный бассейн занимал второе место по объёмам добычи ВБР, уступая лишь Дальневосточному бассейну.

Перед тем как оценить стоимость добытых ВБР отметим, что в Японии из одной условной тонны биоресурсов производится продукт стоимостью 2580 долларов США, в Норвегии при аналогичных условиях – 1765 долларов США, в США – 1350 долларов США, в России же этот показатель составляет всего 760 долларов США [24]. Причиной тому низкий технический уровень производства отечественных предприятий рыбной промышленности, которые поставляют на мировой рынок преимущественно сырьё, а не готовую продукцию с высокой добавленной стоимостью. Но даже при столь низких показателях потенциальные доходы от переработки и реализации 554,1 тыс. тонн ВБР, добытых в Северном рыбохозяйственном бассейне в 2015 году, составят около 421,2 млн долл. США. В перспективе при повышении эффективности и качества переработки ВБР российскими компаниями до уровня, демонстрируемого западными странами, потенциальные доходы могут вырасти в 2 – 2,5 раза и составить около 1 млрд долларов США ежегодно.

Таким образом, очевидно, что АЗРФ является стратегически важной ресурсной базой страны. Несмотря на то, что здесь проживает 1,6% от общего населения России, регион обеспечивает 11% национального дохода страны и около 20% ВВП. В АЗРФ производится 22% от объёма общероссийского экспорта. Здесь добывается и производится более 90% кобальта и никеля, 96% платиноидов, около 60% меди, 100% апатитового концентрата и барита. Рыбопромышленный комплекс российской Арктики обеспечивает около 15% от общих объёмов уловов ВБР и продукции их переработки. В регионе сосредоточено около 25% от общего количества мировых запасов углеводородов, а на шельфе Карского и Баренцева морей найдены уникальные газовые месторождения [3].

Имущество РФ в Арктике

Полноценно оценить имущество страны в каком-либо из её регионов довольно сложно, и Арктика в этом смысле не является исключением. Как уже упоминалось выше, российская часть Арктики в промышленном и транспортном отношении развита несколько лучше, чем северные территории других арктических стран. Соответственно, очевидно и то, что РФ обладает солидными материальными ресурсами в регионе. Так, в АЗРФ располагаются 18 морских портов, обеспечивающих ведение хозяйственной деятельности в регионе: в Западной Арктике – Архангельск, Варандей, Витино, Диксон, Дудинка, Кандалакша, Мезень, Мурманск, Нарьян-Мар, Сабетта, Онега, в Восточной Арктике – Тикси, Анадырь, Провидения, Беринговский, Певек, Эгвекинот и Хатанга. Каждый из них имеет свою производственную инфраструктуру: причалы, склады, погрузочно-разгрузочные мощности, суда обеспечения, жилищный фонд, сеть автомобильных и железных дорог и т.д. Далее представлены основные суммарные характеристики арктических портов РФ: общая площадь территории – 1242 га; общая площадь акватории – 2509 км²; общее количество причалов – 237; общая длина причального фронта – 28607 м; общая пропускная способность грузовых терминалов – 64818,42 тыс. тонн в год, общая площадь крытых складов – 2054,436 тыс. м², открытых – 3569,512 тыс. м², общая ёмкость резервуаров – 587,6 тыс. тонн [17].

Кроме того, РФ обладает крупнейшим в мире ледокольным флотом из 39 действующих судов, большинство из которых базируется в портах Арктики. В дополнение к ним строятся или модернизируются 8 судов, к тому же, в ближайшие четыре года Россией будут заложены ещё 10 ледоколов, в том числе самый большой и мощный в мире атомный ледокол «Лидер».

Сверх того, в распоряжении ряда государственных ведомств в АЗРФ находится более 130 единиц корабельного состава:

- ВМФ МО РФ – 42 подводные лодки и 38 надводных кораблей и катеров (учтены лишь боевые корабли) [5];

- Береговая охрана ПС ФСБ России – 34 единицы кораблей и катеров (в составе Пограничного управления по западному арктическому району) [4];

- Морская спасательная служба Росморречфлота Минтранса России – 23 единицы спасательных судов и катеров [1].

Также необходимо учитывать и береговую инфраструктуру, принадлежащую этим федеральным ведомствам: сеть арктических аэродромов, судостроительные и судоремонтные верфи, пункты базирования воинских

формирований, оборудование, вооружение и военная техника ВС РФ и других ведомств (в том числе боевая и спасательная авиация) и др.

К материальным ресурсам России следует отнести и производственные мощности многочисленных предприятий промышленности, осуществляющих добычу, переработку и транспортировку природных ресурсов Арктики, в том числе буровые платформы, системы арктических нефте- и газопроводов, заводы по сжижению природного газа, рыбодобывающие суда, предприятия осваивающие месторождения минеральных ресурсов и т.д. Не стоит забывать и о личном имуществе 2391652 граждан РФ, постоянно проживающих в Арктике, которое также представляет собой часть материальных ресурсов страны.

Всесторонне оценить принадлежащее российскому народу в Арктике имущество не представляется возможным, но очевидно, что даже при столь скромном подсчёте, представленном выше, речь идёт о триллионах рублей.

Духовно-материальные и интеллектуальные ценности

Коренные народы, проживающие в российской Арктике, имеют самобытную культуру. На протяжении столетий они сохраняют локальные и этнические особенности около двух сотен различных говоров и языков. К их наследию можно отнести многочисленные артефакты, наскальную живопись, ремёсла и различные орудия. Уникальный образ жизни народов Севера, а также навыки традиционного строительства и обустройства жилого пространства позволяют им с лёгкостью выживать в суровых климатических условиях. Таким образом, коренные народы российской Арктики воплощают социальное, культурное и экологическое наследие страны в этом регионе [12].

Природа российской Арктики столь же прекрасна, сколь и ранима. С целью защиты и сохранения уникальных экосистем на территории АЗРФ образован ряд национальных парков и заповедников – национальные парки «Русская Арктика» и «Берингия», заповедники «Большой Арктический», «Гыданский», «Лапландский» и «Остров Врангеля». Данные заповедники и парки представляют собой уникальную базу рекреационных ресурсов. На этих территориях практически не ведётся никакой хозяйственной деятельности. Природа здесь сохранила свою первозданную красоту и уникальный состав флоры и фауны. Уже сегодня заповедники Крайнего Севера привлекают множество российских и иностранных туристов. В перспективе с развитием инфраструктуры туризм в Арктике может перерасти в довольно прибыльный для северных регионов страны бизнес. Таким образом, арктиче-

ские просторы России имеют довольно серьёзный с точки зрения ведения рекреационного хозяйства потенциал и, безусловно, являются частью культурного наследия страны.

РФ обладает колоссальным опытом научных исследований Крайнего Севера. Первая русская научная экспедиция в Арктику была организована Императорской Академией наук в 1900 году, а ранее в 1899 году по инициативе вице-адмирала Макарова С.О. был построен первый в мире ледокол «Ермак». С тех пор российскими исследователями проведены десятки полярных научных экспедиций, накоплен уникальный багаж знаний о протекающих в регионе природных процессах и явлениях. Россия обладает передовыми знаниями и опытом проектирования, строительства и эксплуатации ледоколов и различных судов ледового класса.

В Арктике базируется Краснознамённый Северный флот – сильнейшее оперативно-стратегическое объединение ВМФ России, основу которого составляют атомные ракетные и торпедные подводные лодки, ракетноносная и противолодочная авиация, ракетные, авианесущие и противолодочные корабли, многие из которых оснащены передовыми комплексами вооружения, не имеющими аналогов в мире. Информация о данных образцах вооружения является государственной тайной и представляет собой интеллектуальную собственность РФ.

Кроме того, в АЗРФ располагается сеть предприятий оборонно-промышленного комплекса, производящих уникальные образцы вооружения и военной техники: в Мурманской области – 8 предприятий, в Архангельской – 8, в Красноярском крае – 7. Знания и опыт, накопленные данными предприятиями как в сфере проектирования, строительства и ремонта военной техники, так и в сфере выпуска продукции двойного назначения, также следует рассматривать в качестве интеллектуальной собственности государства, представляющей интерес для иностранных конкурентов. Таким образом, арктическое достояние народа РФ включает в себя и ряд присущих этому району духовно-материальных и интеллектуальных ценностей.

Возвращаясь к аксиологическому подходу к теории национальной безопасности, отметим, что первичной задачей любого государства при обеспечении национальной безопасности является задача сохранения (физической защиты) своего национального достояния от прямого ущерба, которая осуществляется преимущественно военными средствами. Однако недостаточно просто владеть национальным достоянием, необходимо уметь грамотно распоряжаться им, получать от этого определённую выгоду (при-

быль), и, в конечном счёте, сделать так, чтобы всё это богатство служило задаче удовлетворения потребностей народа. Осознанные потребности государства-нации формулируются национальными элитами и выражаются ими в виде национальных интересов, реализация которых в первую очередь направлена на получение законной выгоды от владения, распоряжения и использования национального достояния. При этом другие субъекты международных отношений «предпринимают законные и незаконные меры, осуществляют воздействия, которые мешают адекватно осознавать потребности, формулировать интересы, препятствуют удовлетворению потребностей, адекватному изучению обстановки, постановке и достижению соответствующих потребностям целей, эффективному управлению и т.д.» [14]. Подобные действия неизбежно приводят к снижению эффективности деятельности, увеличению издержек страны, и, как следствие, к снижению получаемой в ходе реализации национальных интересов прибыли, а в некоторых случаях и вовсе к её отсутствию, то есть к косвенному ущербу.

Таким образом, при обеспечении национальной безопасности государство в первую очередь должно обеспечить защиту национального достояния от прямого ущерба, во вторую – эффективно противодействовать различного рода помехам в реализации национальных интересов, исходящим от других акторов системы международных отношений, тем самым предотвращая косвенный ущерб в виде упущенной выгоды. Перейдём к рассмотрению национальных интересов РФ в Арктике.

Приоритетные направления российской политики в Арктике

Основные национальные интересы РФ в регионе определены «Основными государственной политики РФ в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу» (далее – Основы) [21]. Так, к числу основных интересов страны в регионе относятся:

- а) использование АЗРФ в качестве стратегической ресурсной базы РФ, обеспечивающей решение задач социально-экономического развития страны;
- б) сохранение Арктики в качестве зоны мира и сотрудничества;
- в) сбережение уникальных экологических систем Арктики;
- г) использование СМП в качестве национальной единой транспортной коммуникации РФ в Арктике.

Принятая позже «Стратегия развития АЗРФ и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года» [20] (далее – Стратегия) определила приоритетные направления развития и основные мероприятия,

направленные на реализацию национальных интересов РФ в Арктике. Реализация Стратегии должна обеспечить комплексное наращивание конкурентных преимуществ АЗРФ в целях укрепления позиций РФ в Арктике, упрочнения международной безопасности, поддержания мира и стабильности, активизацию международного сотрудничества. На всех этапах реализации Стратегии предусмотрены меры, направленные на рациональное использование природных ресурсов и сохранение окружающей среды региона за счёт проведения систематических комплексных научных исследований по различным направлениям деятельности.

Анализ различных источников информации показывает, что в краткой и среднесрочной перспективе экономическая политика Москвы в Арктике будет реализовываться в двух основных направлениях: во-первых, активное развитие нефтегазовой промышленности, при этом ключевое внимание уделяется проекту «Ямал СПГ»; во-вторых, попытка превратить СМП в транспортный коридор мирового значения. Успешная реализация этих инициатив позволит РФ извлечь существенные политические и экономические дивиденды. Во-первых, Россия закрепит за собой статус ведущей арктической державы за счёт наращивания своей экономической, а не только военной мощи в регионе. Во-вторых, бюджет РФ получит дополнительные финансовые вливания, что в условиях экономического кризиса является весьма актуальной задачей. В-третьих, данные проекты позволяют РФ наладить экономические связи со странами Азиатско-Тихоокеанского региона (далее – АТР), тем самым внося весомый вклад в политику так называемого «российского поворота на Восток». Рассмотрим подробнее оба вышеуказанных направления сосредоточения усилий РФ в Арктике с целью выявления возможных проблемных вопросов на пути их практической реализации.

Развитие нефтегазовой промышленности АЗРФ

Ещё в начале 2014 года экономические перспективы добычи углеводородного сырья в АЗРФ казались безоблачными. На тот момент времени цена нефти составляла более 100 долларов США за баррель, что обеспечивало высокую рентабельность разработки шельфовых месторождений Арктики. Крупнейшие российские нефтегазодобывающие компании «РОСНЕФТЬ», «ГАЗПРОМ», «НОВАТЭК», «ЗАРУБЕЖНЕФТЬ» активно сотрудничали при освоении месторождений Арктики с такими иностранными гигантами как «EXXON MOBIL», «ENI», «TOTAL», «STATOIL», «GENERAL ELECTRIC» и др. Компании приступили к реализации ряда амбициозных проектов – в том числе «Ямал СПГ», «Университетская-1», «Штокмановский» и др. Были подписаны

соглашения о сотрудничестве, предусматривающие аккумуляцию знаний и опыта, создание технологий и современного оборудования для разработки шельфа, а также выполнение полного цикла научно-проектных работ по освоению месторождений Арктики. В дополнение были предусмотрены программы обмена специалистами, развитие сотрудничества в сфере повышения квалификации и переподготовки кадров [22].

Однако к середине 2014 года, в связи с известными событиями на Украине, ситуация резко изменилась. Введённые западными странами санкции против энергетического, транспортного и инфраструктурного секторов экономики РФ сильно ударили по проектам разработки углеводородов в АЗРФ. Существенно сократились объёмы инвестиций, российским компаниям был закрыт доступ к рынку капитала западных стран, был введён запрет на поставки оборудования для работы на шельфовых месторождениях, для РФ стал недоступным ряд технологий добычи шельфовой нефти (повышение нефтеотдачи пластов, гидравлический разрыв, горизонтальное бурение и др.) [2]. Под нажимом США многие иностранные компании были вынуждены приостановить либо существенно ограничить своё участие в реализации энергетических проектов в Арктике. Так, например, американская корпорация «EXXON MOBIL» приостановила сотрудничество с российской «РОС-НЕФТЬЮ» по освоению месторождения «Победа» в Карском море, хотя, по мнению многих экспертов, участия американской компании в данном проекте сказалось бы благотворно на её экономическом росте. Позже компания «EXXON MOBIL» сообщила о том, что понесённые ею убытки от приостановки деятельности в российской Арктике только в 2014 году составили 1 млрд долларов США [27].

Но не только иностранные корпорации понесли ущерб из-за разрыва сотрудничества в реализации проектов на шельфе АЗРФ. Российские компании лишились возможности получать передовой зарубежный технологический опыт и знания в нефтегазовой отрасли. Несмотря на надежды, возлагаемые Москвой на программы импортозамещения в энергетической отрасли, очевидно, что даже при интенсивной работе в данном направлении уйдут годы для того, чтобы аккумулировать необходимые знания и опыт. При этом заморозка арктических проектов недопустима, так как она приведёт к разрушению уже созданной инфраструктуры и, как следствие, к провалу экономической политики Москвы в регионе.

Ещё одним фактором, сильно ударившим по перспективам разработки шельфовых месторождений в Арктике, стало стремительное падение цен на

нефть, начавшееся в середине 2014 года. В результате добыча углеводородов в регионе стала менее рентабельной, и многие инвесторы были вынуждены пересмотреть свои планы по участию в арктических проектах. Тем не менее, по мнению многих специалистов, в ближайшие десятилетия человечеству не стоит ожидать наступления эры дешёвой нефти. Так, уже к 2020 году ожидается, что потребление нефти вырастет на 10% от уровня начала 2016 года [2], прежде всего за счёт увеличения спроса в странах АТР.

Сегодня ЕС остаётся крупнейшим торговым партнером РФ с товарооборотом около 237,62 млрд долларов США, на втором месте страны СНГ – 65,57 млрд долларов США, далее следует КНР с товарооборотом в 63,55 млрд долларов США, а товарооборот с Японией и РК составляет – 21,31 и 18,06 млрд долларов США соответственно [9]. Безусловно, РФ заинтересована в диверсификации внешних торговых потоков, в первую очередь за счёт наращивания торговли со странами АТР, и активное освоение АЗРФ будет только способствовать данному процессу.

Одним из наиболее амбициозных, с точки зрения вовлечения в арктические проекты игроков из азиатских стран, по праву считается проект «Ямал СПГ». Акционерами данного проекта выступили российская компания «НОВАТЭК», имеющая пакет в 50,1%, французская «TOTAL» и китайская «CNPC», имеющие по 20% акций каждая, а также фонд «Шёлкового пути», который в декабре 2015 году приобрёл пакет в 9,9%. Таким образом, «Ямал СПГ» стал первым российским арктическим проектом, в который напрямую вливаются финансовые средства КНР (почти 30% от общего финансирования). Общий же объём инвестиций в проект оценивается в 26,9 млрд долларов США. В рамках инфраструктурных решений проекта запланирована постройка порта Сабетта, строительство завода СПГ мощностью 16,5 млн тонн СПГ в год на базе Южно-Тамбейского месторождения, строительство современного международного аэропорта, строительство обслуживающего флота и выстраивание логистики вдоль трассы СМП. Проведены основные тендеры и заключены ключевые контракты на проектирование и поставку оборудования, материалов и комплектующих для проекта «Ямал СПГ» с крупнейшими иностранными компаниями, такими как: «TECHNIP» и «VINCI» (Франция), «JGC CORP» и «YOKOGAWA ELECTRIC» (Япония), «SIEMENS» (Германия), «GENERAL ELECTRIC» (США), «COOEC» (КНР), «DAEWOO SHIPBUILDING & MARINE ENGINEERING» (РК) и др. [16].

В июле 2014 года «НОВАТЭК» попал под санкции США. Компании запретили брать кредиты у западных банков на срок, превышающий

90 дней. Хотя «НОВАТЭК» и «TOTAL» не изменили свои намерения по реализации проекта «Ямал СПГ», финансовый план проекта пришлось серьёзно скорректировать. Не имея возможности привлечения финансовых средств европейских и американских банков, Россия была вынуждена: во-первых, мобилизовать свои внутренние ресурсы (в 2015 году было принято решение о выделении 150 млрд рублей из Фонда национального благосостояния РФ и подписаны договоры со «Сбербанком» и «Газпромбанком» о предоставлении кредитов в размере 3,6 млрд евро на 15 лет); во-вторых, обратить взор на Восток (продажа акций «НОВАТЭК» китайским компаниям). Кроме того, в 2016 году проект «Ямал СПГ» получил кредит в размере 12 млрд долларов США от двух китайских банков – «CHINA EXIM BANK» и «CHINA DEVELOPMENT BANK». А в сентябре 2016 года – во время Восточного экономического форума во Владивостоке – исполнительный директор Японского банка «JAPAN BANK FOR INTERNATIONAL COOPERATION» сообщил, что банк предоставит кредит в размере 400 млн долларов США в рамках финансирования проекта «Ямал СПГ» [28]. Таким образом, кредиты нескольких российских и азиатских банков в совокупности с предоставленными средствами ФНБ обеспечивают объём финансирования, необходимый для успешной реализации проекта.

В марте 2016 года глава компании «Ямал СПГ» Евгений Кот сообщил, что практически весь объём производимого заводом природного газа (96%) уже «законтрактован по долгосрочным контрактам на период 20-25 лет». При этом, в соответствии с подписанными договорами, около 86% СПГ предназначается для стран АТР [26]. Данный факт подчёркивает важность проекта для стран АТР и подтверждает уверенность иностранных партнёров в его успешной реализации, несмотря на трудности, связанные с введением западных санкций против РФ.

Превращение СМП в транспортный коридор мирового значения

Другим направлением активизации арктической политики РФ является развитие трассы СМП, которая представляет собой самый короткий морской путь из Северо-Западной Европы в Тихоокеанский регион. Так при расчёте эталонного маршрута Йокогама (Япония) – Роттердам (Нидерланды) расстояние по южному маршруту через Суэцкий канал составляет 11205 морских миль. При переходе по СМП расстояние сокращается на 3860 морских миль (34%), что позволяет судовладельцам существенно экономить топливо и сокращать издержки на перевозку товаров. Немаловажно и то, что

СМП свободен от деятельности морских пиратов, которые создают угрозу судоходству в районе Африканского Рога [29].

Россия предпринимает меры по развитию на базе СМП общенациональной транспортной сети. Для этого планируется соединить СМП с сетью железных дорог и путей речного сообщения, окутывающих обширные внутренние территории РФ, что позволит осуществлять транспортировку ресурсов данных территорий в арктические порты для их последующей переработки или перегрузки. Тем не менее, существует несколько факторов, снижающих привлекательность использования СМП для транзитных перевозок товаров. Первый из них – экстремальные погодные условия и ограниченный период навигации (от трёх до пяти месяцев в году). Данную проблему можно решить за счёт применения ледокольного флота РФ, что позволит использовать трассу СМП на круглогодичной основе. Однако услуги ледоколов существенно увеличивают стоимость перевозок по северному маршруту, при этом большое значение будет иметь размер транзитного судна, так как крупнотоннажным судам может понадобиться два ледокола для их сопровождения. Кроме того, суровые арктические условия предопределяют использование специальных контейнеров для некоторых видов груза, что также ведёт к росту издержек.

Второй фактор – отсутствие в регионе развитой инфраструктуры. Только в 5 из 18 арктических портов РФ обеспечена круглогодичная навигация (Мурманск, Архангельск, Кандалакша, Витино, Дудинка). Немаловажное значение имеют вопросы безопасности мореплавания и обеспечения необходимого уровня аварийно-спасательной готовности. РФ начала работу по развёртыванию в регионе сети морских спасательно-координационных центров и подцентров (далее – МСКЦ и МСПЦ), принадлежащих ФБУ «Морспасслужба Росморречфлота», и аварийно-спасательных центров МЧС (далее – АСЦ). Уже действуют МСКЦ в портах Диксон, Мурманск и Архангельск, а также МСПЦ в портах Тикси, Певек и Провидения [8]. АСЦ планируется разместить в населённых пунктах с достаточной транспортной и телекоммуникационной инфраструктурой, а также значительными людскими ресурсами. Для этих целей были выбраны города Мурманск, Архангельск, Анадырь, Нарьян-Мар, Воркута, Надым, Певек, Дудинка, а также посёлки Тикси и Провидения [15]. Так, издание «The New York Times» сравнило данные АСЦ с «жемчужинами ожерелья, нанизанными вдоль арктического побережья России» [30]. Однако, сегодня построение системы безопасности мореплавания в АЗРФ ещё не завершено, функционируют только

4 из 10 названных центров (в Архангельске, Нарьян-Маре, Мурманске и Дудинке). Таким образом, предстоит многолетняя работа по строительству инфраструктуры и оснащению передовым оборудованием и техническими средствами шести оставшихся АСЦ. Сеть российских АСЦ, МСКЦ и МСПЦ позволит не только обеспечить безопасность мореплавания по СМП, но и будет способствовать обеспечению экологической безопасности в регионе, в том числе и на объектах нефтегазовой промышленности.

Третий фактор связан с необходимостью развития всех видов обеспечения и услуг вдоль трассы СМП. Требуется создать комплексную систему освещения надводной обстановки, развивать метеорологическое и навигационно-гидрографическое обеспечение судоходства, разработать систему мониторинга ледовой обстановки, построить обширную систему связи и т.д. Решить данные проблемы можно только путём комплексного развития морских портов на всём побережье российской Арктики. Очевидно, что решение упомянутых выше проблем требует от РФ значительных временных и финансовых затрат.

Многие критики проекта СМП указывают на потерю иностранными партнёрами интереса к использованию трассы, ссылаясь на данные статистики перевозок. Так, в 2010 году по СМП были осуществлены 4 транзитных прохода, в пиковом 2013 году – 71 проход, а в 2015 году – 18 проходов [29]. Снижение количества транзитных перевозок в Арктике преимущественно связано с падением цен на нефть, в результате которого транспортировка грузов через Суэцкий канал стала дешевле, в то время как цена услуг в АЗРФ осталась на том же уровне. Тем не менее, общий объём перевозок по отдельным участкам СМП растёт из года в год, что является результатом реализации РФ крупных инфраструктурных проектов в Арктике (таких как «Ямал СПГ»). Так, в 2014 году было перевезено 3,98 млн тонн различных грузов, а в 2015 году – 5,43 млн тонн, однако потенциал маршрута намного выше. В частности, в июне 2015 года на совещании у премьер-министра РФ вице-премьер Аркадий Дворкович сообщил, что по расчётам к 2030 году объём ежегодных перевозок по СМП составит более 80 млн тонн.

Несмотря на ряд нерешённых проблем в использовании СМП, некоторые страны АТР проявляют большой интерес к данному маршруту. В частности, посол Японии по вопросам Арктики Казуко Сираиси высказала мнение о том, что до 40% торгового оборота Японии с Европой может осуществляться по трассе СМП [25]. Также Токио выразил готовность к совместной работе с РФ в вопросах мониторинга ледовой обстановки в Аркти-

ке. В 2013 году руководство КНР высказывало мнение о том, что к 2020 году транзит по СМП может составить 15% внешнеторгового оборота страны [25]. Стоит отметить, что около 85% нефти, идущей в КНР из Африки и Ближнего Востока, провозится через Малаккский пролив, в акватории которого ВМС США регулярно проводят масштабные учения совместно с ВМС стран ЮВА. Для выхода из так называемого «Малаккского тупика» Пекин вынужден искать альтернативные маршруты перевозки углеводородов. В этой связи есть основания полагать, что объёмы грузоперевозок Китая по СМП будут только наращиваться.

Основную же угрозу интересам РФ в освоении СМП представляет позиция США и ряда стран ЕС по поводу статуса северной трассы. Если РФ считает СМП своей внутренней транспортной линией, то США официально не признают суверенитет России над СМП, считая данный маршрут международным, а все устанавливаемые Россией сборы и пошлины за проход по СМП нелегитимными. Свою позицию США подкрепляют тем фактом, что большая часть СМП проходит в ИЭЗ РФ, являющейся районом открытого моря, где все государства пользуются свободами судоходства, а на тех участках СМП, которые проходят по ТМ РФ, государства могут воспользоваться правом мирного прохода.

В то же время РФ как прибрежное государство в ИЭЗ имеет юрисдикцию в отношении защиты морской среды. Любое навигационное происшествие с судном на трассе СМП может стать причиной экологического бедствия, последствия которого будет устранять РФ, а в сложных климатических условиях Арктики такой риск возрастает в разы. Таким образом, на правах гаранта сохранения морской среды в регионе Россия вправе предъявлять повышенные требования к обеспечению безопасности судоходства по СМП. При этом РФ не запрещает использование СМП судам третьих стран, то есть не лишает их права на свободу судоходства, а лишь предлагает услуги, гарантирующие безопасность мореплавания в АЗРФ, тем самым сводя к минимуму вероятность возникновения происшествий с судами, не допуская нанесения ущерба окружающей среде.

В сложившейся ситуации в качестве важного потенциального союзника Москвы в деле укрепления статуса СМП как национальной транспортной коммуникации может выступить Оттава, столкнувшаяся со схожей проблемой по статусу Северо-Западного прохода (далее – СЗП) вдоль арктического побережья Канады.

Заключение

Результаты исследования позволяют утверждать, что национальное достояние РФ в Арктике превосходит достояние любой другой арктической страны. Умелое использование достояния РФ в регионе должно служить задаче комплексного социально-экономического развития АЗРФ и государства в целом. Для этого Москва инициировала ряд крупных энергетических и инфраструктурных проектов в Заполярье, приоритетными из которых являются «Ямал СПГ» и СМП.

В последние годы Москва столкнулась с рядом внешних проблем, угрожающих социально-экономическому развитию АЗРФ. Западные санкции нанесли ущерб энергетической и транспортной отраслям, ограничив доступ к финансовым ресурсам и передовым технологиям, особенно необходимым в сфере разработки шельфа. Ещё одной существенной проблемой стало падение цен на углеводороды, что привело к снижению инвестиционной привлекательности многих энергетических проектов в АЗРФ. Кроме того, снижение цен на нефть косвенно повлияло и на объёмы транзитных перевозок по трассе СМП.

Тем не менее, Россия продолжает работу по реализации арктических проектов, вовлекая в них новых игроков из АТР, заинтересованных в их успешном завершении. Так, энергетическая зависимость Южной Кореи, политика Китая по сокращению промышленного потребления угля для улучшения экологической ситуации в стране и отказ Японии от использования атомной энергии даёт основания предполагать, что данные страны будут заинтересованы в наращивании объёмов закупок российского СПГ. Кроме того, эти государства также выразили готовность к сотрудничеству с РФ по вопросам развития и использования трассы СМП. Развитие сотрудничества России с Китаем, Японией и Южной Кореей в рамках реализации арктических проектов будет носить взаимовыгодный характер, отвечающий национальным интересам каждого участника.

Однако, российский «поворот на Восток» не должен означать отказ от сотрудничества с западными партнёрами, чьи компании оказались заложниками сложившейся внешнеполитической ситуации. Многие из них по-прежнему проявляют интерес к совместной работе в АЗРФ. В этой связи России следует наращивать дипломатические усилия по снижению политической напряжённости и нормализации отношений с арктическими государствами.

Успешная реализация начатых проектов в АЗРФ внесёт существенный вклад в обеспечение национальной безопасности страны, при этом ак-

тивное освоение СМП будет способствовать повышению геополитического статуса России, которая традиционно рассматривалась как континентальная держава, не обладающая контролем над мировыми морскими коммуникациями. В случае превращения СМП в маршрут мирового значения, у России появится шанс стать и морской державой, контролирующей один из значимых для мировой торговли морских транспортных коридоров. При этом руководству страны не следует ожидать сиюминутной выгоды от проекта СМП, так как его реализация потребует огромных временных, финансовых, ресурсных и технологических затрат.

Литература

1. Аварийно-спасательный флот// Морспасслужба Росморречфлота [Электронный ресурс]. URL: <http://morspas.com/mss/about>.
2. Арктике нет альтернативы// Однако [Электронный ресурс]. URL: <http://www.odnako.org/almanac/material/arktike-net-alternativi/>.
3. Арктический форпост. Красная Звезда [Электронный ресурс]. URL: <http://www.redstar.ru/index.php/siriya/item/15760-arkticheskij-forpost>.
4. Береговая охрана Пограничной службы ФСБ России – 2016// RussianShips.info [Электронный ресурс]. URL: <http://russianships.info/bohr/>.
5. Боевые корабли РФ – 2016// RussianShips.info [Электронный ресурс]. URL: <http://russianships.info/today/>.
6. Бортников Н.С. Российская Арктика богата минеральными ресурсами не менее чем углеводородными// Минобрнауки [Электронный ресурс]. URL: <http://минобрнауки.рф/новости/4897>.
7. Васильев В.В. Правовой аспект освоения природных ресурсов в Арктике// КНЦ РАН [Электронный ресурс]. URL: <http://kolasc.net.ru/russian/news/ier-1.6.doc>.
8. Давыденко А.А. О совершенствовании системы поиска и спасания в Арктике// Интернет-портал Росморречфлота [Электронный ресурс]. URL: www.morflot.ru/files/files/doclad_poisk.doc.
9. Итоги внешней торговли России в 2015 году: цифры и факты// ПроВэд [Электронный ресурс]. URL: <http://m.proved-partner.ru/analytics/research/32060-itogi-vneshney-topgovli-possii-v-2015-godu-tsifry-i-fakty.html>.
10. Коренные народы Севера// Arctic Info [Электронный ресурс]. URL: <http://www.arctic-info.ru/Encyclopedia/Rubric/korennie-narodi>.
11. Месторождения Арктики. Arctic Info [Электронный ресурс]. URL: <http://www.arctic-info.ru/Encyclopedia/Rubric/mestorojdenia>.

12. Народы Севера: образ жизни, культура, религиозные верования// РА КМНС Красноярского края [Электронный ресурс]. URL: http://www.narodsevera.ru/news/reports/?news_id=790.

13. Население Арктики//The Arctic [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.arctic.ru/population/>.

14. Поздняков А.И. Основы теории национальной безопасности. Концептуальные основы национальной безопасности России// Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. [Электронный ресурс]. URL: <http://e-almanac.space-time.ru/assets/files/Tom%202%20Vip%201/rubr3-kategoriya-smyslast3-pozdnyakov-2013.pdf>.

15. Предупреждение ЧС в АЗРФ// Интернет-портал МЧС России [Электронный ресурс]. URL: http://www.mchs.gov.ru/upload/site1/gosdoklad/5_4_.pdf.

16. Проект «Ямал СПГ»// Pro-Gas.Ru [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pro-gas.ru/gas/jamal/>.

17. Реестр морских портов// Интернет-портал Росморречфлота [Электронный ресурс]. URL: http://www.morflot.ru/deyatelnost/morskoy_transport/reestr_mp.html.

18. Соловейчик А.С. Современный правовой статус российского сектора Арктики // Издательский дом «Первое сентября» [Электронный ресурс]. URL: <http://geo.1september.ru/article.php?ID=200700102>.

19. Указ Президента РФ от 02.05.2014 г. № 296 «О сухопутных территориях АЗРФ».

20. Утверждены Президентом РФ 08.02.2013 г.

21. Утверждены Президентом РФ 18.09.2008 г.

22. Фадеев А. Международное сотрудничество в освоении Арктики// РСМД [Электронный ресурс]. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=657#top-content.

23. Численность населения РФ на 01.01.2015 г. РОССТАТ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru>.

24. Экономика России, цифры и факты// UtMag [Электронный ресурс]. URL: <http://utmagazine.ru/posts/10565-ekonomika-rossii-cifry-i-fakty-chast-12-pischevaya-promyshlennost?auth>.

25. Япония нацелилась на Северный морской путь// NG.RU [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/economics/2016-03-01/1_japan.html.

26. «Ямал СПГ» законтрактовало 96% СПГ// Нефтегазовая вертикаль [Электронный ресурс]. URL: http://www.ngv.ru/news/yamal_spg_zakontraktovalo_96_proizvodimogo_spg_na_dolgosrochnoy_osnove_/.

27 Exxon Mobil loses \$1 billion due to sanctions against Russia// Alexander's Gas & Oil Connections [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gasandoil.com/news/2015/02/exxon-mobil-loses-1-billion-due-to-sanctions-against-russia>.

28. Japan makes Arctic gas move with \$400 million Yamal-LNG loan. BLOOMBERG [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bloomberg.com/news/articles/2016-09-02/japan-makes-arctic-gas-move-with-400-million-yamal-lng-loan>.

29. Putin's Arctic Ambitions// Foreign Affairs [Электронный ресурс]. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/russia-fsu/2016-05-05/putins-arctic-ambitions>.

30. U.S. Is Playing Catch-Up With Russia in Scramble for the Arctic// The New York Times [Электронный ресурс]. URL: http://www.nytimes.com/2015/08/30/world/united-states-russia-arctic-exploration.html?_r=1.

Глава 6. Нефтегазовые проекты России в Северо-Восточной Азии: проблемы и перспективы международного сотрудничества при их реализации

(С.В. Севастьянов, Д.А. Реутов)

В XXI веке международное энергетическое сотрудничество, под которым подразумевается комплекс политических, организационных, производственных, коммерческих и научно-технических связей по геологоразведке, освоению, добыче, транспортировке, переработке и обмену энергоресурсами с участием государств, их групп и международных организаций, а также отдельных хозяйствующих субъектов, направленный на обеспечение энергетической безопасности и основанный на принципах независимости, соблюдения национального суверенитета государств, достижения взаимной экономической выгоды участников, приобретает возрастающую роль в международных отношениях.

Россия играет заметную роль в международном энергетическом сотрудничестве: в 2015 г. в России было добыто 540,7 млн тонн нефти (3 место в мире) и 573,3 млрд м³ природного газа (2 место в мире), а экспортировано 244,5 млн тонн нефти (2 место в мире) и 185,5 млрд м³ природного газа (1 место в мире) [26]. За счёт падения цен на углеводороды доля нефти, нефтепродуктов и природного газа в стоимостной структуре экспорта России в 2015 г. упала на 11%, однако углеводороды продолжают оставаться основной статьёй российского экспорта, формируя 62% [6] экспортных доходов. Моноотварная экспортная специализация обуславливает уязвимость России к внешним политическим и экономическим факторам из-за чрезмерной зависимости торгового баланса от мировых цен на энергоносители, которые резко снизились в 2014г. и продолжают оставаться на низком уровне. Дополнительную опасность для России создаёт недостаточная диверсификация поставок: в 2015 г. на долю европейского рынка пришлось 68,5% экспорта нефти и 73% экспорта газа, а на долю стран СВА – 29,9% экспорта нефти и 10,8 % экспорта газа [1].

Через негативных для отрасли событий, начавшихся в 2014 г., таких, как падение цен на углеводороды, введение финансовых и технологических санкций стран Запада в отношении России в связи с присоединением Крыма к России и конфликтом на востоке Украины, могут привести к снижению уровня добычи углеводородов и невозможности освоения новых месторождений. Это, в свою очередь, может вызвать спад российской экономики, рост дефицита федерального бюджета и финансовую нестабильность российских нефтегазовых компаний, включая государственных монополий.

Чтобы избежать реализации подобного негативного сценария, Москва форсирует реализацию углеводородных проектов в США. Регион является единственным альтернативным Европе рынку сбыта российских углеводородов и потенциальным источником капитала и технологий. Это связано с удобной географией поставок, объемом рынка и растущим объемом спроса на энергоносители в регионе, масштабом рынков капитала и высоким технологическим развитием стран США.

В первой части главы охарактеризованы основные действующие и перспективные проекты углеводородной энергетики России в США, а во второй представлен анализ факторов, оказывающих влияние на энергетическое сотрудничество России и стран США в условиях низких цен и антироссийских санкций, и оценены перспективы его развития.

Действующие и перспективные энергетические проекты РФ в США

Нефть. Рост поставок нефти из России в США начался более 10 лет назад (задолго до так называемого российского «поворота на Восток») и был обусловлен преимущественно экономическими мотивами. За прошедшее десятилетие было реализовано несколько масштабных проектов по добыче и транспортировке нефти, которые позволяют России играть заметную роль на нефтяном рынке США.

В 2015 г. Россия поставила в Китай 38,58 млн тонн нефти [1], что сформировало 11,2 % от общего импорта нефти Китая. Основные поставки нефти из России в Поднебесную осуществляются через нефтепровод ВСТО (16 млн тонн), из морского терминала «Козьмино» в Приморском крае (14,7 млн тонн) [12], куда нефть также поступает по нефтепроводу ВСТО, а также с сахалинских месторождений (1,4 млн тонн) [3].

Поставки по нефтепроводу осуществляются с 2011 г. по контракту «Роснефти» и China National Petroleum Corporation (CNPC), заключенному в 2009 г. и предусматривающему поставки 15 млн тонн нефти ежегодно до 2030 г. В 2013 г. «Роснефть» и CNPC заключили контракт на поставку по этому нефтепроводу дополнительно 365 млн тонн нефти в течение 25 лет. Потенциальный объем экспорта нефти из России в Китай оценивается в 60 млн тонн к 2020 г. и до 73 млн тонн к 2030 г. [31]. Для достижения этих показателей необходимо освоение труднодоступных и шельфовых месторождений Восточной Сибири и Дальнего Востока, что потребует значительных инвестиций и применения современных технологий и оборудования.

Помимо поставок сырой нефти, Россия и Китай проявляют интерес к инвестиционному сотрудничеству в нефтяной сфере. В 2013 г. CNPC приобрел

рела у «Роснефти» долю в 49% в совместном предприятии по освоению Среднеботуобинского месторождения в Якутии, также было подписано Соглашение между Правительствами РФ и КНР о сотрудничестве в строительстве и эксплуатации Тяньцзиньского нефтеперерабатывающего и нефтехимического завода, и проектах в сфере разведки и добычи нефти. В конце 2014 г. обсуждалась возможность продажи доли Китаю в Ванкорском месторождении, также с 2014 г. Китай рассматривался в качестве одного из возможных покупателей 19,5% госпакета акций «Роснефти». В декабре 2015 г. Sinopec приобрела 10% крупнейшей российской нефтехимической компании «Сибур», а еще 10% китайская компания сможет выкупить в течение трех лет [5]. В ноябре 2016 г. «Сибур» подписала с китайскими Фондом шёлкового пути и Банком развития Китая рамочное соглашение о продаже 10% в компании. Таким образом, общая доля китайских акционеров «Сибура» составит 20%, а вскоре вырастет и до 30%.

В 2015 г. поставки нефти в Японию из России составили 14,58 млн тонн [1], что сформировало 7,7% от общего импорта нефти Японии. Поставки осуществляются с сахалинских месторождений (4,5 млн тонн), а также из морского терминала «Козьмино» (8,7 млн тонн). Российско-японское нефтяное сотрудничество представлено также участием японских компаний в качестве миноритариев в сахалинских проектах: Marubeni Corporation имеет 30% акций в консорциуме «Сахалин-1», Mitsui и Mitsubishi владеют в проекте «Сахалин-2» 12,5% и 10% акций соответственно.

РК (Республика Корея) в 2015 г. импортировала из России 12,36 млн тонн нефти, что сформировало 10,9% от общего импорта нефти РК. Основной объем нефти в РК поставляется с сахалинских месторождений (6,9 млн тонн), а также из морского терминала «Козьмино» (3,2 млн тонн).

Перспективы развития нефтяного сотрудничества России с Японией и РК представлены возможностью увеличения поставок с о. Сахалин и терминала «Козьмино». Так, прогнозные извлекаемые запасы месторождений только проекта «Сахалин-3» превышают 700 млн тонн нефти, однако пока на проекте развивается только добыча газа. Что касается «Козьмино», то проблем с ресурсной базой в Восточной Сибири и увеличением пропускной способности ВСТО нет, а объем отгрузок порта к 2018г. планируется увеличить с текущих 30,4 млн тонн до 35 млн тонн [9].

Таким образом, в условиях наличия в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке России разведанных месторождений нефти со значительными доказанными запасами определяющим фактором роста российских экспортных поставок нефти в СВА является возможность финансирования российскими

компаниями освоения этих месторождений и строительства путей доставки нефти в СВА. Важными факторами представляются наличие технологий, оборудования и опыта для работы в неблагоприятных и экстремальных климатических условиях. Разнонаправленное влияние на перспективы поставок нефти в регион оказывают такие политико-экономические факторы как российский «поворот на Восток», введение санкций стран Запада против России, финансовый и экономический кризис в России, падение нефтяных котировок и девальвация рубля, государственно-ориентированная модель развития нефтяной отрасли в России с ограниченным иностранным участием.

Природный газ. Для России увеличение поставок природного газа в СВА обусловлено необходимостью их диверсификации в условиях обострения политических отношений России с ЕС и роста транзитных рисков при экспорте газа в Европу. СВА в силу объёма спроса, потенциала роста газового рынка и удобной географии поставок является для России важнейшим альтернативным Европе направлением экспорта. Благоприятная перспектива наращивания объёмов поставок природного газа в СВА обусловлена стремительным развитием азиатских экономик, возможностью доставки газа с использованием технологии СПГ, которая на сегодня является единственным возможным способом доставки газа в Японию и РК, а также воздействием экологического фактора, весьма актуального для всех государств СВА.

Ежегодные темпы роста потребления газа в Китае составляют 5%, объём потребления в 2015 г. составил 197,3 млрд м³, объём потребления газа в Японии и РК последние несколько лет стабилен и составляет примерно 115 и 47 млрд м³ соответственно.

В соответствии со стратегическим российско-китайским контрактом, подписанным в мае 2014г. в Шанхае, поставки по газопроводу «Сила Сибири» с Чаяндинского месторождения в Якутии должны начаться в 2019 г. в объёме 38 млрд м³ в год, а в дальнейшем могут достигнуть 60 млрд м³. Строительство газопровода «Сила Сибири» в Китай является ключевым российским газовым проектом в СВА, однако темпы строительства отстают от плана, что связано с недостаточным финансированием. Так, в 2016 г. «Газпром» построил только 445 из запланированных 800 км.

На саммите АТЭС в Пекине в ноябре 2014 г. был подписан Меморандум в сфере поставок газа из РФ в Китай по «западному» маршруту объёмом 30 млрд м³ сроком на 30 лет. В случае реализации этого проекта КНР станет крупнейшим экспортёром российского газа. Поставки планируется осуществлять с месторождений Западной Сибири, а это та же ресурсная база, которая используется для поставок в Европу. Таким образом, Москва полу-

чит дополнительный рычаг энергетической дипломатии и сможет согласовывать более выгодные условия поставок в обоих направлениях. Реализация этого проекта, вероятно, будет возможна только после завершения «Силы Сибири», что связано с большими финансовыми и организационными ресурсами на его выполнение.

В 2015 г. Россия поставила в Японию 7,32 млн тонн газа, что сформировало 9,2% импорта Японии. В РК было поставлено 2,07 млн тонн газа, что сформировало 4,7% импорта РК [1]. Поставки газа осуществляются с единственного в России действующего завода СПГ на о. Сахалин, построенного в рамках проекта «Сахалин-2» с использованием капитала и технологий Mitsui и Mitsubishi. Ориентация на российские поставки позволяет Японии сократить транспортные издержки (доставка СПГ с Сахалина занимает 3-4 дня, а доставка с Ближнего Востока – 3-4 недели), а также избежать рисков, связанных с пиратством в районе Малаккского пролива и других районах мирового океана.

Перспективным проектом, который активно поддерживается японскими учеными и экспертами, является прокладка подводного газопровода мощностью до 5,8 млн тонн в год с о. Сахалин на о. Хоккайдо и далее до о. Хонсю. Заинтересованность Японии проектом строительства газопровода обусловлена низкой стоимостью трубопроводного газа по сравнению с СПГ и отсутствием необходимости строительства регазификационной инфраструктуры. Токио подчёркивает, что проект газопровода не подпадёт под санкции и не потребует значительных затрат с российской стороны, так как протяжённость российской части газопровода составит всего 60 км [23].

В то же время, строительство подводного газопровода сопряжено с природными рисками, так как район предполагаемой прокладки газопровода характеризуется высокой сейсмической активностью, сильными подводными течениями и частыми штормами. Существует угроза сохранности морских биоресурсов. Наконец, следует принять во внимание политические риски, связанные с проблемой принадлежности южных Курильских островов и эксплуатацией объекта, затрагивающего территориальные воды и исключительные экономические зоны двух государств.

Альтернативой газопроводу является строительство дополнительной технологической линии на 5 млн тонн завода СПГ на о. Сахалин. Меморандум о строительстве третьей очереди проекта «Сахалин-2» между «Газпромом» и Shell был подписан в 2015 г. Для полной загрузки третьей линии завода «Газпром» способен поставить дополнительные объёмы газа за счёт растущей добычи в рамках проекта «Сахалин-3». Однако строительству тре-

твей очереди завода СПГ на Сахалине препятствуют санкции США, запрещающие поставлять в Россию специальное добычное оборудование, что тормозит освоение ресурсной базы. Даже учитывая тот факт, что в декабре 2016 г. «Газпром» заключил с Mitsubishi соглашение по развитию партнерства в области СПГ [15], третья очередь будет запущена не ранее 2021 г. [2].

Кроме того, в партнёрстве с японскими Mitsui и Mitsubishi «Газпром» планировал строительство завода СПГ в Приморском крае. Ресурсной базой этого завода должны были стать месторождения Восточной Сибири, откуда газ предполагалось доставлять по газопроводу «Сила Сибири», и месторождения шельфа о. Сахалин, откуда в Приморский край «Газпром» в 2011 г. проложил газопровод. Однако, после заключения стратегического контракта на поставку газа с Китаем, от планов по строительству завода СПГ в Приморье было решено отказаться, так как первоочередной задачей стало обеспечение ресурсной базы для поставок в Поднебесную. На это решение также повлияли падение цен на газ и экономические санкции против России, которые ограничили возможности участия японских финансовых и технологических партнёров в проекте.

Либерализация российского экспорта СПГ в 2013 г. лишила «Газпром» монополии на этом рынке и подстегнула продвижение СПГ проектов других компаний. Так, в июне 2013 г. «Роснефть» заключила соглашение с японскими Marubeni и SODECO об условиях поставок СПГ с о. Сахалин с 2019 г. Предполагалось, что ежегодно Marubeni будет получать от «Роснефти» 1,25 млн тонн, а «SODECO» – 1 млн тонн. Однако в начале 2015 г. реализация проекта из-за нехватки финансирования, снижения цен на СПГ и падения спроса была отложена на срок от трех до пяти лет [8].

Компания «Новатэк», которая ведет строительство завода «Ямал СПГ» мощностью 16,5 млн тонн, предлагала японским компаниям Tokyo Gas, Tokyo Electric, Itochu, Mitsubishi и Mitsui приобрести долю в проекте, однако в итоге 20% приобрела китайская CNPC и 9,9% приобрёл Фонд Шёлкового пути. Тем не менее, японские компании JGC Corp., Chiyoda и Yokogawa Electric получили крупные подряды на проектирование, поставку оборудования, материалов и комплектующих, строительство и ввод в эксплуатацию комплекса по подготовке и сжижению природного газа. Япония рассматривается в качестве одного из ключевых потребителей газа Ямала, поставки будут осуществляться по Северному морскому пути, для чего уже сейчас ведётся постройка танкерного и ледокольного флота [30].

«Ямал СПГ» на фоне других российских газовых проектов предстаёт в выгодном свете: «Новатэк» не только сумел еще на этапе строительства

привлечь иностранных инвесторов с общей более 49,9% (помимо CNPC и Фонда Шёлкового пути в проекте с долей 20% участвует Total), но и смог преодолеть санкционное и финансовое давление. Так, в апреле 2016 г. Экспортно-импортный банк Китая и Банк развития Китая согласились предоставить «Ямал СПГ» около \$12 млрд, а до этого 150 млрд руб. выделил Фонд национального благосостояния и еще €3,6 млрд – Сбербанк и Газпромбанк (в общей сложности около \$18,4 млрд кредитов) [10]. В ходе визита В. Путина в Японию 15-16 декабря 2016 г. между ОАО «Ямал СПГ» и Японским банком международного сотрудничества был подписан договор о предоставлении кредитных линий на сумму €200 млн

Отдельно следует упомянуть проект строительства газопровода из РФ в РК через территорию КНДР, переговоры по которому заморожены из-за очередного обострения межкорейских отношений. Этот проект имеет для Москвы не только коммерческое, но и большое геополитическое значение, так как способен повысить политическую и экономическую значимость России на Корейском полуострове и в СВА в целом.

В настоящее время среди новых газотранспортных проектов наиболее жизнеспособными видятся «Сила Сибири» и «Ямал СПГ», в успешном завершении которых нет сомнений, а также проект строительства третьей очереди завода СПГ на о. Сахалин. Проект СПГ «Роснефти» на о. Сахалин и «Владивосток СПГ» «Газпрома», которые нацелены на японский и южнокорейский рынки, в условиях относительно низких цен на углеводороды и действия санкций имеют невысокие шансы осуществления. Наименьшую вероятность реализации имеют проекты строительства газопроводов в Японию и РК. Тем не менее, некоторые из этих проектов могут быть активизированы в случае выгодных предложений от потенциальных инвесторов и технологических партнёров, и в случае проявления политической воли со стороны Москвы, Пекина, Токио и Сеула.

Так, выступая на Красноярском экономическом форуме, вице-премьер правительства РФ А. Дворкович заявил об отсутствии политических препятствий и пригласил китайские компании к полномасштабному участию в освоении стратегических газовых и нефтяных месторождений (за исключением шельфовых, где они могут быть допущены только в качестве миноритарных акционеров) в Сибири и на Дальнем Востоке России [16]. Данная позиция правительства, облегчающая допуск иностранных компаний к освоению стратегических месторождений углеводородов на российской территории, сначала касалась только китайских компаний, но в дальнейшем аналогичные предложения стали поступать и японским инвесторам, что

свидетельствует о существенном изменении базовых принципов так называемой «новой энергетической политики» России, которая была разработана в середине прошлого десятилетия и жестко ограничивала допуск иностранных компаний к разработке подобных месторождений [32]. В целом, сотрудничество в углеводородной сфере, с учетом вышеупомянутого изменения позиции правительства РФ, Шанхайских договорённостей 2014 г. по поставкам трубопроводного газа в Китай и потенциальных соглашений в этой сфере с Японией и РК, выходит на более высокий уровень и со временем способно привести к началу претворения в жизнь давно обсуждаемой концепции системы трубопроводов СВА.

Анализ факторов энергетического сотрудничества России и стран СВА в условиях низких цен и антироссийских санкций

Ключевым программным документом, определяющим энергетическую политику России, является Энергетическая стратегия России до 2030 г. Обновленную Энергетическую стратегию России до 2035 г. планировалось принять в 2014 г., однако по состоянию на январь 2017 г. она не утверждена из-за неопределённостей, связанных с валютными колебаниями, падением цен на углеводороды, а также антироссийскими санкциями. По оценкам экспертов, Энергетическая стратегия России до 2035 г. нацелена на ещё более ускоренный (по сравнению с предыдущей версией Стратегии) выход на рынок АТР, доля которого в российском экспорте нефти должна возрасти к 2035 г. до 32%, а в экспорте газа – до 33% [24].

В то же время, новая Стратегия предполагает, что рост импорта углеводородов будет замедляться, так как большинство стран диверсифицируют структуру энергетики, развивают альтернативные источники энергии, что сужает рыночные ниши для России. Валютные поступления от энергетического экспорта расти не будут: на европейском направлении – по причине ограниченного спроса, на азиатском – из-за недостаточности инфраструктуры и необходимости больших капиталовложений в её развитие. Из-за высокой стоимости капитала и ограниченного доступа к внешним инвестициям и технологиям конкурентные преимущества добычи и поставок российских энергоресурсов могут быстро нивелироваться. Для поддержания конкурентоспособности России требуется существенное снижение издержек, радикальное повышение гибкости экспортной политики, продуктовая и географическая диверсификация.

В связи со стратегией России по дальнейшему увеличению экспорта углеводородов в СВА, а также попыткой в условиях низких цен на углеводороды и

антироссийских санкций переориентироваться на рынки капитала и технологий Китая, Японии и РК, целесообразно проанализировать влияние различных факторов, определяющих развитие сотрудничества России и стран СВА в указанных условиях, а также представить рекомендации по укреплению сотрудничества в нефтегазовой сфере на основании проведённого анализа.

Экономика и энергетическая безопасность. Реализация новых энергетических проектов для России важна с точки зрения увеличения ресурсной ренты, а также поддержания уровня добычи и рентабельности нефтегазовых компаний, что особенно актуально в условиях падения цен на углеводороды. Энергетические проекты России в СВА играют важную роль в развитии экономики и инфраструктуры Восточной Сибири и Дальнего Востока, а также в создании новых рабочих мест. Это позволяет Москве повысить энергетическую и экономическую безопасность за счёт снижения зависимости от европейского рынка, а также проводить более независимую внешнюю политику.

Экономические мотивы Китая в укреплении энергетического сотрудничества с Россией заключаются в обеспечении значимого сухопутного канала поставок энергоресурсов. Китаю важна диверсификация поставок углеводородов как для поддержания конкуренции поставщиков, так и для укрепления энергетической безопасности за счёт функционирования нескольких крупных независимых каналов поставки углеводородов. Пекин стремится к соблюдению баланса между коммерческой и геополитической выгодой, но, в первую очередь, руководствуется экономическими соображениями, о чем свидетельствуют значительные поставки углеводородов из Центральной Азии и Ближнего Востока, которые подвержены определённым геополитическим рискам, но компенсируются низкой стоимостью сырья.

Организацию трубопроводных поставок углеводородов из России можно рассматривать как один из первых шагов Пекина на пути переоценки геополитических рисков поставок в условиях возрастающей международной турбулентности. В частности, исходя из известных условий газовой сделки, Россия за отсутствие геополитических рисков и стабильность поставок получает от Китая существенную премию по сравнению с ценой трубопроводного газа из Центральной Азии. Таким образом, заключение контрактов на привилегированных для России условиях свидетельствует об учёте Китаем геополитических рисков и о готовности оплачивать их отсутствие.

Для Японии экономическим обоснованием сотрудничества с Россией является поддержание конкуренции поставщиков, а в случае строительства

газопровода Токио получит новый для себя способ доставки энергоресурса с принципиально отличным от СПГ ценообразованием.

Токио стремится к диверсификации поставок по странам и регионам, не позволяя какой-либо стране или региону занимать чрезмерно высокую долю рынка [13], которая составляет, по разным оценкам, от 15% до 20% [19]. Объём российского экспорта энергоресурсов в Японию может быть значительно увеличен без превышения предельного показателя. В то же время, Токио, проявляя готовность повысить значимость РФ в рамках своей диверсификационной стратегии, стремится не попасть в зависимость, рассматривая Россию как важного, но не единственного поставщика. В свою очередь, для Москвы важно диверсифицировать поставки не только в направлении США, но и между странами региона, не позволяя основному импортеру российских энергоресурсов – Китаю – занимать чрезмерную долю в российском экспорте и диктовать свои условия. Поэтому цели Москвы и Токио в вопросе диверсификации поставок энергоресурсов совпадают.

В энергетике РК наблюдается недостаточная диверсификация импортеров: более 85% нефти и более 55% природного газа поступает из стран Ближнего Востока [27]. РК проводит взвешенную политику по снижению рисков, принимая во внимание возможные сбои поставок и колебания на мировых энергетических рынках, и в этой связи для Сеула поставки углеводородов из России с точки зрения диверсификации поставок и снижения транзитных рисков также весьма важны.

Стабилизация нефтяных котировок в конце 2016 г., ставшая отчасти результатом договорённостей стран ОПЕК и 11 стран, не входящих в ОПЕК, в числе которых Россия, может активизировать реализацию замороженных российских нефтегазовых проектов в США. Повышение стоимости углеводородов делает рентабельными проекты по освоению шельфовых и труднодоступных месторождений, а также инфраструктурные нефтегазовые проекты. Дополнительные доходы могут быть использованы российскими нефтегазовыми компаниями для увеличения добычи именно в США, так как потребность региона в углеводородах в отличие от Европы сохраняет положительную динамику.

Финансы. Российские нефтегазовые компании традиционно получали финансирование на рынках капитала США и ЕС, однако ввод в 2014 г. экономических санкций существенно ограничил возможности кредитования. В связи с тем, что собственные инвестиционные ресурсы российских нефтегазовых компаний и свободная ликвидность российских банков скудны, а против привлечения средств из бюджетных источников, в частности, из Фонда националь-

ного благосостояния России, выступают министерства экономического блока, перед российскими нефтегазовыми компаниями остро стоит проблема поиска альтернативного источника финансирования для реализации инвестиционных программ, в том числе в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке.

Для решения этой задачи Москва стремится к улучшению инвестиционной привлекательности, реализуя ряд мер экономического, институционального и законодательного характера. К ним следует отнести учреждение Министерства по развитию Дальнего Востока, создание территорий опережающего развития, формирование свободного порта Владивосток, обеспечение государственной инфраструктурной поддержки инвестиционных проектов, запуск работы Фонда развития Дальнего Востока, проведение Восточного Экономического Форума и др.

Москва полагает, что наиболее перспективным альтернативным рынком капитала для российского нефтегазового сектора является Китай. Однако на практике 2015 год показал, что ключевые китайские банки крайне неохотно идут на предоставление займов российским государственным банкам и компаниям, попавшим под санкции. Российскому рынку китайские финансовые институты прагматично предпочитают более стабильные рынки США, ЕС и Японии, а также финансирование собственной экономики. При этом активность на российском рынке проявляют только несколько государственных банков развития [4].

Из-за сложностей с привлечением капитала из Китая Москва стала проявлять интерес к японскому и, в меньшей степени, к южнокорейскому рынку. Следует отметить, что в 2014 г. Япония присоединилась санкциям G7 в отношении России, однако ввела их в наименее жёстком формате и продемонстрировала готовность к продолжению диалога. РК к санкциям формально не присоединилась, однако фактически воздерживается от поощрения новых совместных проектов. Корейские банки ограничивают операции с Россией, ссылаясь на международные правила.

Несмотря на зависимость от Вашингтона в принятии внешнеполитических решений, Токио и Сеулу удается проявлять, скорее, символическую поддержку действий США, например, в виде словесных заявлений или принятия на себя определённых ограничительных мер без их законодательного закрепления. Имплементация антироссийских санкций и ее масштабы определяются Токио и Сеулом в целом самостоятельно, но с проведением консультаций с Вашингтоном.

Финансовое сотрудничество Японии и Южной Кореи, стран с высокой степенью обеспеченности капиталом, и России, страны с низкой степенью та-

кой обеспеченности, может быть взаимовыгодно за счёт относительно высокой рентабельности нефтегазовых проектов России. Так, в ходе конференции «Россия – Япония» в ноябре 2015 г. глава «Роснефти» И. Сечин отметил, что компания предлагает стандартизированные и уже опробованные условия по вхождению в капитал в высокорентабельные российские проекты, которые не требуют никакой специальной проработки на политическом и административном уровне [20]. Однако, несмотря на декларируемую с обеих сторон заинтересованность в укреплении финансового сотрудничества, в ходе визита В. Путина в Японию в декабре 2016 г. каких-либо значимых финансовых договорённостей в энергетической сфере достигнуто не было.

В целом, учитывая неблагоприятный инвестиционный климат в России, а также соблюдение Японией и РК негласного правила не получать односторонние преимущества в результате введения США антироссийских санкций, в частности, не выдавать российским нефтегазовым компаниям кредиты, пользуясь уходом с российского рынка американских конкурентов [18], ожидать серьёзных прорывов в финансовом сотрудничестве не приходится. Отдельные достигнутые договорённости будут иметь политическое обоснование или касаться наиболее надёжных и высокорентабельных российских активов.

Политические отношения. Политические связи между Москвой и Пекином в настоящее время находятся на самом высоком уровне за всю их историю. Китай стремится капитализировать их в выгодные экономические контракты, в том числе, в области энергетики, однако пока уровень политических контактов значительно превосходит экономическое взаимодействие. Со стороны российской политической и экономической элиты отсутствует реальная заинтересованность в создании условий вхождения китайского капитала в российские нефтегазовые проекты. Несмотря на декларирование отсутствия ограничений для китайских партнёров, в российской энергетике по-прежнему преобладает государственно-ориентированный подход и практика, связанная с обогащением элит через участие аффилированных структур в нефтегазовых и инфраструктурных проектах. В качестве примера можно привести провал переговоров по Ванкору, а также отказ РФ от финансирования и строительства Китаем «Силы Сибири», учитывая тот факт, что Пекин предлагал построить газопровод втрое дешевле [22].

Москва и Токио проявляют заинтересованность в заключение мирного договора и формировании добрососедских отношений, чему препятствует проблема принадлежности южных Курильских островов. Нынешняя интенсификация политических контактов на высшем уровне обусловлена тем, что в Токио полагают, что расширение экономического сотрудничества с Моск-

вой сможет смягчить её позицию по территориальной проблеме, а Москва, в свою очередь, надеется получить японские инвестиции и технологии, сведя к минимуму возможные территориальные уступки либо без таковых.

Визит премьер-министра Японии Синдзо Абэ в Сочи в мае 2016 г. был важен для Москвы как демонстрация ослабления изоляции: ближайший союзник США ведет самостоятельный диалог с Россией и не соблюдает дисциплину G7. Это даже создало впечатление, что председательствующий в G7 Абэ посчитал необходимым накануне саммита этой организации провести консультации с президентом России [28]. В 2016 г. внешнеполитическая активность США, увлечённых предвыборной гонкой, снизилась, чем и воспользовался Абэ для интенсификации контактов с Москвой. Избрание Д. Трампа президентом США накладывает некоторую неопределённость на содержание американо-японского стратегического альянса, особенно учитывая его заявления о необходимости увеличения расходов союзников на обеспечение безопасности, а также уже сложившуюся при президенте Б. Обаме политику по повышению самостоятельности союзников США.

Вместе с этим, в последние годы в Токио активизировалась многолетняя дискуссия вокруг девятой статьи конституции Японии, которая предусматривает отказ от армии и войны как средства разрешения международных споров. Пересмотр этой статьи в сторону укрепления обороноспособности Японии и расширения её роли в международных миротворческих операциях был одним из основных предвыборных обещаний Синдзо Абэ. Следует признать, что в Японии немало противников этой инициативы, считающих, что девятая статья является главным гарантом самопровозглашённого пацифизма Японии. С неодобрением к этим планам относятся соседи Японии, в частности, Китай.

Таким образом, в случае снижения вклада США в обеспечение безопасности Японии, Токио компенсирует это развитием национальных вооружённых сил, что может вызвать ухудшение отношений с Москвой и Пекином и привести к нарушению сложившегося баланса сил в регионе.

Следует отметить, что в Японии растёт озабоченность о том, что политическое и экономическое сближение России и Китая в перспективе может иметь антияпонскую направленность, и по этой причине администрация Абэ считает более тесные отношения с Россией важным противовесом китайскому влиянию в регионе. Эта цель находит свое отражение в «Голубой книге» МИД Японии за 2016 г., где отмечается, что развитие связей с Россией способствует японским интересам и региональному миру и процветанию [25]. В данном контексте, развитие энергетического сотрудничества Японии с Россией рассматри-

вается как уравнивающая сила, противостоящая сценарию «дружбы» Москвы и Пекина. Одновременно с этим в Токио ожидают, что поставки российского газа в Китай снизят конкуренцию за энергоресурсы в регионе, что будет способствовать выгодному для Японии снижению цен.

В подтверждение политических причин заинтересованности Токио в развитии энергетического сотрудничества с Москвой можно привести предложение Абэ в ходе визита в Сочи в мае 2016 г. плана обширного экономического сотрудничества, состоящего из восьми пунктов и включающего проекты строительства заводов по переработке сжиженного газа, воздушных и морских портов и другой инфраструктуры, в первую очередь, на Дальнем Востоке. Экономическая целесообразность этих проектов в современных российских макроэкономических реалиях не всегда очевидна. Предложения, скорее, выглядят как поддержка российской экономики, поэтому следует полагать, что их истиной причиной является политическая цель – смягчение позиции Москвы по вопросу принадлежности южных Курильских островов за счёт реализации выгодных для России проектов, а также создание некоего противовеса китайскому влиянию.

15-16 декабря 2016 г. В. Путин совершил ответный визит в Японию, в ходе которого продолжились переговоры по вопросу принадлежности южных Курильских островов, а также по широкому спектру экономического сотрудничества. Стороны не смогли достичь каких-либо значимых соглашений: лидеры России и Японии договорились начать переговоры о совместной хозяйственной деятельности на южных Курильских островах, в экономической сфере большинство договорённостей получило статус меморандумов и соглашений о сотрудничестве [17]. Было подписано несколько документов, касающихся технологического и финансового сотрудничества в области энергетики, однако они имеют точечный и ограниченный характер.

Российско-южнокорейские отношения переживают не лучшие времена. Об этом свидетельствуют редкие политические контакты на высшем уровне, противоположные позиции по многим вопросам международной проблематики, согласие РК на размещение американской системы ПРО ТНААД и двукратное снижение объёма импорта из РК. Несмотря на череду ракетных запусков и ядерных испытаний, осуществлённых Пхеньяном в 2016 г., Москва пытается убедить Сеул в безальтернативности политико-дипломатических методов в урегулировании проблемы Корейского полуострова и неэффективности политики изоляции и давления, в то время как Сеул настаивает на изоляции Пхеньяна [21]. Россия и Китай предлагают начать обсуждение проблемы обеспечения мира и безопасности в СВА не военными, а политическими средствами,

путем возобновления шестисторонних переговоров без каких-либо предварительных условий, что не устраивает РК, США и Японию.

Россия заинтересована в налаживании добрососедских отношений между странами Корейского полуострова, в том числе, путем вовлечения КНДР в трёхсторонние энергетические и транспортные проекты, однако РК скептически настроена и в отношении проектов с участием Северной Кореи. Так, в 2014 г. Сеул заявлял о готовности присоединиться к проекту Хасан-Раджин, однако после проведенных КНДР ядерных испытаний был вынужден отказаться от участия в проекте. Таким образом, политический фактор в настоящее время оказывает негативное влияние на развитие энергетического сотрудничества Москвы и Сеула.

В начале своего президентского срока Пак Кын Хе обозначила три прагматичные и детально проработанные внешнеполитические инициативы: Процесс укрепления доверия на Корейском полуострове, Инициатива мира и сотрудничества в Северо-Восточной Азии и Евразийская инициатива [29]. Однако ни одна из этих программ не достигла предполагаемых результатов. Напротив, на Пак Кын Хе лежит значительная доля ответственности за обострение межкорейских отношений, а также за согласие на размещение американской системы ПРО THAAD, что вызвало крайнее недовольство Москвы и Пекина, где рассматривают возможное размещение данной системы как прямую угрозу своей национальной безопасности.

Проблемы межкорейского урегулирования и размещения элементов ПРО США в РК обсуждались в ходе переговоров Пак Кын Хе и В. Путина на полях Восточного экономического форума во Владивостоке в сентябре 2016 г., однако каких-либо результатов или сближения позиций по данным вопросам стороны не достигли.

9 декабря 2016 г. Национальное собрание РК проголосовало за импичмент президенту РК Пак Кын Хе. Это событие стало кульминацией политического скандала, связанного с участием близких друзей Пак Кын Хе в принятии политических решений, в том числе, по вопросам межкорейских отношений. В настоящее время президент временно отстранена от должности, а её обязанности исполняет премьер-министр. Конституционный суд РК в течение не более шести месяцев должен определить конституционность импичмента и, в случае положительного заключения, – даты формального прекращения полномочий Пак Кын Хе и выборов нового президента страны.

Вероятно, после избрания нового президента РК Москва интенсифицирует политический диалог с Сеулом по вопросам возобновления межкорейского диалога, в том числе, путём возобновления шестисторонних пере-

говоров по ядерной программе КНДР. Следует принять во внимание, что ужесточение официальной позиции Москвы и Пекина по отношению к ядерным испытаниям Пхеньяна позволило СБ ООН принять резолюции 2270 от 2 марта 2016 г. и 2321 от 30 ноября 2016 г., которые определяют ряд жестких ограничений политического, экономического и финансового характера против КНДР, северокорейских компаний и физических лиц. Поддержка резолюций стала для Москвы и Пекина вынужденной мерой с целью повлиять на Пхеньян в условиях обострившейся ситуации на Корейском полуострове, однако не повлияла на решение Сеула о размещении американской системы ПРО THAAD.

Москва заинтересована, как в улучшении политических контактов с Сеулом, так и в снижении напряженности межкорейских отношений. Только в случае значительных успехов в данном направлении реализация энергетических проектов с участием КНДР станет возможной.

Технологии. Технологические санкции со стороны ЕС и США предусматривают запрет на поставки услуг, товаров и технологий при разработке и добыче сланцевой, глубоководной и арктической нефти на территории России, а также в исключительной экономической зоне России, и на глубине более 150 метров на морском шельфе за Полярным кругом. В частности, под запрет попали мобильные буровые вышки, морские платформы, плавучие буровые платформы, оборудование для разработки арктического шельфа и сланцевых запасов. Технологические санкции нацелены не на действующие проекты, а на потенциальные месторождения с трудноизвлекаемыми запасами, на которых нефть и газ могли бы добывать через несколько лет, замещая падающую добычу на традиционных месторождениях Западной Сибири [7]. Таким образом, если снижение цен на углеводороды бьет по месторождениям, где добыча становится нерентабельной из-за высокой себестоимости, то технологические санкции ведут к сокращению будущей добычи из-за ограничения поставок оборудования, комплектующих, технологий и программного обеспечения.

Российская энергетика в ряде сегментов сильно зависит от иностранных технологий, оборудования и комплектующих, поэтому уход с рынка иностранных компаний из-за санкций может привести к снижению эффективности добычи и замедлению темпов освоения новых месторождений. Запрет на поставку товаров и технологий, необходимых для геологоразведки и бурения на месторождениях на глубоководных участках и арктическом шельфе, введенный ЕС и США, затрагивает 90% российского нефтяного сектора и почти всю российскую газодобычу [11]. Эти меры заставили российские нефтегазовые ком-

пании заморозить или замедлить реализацию проектов на континентальном шельфе и в Арктике. В связи с этим, остро встаёт проблема импортозамещения, которое пока испытывает значительные трудности, а также вопрос организации поставок с альтернативных ЕС и США рынков.

Россия проявляет интерес к китайскому нефтесервисному рынку, где западные компании производят большую часть своего оборудования. Среди китайских компаний уже есть примеры создания в России представительств и филиалов гарантийного обслуживания и складов запасных частей. Китай становится заметным игроком на рынке высокотехнологичного оборудования для добычи углеводородов, в первую очередь, за счёт ценового фактора. Однако существуют критичные технологии и оборудование для добычи сланцевой, глубоководной и арктической нефти, которыми в мире обладают лишь несколько поставщиков, в том числе, из Японии и РК, но не из Китая.

Япония и РК официально не вводили против России технологические санкции, однако фактически экспорт нефтегазового оборудования и технологий минимизирован. Технологические санкции привели к сокращению импорта в Россию промышленного оборудования, ужесточению режима выдачи лицензий на поставку высокотехнологичного оборудования из-за проблем с кредитованием в Японии и РК крупных проектов, предназначенных для экспорта в Россию, что наносит ощутимый ущерб японской и южнокорейской экономике. Из-за проблем с закупкой оборудования в Японии и РК российские компании переориентируются на других поставщиков подобной продукции, что также несет убытки японским и южнокорейским производителям.

Учитывая заинтересованность Японии в укреплении экономического сотрудничества с Россией с целью смягчения её позиции по вопросу принадлежности южных Курильских островов, Токио пытается по возможности способствовать уменьшению технологических ограничений. Так, в ходе визита В. Путина в Японию в декабре 2016 г. было подписано несколько соглашений, касающихся технологического сотрудничества в энергетической сфере. Так, «Роснефть» подписала с японскими Marubeni Corporation и Mitsubishi Heavy Industries соглашение о сотрудничестве по совместному технико-экономическому обоснованию проекта строительства газохимического комплекса на Дальнем Востоке. Ожидается, что этот проект получит финансовую поддержку Министерства экономики, торговли и промышленности Японии. «Роснефть» также договорилась с консорциумом японских компаний Marubeni Corporation, Japan Oil, Gas and Metals National Corporation и INPEX об основных условиях сотрудничества в отношении совместной разведки, разработки и добычи углеводородов на лицензионном участке в шельфовой зоне России [14].

«Газпром» договорился с Mitsui о стратегическом сотрудничестве в рамках расширения проекта «Сахалин-2» и в области СПГ-бункеровки морского транспорта, а также заключил с Mitsubishi соглашение по развитию партнерства в области СПГ. В частности, компании будут взаимодействовать в создании третьей линии «Сахалин-2».

В отличие от Токио, Сеул в настоящее время не проявляет даже формальной заинтересованности в технологическом сотрудничестве с Россией в нефтегазовой сфере. Не менее удивительно, что в условиях беспрецедентного кризиса судостроительной отрасли РК, Сеул не пытается получить заказы от российских нефтегазовых компаний на постройку танкерного флота, судов-снабженцев, буровых и добычных платформ.

Заключение и рекомендации

Энергетика является важным драйвером развития сотрудничества России и стран СВА. Наблюдается рост поставок в рамках действующих проектов, а также ведется диалог по перспективным проектам. Однако падение цен на углеводороды, негативная экономическая ситуация в России, политические разногласия между Москвой с одной стороны и Токио, Сеулом и Вашингтоном с другой, политика финансовых и технологических санкций в отношении России делают новые проекты трудноосуществимыми, поэтому потенциал энергетического сотрудничества во многом остается не реализованным.

Москва продолжает придерживаться этатистской модели в развитии энергетики. Несмотря на декларируемое отсутствие каких-либо рамок к вхождению в российские стратегические нефтегазовые проекты, в ряде случаев Кремль продолжает ограничивать участие в них китайского капитала. В нынешних условиях перспективным форматом сотрудничества с Японией и РК выглядит допуск их миноритарного капитала в проекты по разработке, переработке и транспортировке углеводородов в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, которые не подпадают под действие западных санкций.

Замещение европейских и американских капиталов и технологий китайскими оказалось недостаточным, и Москва надеется на повышение роли в этих вопросах Японии и РК. Однако ограниченность энергетического сотрудничества с ними обусловлена не столько политическими противоречиями, сколько неблагоприятным инвестиционным климатом в РФ. Бизнес не может руководствоваться только политическими соображениями, а принимает решения на основании оценки ожидаемой доходности инвестиций и связанных с ними рисков.

Что касается российской экономики, то за последние несколько лет эти риски только возросли. К традиционным рискам нестабильности правового и налогового регулирования, постоянному изменению условий ведения бизнеса и привилегированному положению российских госкорпораций, добавились валютные колебания и экономические санкции. Авторам представляется, что существенно снизить риски вхождения в проекты могут финансовые гарантии государства и надежных российских банков, однако пока Москва этого не предлагает. Поэтому, несмотря на возросший уровень политических контактов, без снижения рисков для бизнеса ожидать существенного прогресса в развитии энергетического сотрудничества со странами СВА вряд ли целесообразно.

На китайском направлении Москве следует сосредоточиться на газовых проектах, а также на налаживании технологического и финансового сотрудничества на долгосрочной основе с учетом представленных выше рекомендаций.

Важным фактором может стать проявление политической воли лидерами России и Японии, которые заинтересованы в качественном повышении уровня двустороннего сотрудничества.

Если на китайском и японском направлениях наблюдается интенсивный экономический и политический диалог, то по отношению к Сеулу Москва не проявляет должного интереса, хотя потенциальная возможность участия Сеула в российских нефтегазовых проектах может создать здоровую конкуренцию Токио, что отвечает экономическим интересам нашей страны. России следует также обратить внимание на технологические возможности РК, в том числе по строительству нефтегазовых платформ и танкерного флота.

Кроме того, при выстраивании энергодиалога с партнерами в СВА Москве следует учитывать особенности азиатской модели ведения бизнеса, предполагающей глубокий анализ, большее внимание к деталям, длительный процесс принятия решений и долгосрочный подход к планированию: инвестиционный горизонт составляет в среднем 10-15, а иногда 20 и более лет.

Литература

1. База данных таможенной статистики внешней торговли Российской Федерации [Электронный ресурс] // ФТС. URL: <http://stat.customs.ru/apex/f?p=201:1:3446182209762483::NO>.

2. Барсуков Ю. «Газпром» встал в третью очередь [Электронный ресурс]// Коммерсант. 2015, 31 июля. URL: <http://kommersant.ru/doc/2778888>.

3. Внешнеэкономическая деятельность Сахалинской области [Электронный ресурс] // Губернатор и правительство Сахалинской области. 2016, 9 марта. URL: <http://www.admsakhalin.ru/index.php?id=152>.
4. Габуев А. Поворот в никуда: итоги азиатской политики России в 2015 году [Электронный ресурс] // Московский центр Карнеги. 2015, 29 декабря. URL: <http://carnegie.ru/commentary/2015/12/29/ru-62369/iee2>.
5. Дзядко Т. Китайская Sinopec купила 10% «Сибура» [Электронный ресурс] // РБК. 2015, 17 декабря. URL: <http://www.rbc.ru/business/17/12/2015/5672855f9a79476f7a323916>.
6. Зубков И. Игла пришла в движение [Электронный ресурс] // Российская газета. 2016, 09 февраля. URL: <https://rg.ru/2016/02/09/dolia-nefteproduktov-i-gaza-v-rossijskom-eksporte-snizilas-na-10.html>.
7. Казначеев П. Санкции замедленного действия, или Россия в нефтяной ловушке [Электронный ресурс] // Slon.ru 2014, 12 декабря. URL: https://slon.ru/economics/sanktsii_zamedlennogo_deystviya_ili_rossiya_v_neftyanoj_lovushke-1194826.xhtml.
8. Калюков В. «Роснефть» заморозит строительство СПГ-завода на Сахалине [Электронный ресурс] // РБК. 2015, 7 апреля. URL: <http://top.rbc.ru/business/07/04/2015/5523cf059a7947e30bc28798>.
9. Клименко О. В Приморье порт Козьмино доработался до бенчмарка [Электронный ресурс] // Газета «Золотой Рог». 2015, 3 апреля. URL: http://www.zrpress.ru/business/primorje_03.04.2015_71775_v-primorje-port-kozmino-dorabotalsja-do-benchmarka.html?
10. Подобедова Л. НОВАТЭК начал искать €1 млрд на «Ямал СПГ» в Японии и Европе [Электронный ресурс] // РБК. 2016, 25 ноября. URL: <http://www.rbc.ru/business/25/11/2016/583811299a79474bcb7174a0>.
11. Подобедова Л., Сотникова А., Лемешко А. Санкции США ударили по 90% российских нефтегазовых компаний [Электронный ресурс] // РБК. 2014, 12 сентября. URL: <http://top.rbc.ru/economics/12/09/2014/948761.shtml>.
12. Порт Козьмино перевыполнил план по отгрузке нефти в 2015 году [Электронный ресурс] // ООО «Транснефть – Порт Козьмино». 2016, 14 января. URL: <http://smnpk.transneft.ru/press/news/?id=30832>.
13. Реутов Д. Вызовы и перспективы российско-японского газового сотрудничества // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2013. № 3 (27). С. 56-67.

14. «Роснефть» договорилась с японцами о сотрудничестве в сфере газохимии [Электронный ресурс] // РБК. 2016, 16 декабря. URL: <http://www.rbc.ru/rbcfreenews/5853961d9a79472eea49a7e6>.
15. Самофалова О. Японии от России прежде всего нужны не острова, а газ [Электронный ресурс] // Взгляд. 2016, 16 декабря. URL: <http://vz.ru/economy/2016/12/16/849779.html>.
16. Севастьянов С. Интеграционные проекты Китая в АТР и Евразии [Текст] / С. Севастьянов // Мировая экономика и международные отношения. – 2016. – № 4, т. 60. – С. 5-12.
17. Список документов, принятых в ходе визита Владимира Путина в Японию [Электронный ресурс] // Сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5149>.
18. Стрельцов Д. Российско-японские отношения: системный кризис или новые возможности? [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам. 2015, 27 января. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=5153#top-content.
19. Стрельцов Д. Российско-японские торгово-экономические отношения: есть ли новая точка опоры? // Вестник МГИМО-университета. 2016. № 1. С. 93-105.
20. Тимонина И. Л. Россия-Япония: реальный потенциал экономического взаимодействия // Японские исследования. ИДВ РАН. 2016. № 1. С. 27.
21. Толорая Г. Россия – Южная Корея: можно ли договориться по соседски? [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам. 2016, 1 сентября. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=8072#top-content.
22. Топалов А. Дорогая «Сила Сибири» [Электронный ресурс] // Газета.RU. 2017, 9 июля. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2014/07/09/6107453.shtml>.
23. Торкунов А., Панов А. Энергетическое окно в Японию [Электронный ресурс] // Независимая газета. 2015, 13 января. URL: http://www.ng.ru/economics/2015-01-13/4_japan.html.
24. Энергетическая стратегия России на период до 2035 г. [Электронный ресурс] // Аналитический центр при Правительстве РФ. URL: <http://ac.gov.ru/files/content/1578/11-02-14-energostrategy-2035-pdf.pdf>.
25. Brown J. Japan's 'New Approach' to Russia [Электронный ресурс] // The Diplomat. June 18, 2016. URL: <http://thediplomat.com/2016/06/japans-new-approach-to-russia/>.
26. BP Statistical Review of World Energy 2016 // London: BP, 2016. 48 p.

27. Countries Analysis: South Korea [Электронный ресурс] // U. S. Energy Information Administration. URL: http://www.eia.gov/countries/analysisbriefs/South_Korea/south_korea.pdf.

28. Meyer H. Abe Eases Putin's Isolation With Talks on Territorial Dispute [Электронный ресурс] // Bloomberg. May 6, 2016. URL: <http://www.bloomberg.com/news/articles/2016-05-05/abe-breaks-putin-s-isolation-as-rare-g-7-leader-to-visit-russia>.

29. Northeast Asia Peace and Cooperation Initiative // Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Korea, 2014. P. 6.

30. Pollmann M. How Japan and Russia Cooperate in the Arctic [Электронный ресурс] // The Diplomat. March 10, 2016. URL: <http://thediplomat.com/2016/03/how-japan-and-russia-cooperate-in-the-arctic/>.

31. Saneev B., Sokolov D. Russia's Energy Development in Eastern Siberia and the Far East and Relations with East Asian Countries in the Energy Sector // Russia and East Asia: informal and gradual integration, ed. Tsuneo Akaha and Anna Vassilieva. New York: Routledge, 2014. pp. 181-199.

32. Sevastyanov S. The More Assertive and Pragmatic New Energy Policy in Putin's Russia: Security Implications for Northeast Asia // East Asia: An International Quarterly, 2008, v. 25, no. 1, pp. 35-55.

Глава 7. Транспортно-логистическая система России на Дальнем Востоке и проблемы ее интеграции с экономиками стран Северо-Восточной Азии

(С.М. Смирнов)

Дальневосточный федеральный округ является крупнейшим по площади и, в то же время, самым малонаселенным регионом Российской Федерации. Немногочисленное население округа проживает компактно в южных районах, в долинах рек и на побережье, где относительно благоприятный климат и хорошие условия для ведения экономической деятельности. Оставшиеся 90% площади региона – малообитаемые, со сложным рельефом и суровым климатом территории.

История развития и современное состояние. В соответствии со спецификой региона исторически создавалась его транспортная инфраструктура. Вплоть до конца XIX в. основным видом транспорта здесь являлся водный – речной и морской. Строительство *Транссибирской железной дороги* (Транссиб) впервые позволило обеспечить круглогодичную транспортную связность Дальнего Востока с остальными регионами России. Важно отметить, что изначально Транссиб являлся международным проектом, так как значительная часть его маршрута (известная под названием Китайско-Восточная железная дорога – КВЖД) пролегла по территории китайской Маньчжурии. При этом выполнение Транссибом функции катализатора экономического развития дальневосточных территорий России осложнялось соображениями военно-стратегического характера. Характерно, что проектирование и строительство Байкало-Амурской магистрали (БАМ), уже в 70-х годах XX в., во многом диктовалось теми же соображениями военной стратегии. Это привело к тому, что и сегодня Россия не может в полной мере использовать потенциал БАМа и вынуждена тратить огромные средства на ее модернизацию.

Относительно новым негативным моментом в развитии железнодорожного транспорта на территории ДВФО следует считать его чрезмерную ангажированность российскими компаниями – экспортерами сырья, особенно угля. Проблема в том, что сырье перевозится специализированным подвижным составом в восточном направлении, обратно вагоны идут порожняком, не давая тем самым доставлять европейским потребителям наиболее ценные и дорогостоящие контейнерные грузы из стран Азии. Пропускная способность Транссиба и БАМа слишком мала, чтобы удовлетворить потребности обеих сторон. К тому же вагоны-бункеры периодически скапливаются в больших количе-

ствах на станциях сортировки и разгрузки, парализуя железнодорожное движение в «узких» местах. Других железных дорог общерегионального масштаба в ДВФО нет и, вероятно, не будет в силу экономической нецелесообразности.

Автомобильный транспорт в регионе развит слабо. Сквозное движение по федеральной автодороге «Амур», соединяющей Читу и Хабаровск, официально было открыто только в сентябре 2010 г. Однако автоперевозки сегодня в ДВФО растут наиболее быстро по сравнению с остальными видами транспорта; многие операторы отдают им предпочтения даже для трансконтинентальных перевозок из-за короткого времени в пути и гибкости доставки грузов конечным получателям.

Перспективы радикального роста автодорожной сети в регионе сомнительны. Высокая стоимость строительства новых дорог, обусловленная природно-климатическими условиями, отсутствием квалифицированных трудовых ресурсов и минимально необходимой инфраструктуры, делает маловероятным появление сухопутной транспортной связности Магаданской области, Камчатки, Чукотки и большей части Саха-Якутии с «материком». По крайней мере, в ближайшие 20 – 30 лет.

Авиационный транспорт на Дальнем Востоке также развит недостаточно. Формально, в регионе имеется 10 аэропортов, имеющих статус международных. Однако в реальности только два из них, Хабаровск и Владивосток, имеют пассажиропоток немногим более 1 млн чел. в год. Для сравнения, ближайшие к ДВФО международные аэропорты Харбин (КНР) и Инчхон (Республика Корея) обслуживают ежегодно более 10 млн и 40 млн пассажиров соответственно. При этом для 70% территории ДВФО пассажирские перевозки возможны исключительно воздушным транспортом. Большая протяженность маршрутов перелетов и неразвитая наземная инфраструктура при малом числе перевозимых пассажиров делают эксплуатацию авиационного транспорта коммерчески нерентабельной, поддерживаемой либо за счет дотаций из федерального бюджета и бюджетов министерств и ведомств, либо финансируемой частными компаниями, ведущими масштабную экономическую деятельность на территории ДВФО.

Водный транспорт развивается в регионе своеобразно. Исторически, как отмечалось выше, перевозки по рекам и прилегающим морям на протяжении столетий обеспечивали закрепление России на обоих берегах Тихого океана, колонизацию этих отдаленных территорий и экспортно-импортные операции международного масштаба (Российско-Американская компания). В советский период морской транспорт на ДВ развивался опережающими темпа-

ми по сравнению с остальными видами грузоперевозок. Безусловной заслугой СССР стало создание морской транспортной системы в Северном Ледовитом океане, получившей название «Северный морской путь» (СМП). Построенная береговая инфраструктура СМП (порты, аэродромы, склады, ремонтная база) в годы II Мировой войны позволили Советскому Союзу осуществить межтеатровый маневр силами и средствами ВМФ и доставку важнейших военных грузов по ленд-лизу. В послевоенные годы СМП стал работать как полноценный производственный комплекс, обеспечивающий все потребности Вооруженных Сил, населения и промышленных предприятий Крайнего Севера. Был создан и до настоящего времени эксплуатируется уникальный ледокольный флот, превосходящий суммарный ледокольный потенциал всех остальных Арктических держав. В разгар навигации в море одновременно находилось более 100 судов различных классов [2].

После распада СССР интенсивность судоходства по СМП резко снизилась, особенно в восточном секторе – от полуострова Таймыр до Берингова пролива. В западном, более освоенном и инфраструктурно оборудованном секторе, регулярное судоходство продолжалось в связи с потребностью вывоза стратегической сырьевой продукции из устья Оби – района Норильска. Снизились масштабы каботажного судоходства и в дальневосточных морях – Охотском и Беринговом. Все это создало логистические проблемы для обеспечения жизнедеятельности и функционирования экономики Камчатки, Чукотки, Магаданской области, северных районов Саха – Якутии и Хабаровского края, в том числе в рамках т.н. «Северного завоза» [5].

Навигация по дальневосточным рекам может осуществляться всего несколько месяцев в году и до настоящего времени является трудным и опасным занятием ввиду малых глубин и недостаточного навигационно-гидрографического обеспечения. В условиях оттока населения из районов Крайнего Севера и сворачивания там экономической активности «речная» логистическая схема позволяла более – менее справляться с задачей доставки существенно уменьшившегося объема грузов. Но в ряде случаев из-за угрозы срыва доставки жизненно важных грузов и возникновения чрезвычайной ситуации приходилось использовать транспортную авиацию, что вело к большому перерасходу бюджетных средств.

Сегодня в связи с быстрым таянием многолетних льдов в Северном Ледовитом океане ситуация с грузопотоком в восточном секторе Арктики и в акватории прилегающих дальневосточных морей существенно изменилась. Объем «Северного завоза» возрастает, в т.ч. за счет необходимости снаб-

жать арктические военные базы, гарнизоны, научные станции и экономические проекты на континентальном шельфе. Масштабная разработка месторождений углеводородного сырья на арктическом шельфе необходимо потребовала организации новых транспортно-логистических схем, ориентирующихся на восточный сектор СМП.

Так выглядит общая характеристика транспортно-логистической системы в ДВФО России на современном этапе. Поскольку тема монографии предполагает исследование проблематики взаимодействия экономик России и сопредельных государств Северо-Восточной Азии (СВА) в условиях трансформации международного порядка в АТР, представляется необходимым провести краткий анализ состояния и перспектив развития транспортных систем и логистических потребностей наших дальневосточных соседей – КНР (северо-восточные провинции), Японии и Республики Корея, с акцентом на потенциал сотрудничества в данной области с РФ.

Первое и самое главное – по численности населения, объему экономики и ориентации на международную торговлю государства СВА многократно превосходят ДВ регион России, уступая ему лишь по площади территории. Соответственно, транспортная инфраструктура в странах СВА, обслуживающая 500-миллионное население и экспортно-ориентированные отрасли экономики, развита на порядок лучше российской. Существенная разница – не в нашу пользу – отмечается по большинству показателей. Очень кратко сравнительная характеристика по видам транспорта выглядит следующим образом.

Железные дороги. «Классические» железнодорожные магистрали, ориентированные на перевозку грузов по обычным колеям с относительно низкой скоростью, в развитых странах мира постепенно уступают свои позиции. Это особенно заметно в США и странах Западной Европы. Среди стран СВА активное строительство железных дорог классического типа ведется только в КНР, где существует острая нехватка транспортных мощностей для обслуживания потребностей экономики. На этом фоне железнодорожная сеть ДВ РФ выглядит достойно, даже с учетом имеющихся недостатков и ограничений, связанных с низкой пропускной способностью Транссиба, БАМа и немногочисленных рокадных железных дорог.

Однако в Японии, Южной Корее и с начала XXI в. в Китае ускоренными темпами развивается сеть высокоскоростных железных дорог (ВСЖД), полностью отсутствующая в ДВФО. О масштабах данной индустрии можно судить, например, по объему совокупного ежегодного дохода

японских операторов ВСЖД в 2014 г., составившему 60 млрд евро [1]. Помимо выполнения непосредственной транспортной функции, высокоскоростные магистрали повышают качество жизни экономически активного населения и обеспечивают взрывной рост сопутствующих отраслей экономики. Данный феномен по сути стал самодовлеющим политико-экономическим фактором в регионе СВА.

Регулярно появляются проекты подключения России к региональной сети высокоскоростных железных дорог; авторы наиболее амбициозных из них планируют довести ВСЖД от Пекина до Москвы. У этой внешне заманчивой концепции много сторонников и в России, что объясняется перспективами осваивания больших зарубежных инвестиций.

Однако следует понимать, что в существующих контрастных социально – экономических условиях ВСЖД на территории ДВ России не имеет даже теоретических шансов выйти на самоокупаемость. Причина здесь простая. Существующие ВСЖД ориентированы почти исключительно на перевозку пассажиров, и в России они могут быть рентабельными, например, в густонаселенных центральных областях европейской части. Успешность технологически устаревшего проекта «Сапсан», перевозящего пассажиров между Москвой и Санкт-Петербургом, это подтверждает. В условиях Дальнего Востока наиболее пассажироемкая линия, связывающая Хабаровск и Владивосток, по объективным причинам будет обслуживать в 50–100 раз меньший поток пассажиров. Стоимость строительства такой магистрали по аналогии со схожим по протяженности российско-китайским проектом Москва – Казань составит примерно 1 трлн. руб. Даже если количество иностранных туристов, посещающих ДВ России, увеличится на порядок, это не сделает новую магистраль коммерчески успешным проектом. Поэтому надеяться на скорый приток масштабных иностранных инвестиций в сектор ВСЖД означает выдавать желаемое за действительное.

Следует также учесть, что в странах СВА развитие сети ВСЖД происходит не всегда гладко, отсутствует четкая долгосрочная стратегия развития железнодорожного транспорта, учитывающая правильное соотношение «классических» железных дорог и ВСЖД. Время от времени это приводит к негативным последствиям. Так, в Республике Корея в 2015 г. была построена линия ВСЖД, соединившая Пхохан, крупный порт и промышленный центр на побережье Японского моря, с главной железнодорожной линией страны Кёнбусон (между Сеулом и Пусаном). Стоимость строительства составила около 8 млрд долл., однако при его проектировании не учли потребности перевозки

грузов в/из Пхохана. Южнокорейские эксперты закономерно указывают, что если бы параллельно строились пассажирская линия ВСЖД и «классическая» грузовая железнодорожная линия, общая стоимость проекта увеличилась бы незначительно, зато он вышел бы на коммерческую рентабельность намного быстрее. В итоге дорогостоящая ветка ВСЖД реальной помощи в экономическом развитии депрессивного региона не оказала, средств на постройку новой грузовой железной дороги в бюджете Кореи нет, а частные инвесторы вкладываться в «морально устаревшие» проекты не намерены.

С точки зрения региональной логистической интеграции железные дороги в СВА обладают весьма незначительным потенциалом. Япония в силу своего островного положения и Республика Корея, отделенная от материковой части Евразии территорией КНДР, практически лишены возможности реализовывать совместные и региональные железнодорожные проекты, как это успешно делается в Европе. Перспектива открытия сквозного движения по Транскорейской железнодорожной магистрали с выходом на Транссиб и железнодорожную сеть КНР по политическим причинам едва ли будет реализована ранее 2030 года. Северо-восток Китая с ДВФО Российской Федерации номинально связывают два железнодорожных перехода – Забайкальск – Маньчжурия (Читинская область) и Гродеково – Суйфыньхэ (Приморский край), а также транзитная одноколейная ветка Махалино – Хуньчунь (юг Приморского края); их пропускная способность невысока. Также имеется железнодорожная линия Хасан – Рачжин (КНДР), полностью реконструированная за счет средств РАО «РЖД» в 2008 – 2013 г. Но транспортно-логистический потенциал двух последних линий тормозится технической и технологической отсталостью железнодорожного участка Хасан – Барановский, где находится точка примыкания к Транссибу. Осуществить коренную реконструкцию данного участка за счет средств бюджета РФ в современных условиях не получится; единственным вариантом является создание международного консорциума с участием заинтересованных грузооператоров из сопредельных государств СВА.

Автомобильный транспорт в странах СВА развивается динамично. Явным лидером здесь является Япония. Общая протяженность автодорог в ней почти такая же, как и в России (1 215 000 км против 1 396 000 км), при этом площадь Японии в 45 раз меньше. Но протяженность автомагистралей в Японии в 10 раз выше российской. Применительно к ДВ региону РФ это сравнение будет выглядеть просто удручающе. Китай является абсолютным мировым лидером по протяженности автомагистралей (123 000 км в 2015 г.),

почти в два раза превосходя США и в 150 раз (!) – Россию. Справедливости ради следует отметить, что автодорожная сеть в северо-восточных провинциях КНР уступает остальным регионам, однако и здесь в последние годы отмечается динамичное развитие. Республика Корея также обладает хорошо развитой дорожной сетью, протяженность ее автомагистралей в 4,5 раза выше российской.

Общим параметром для всех стран СВА являются очень высокие темпы строительства и ремонта автодорог, при этом природно-климатические условия здесь примерно аналогичны южным районам ДВ России. Основную роль здесь играют не столько применение современных материалов, машин и оборудования, сколько доведенные до совершенства технологии проведения работ. Этому российской стороне, безусловно, стоит поучиться.

Авиационный транспорт в СВА развит на высоком уровне. В таблице 1 приведены некоторые статистические данные за 2015 год.

Таблица 1

Название

Страны	Перевезено пассажиров, чел.		Перевезено грузов, млн тонн-км	
	2015 г.	2010 г.	2015 г.	2010 г.
Китай	436183000	266293020	19806	17194
Япония	113762000	109617020	8869	7699
Южная Корея	65482307	36987980	11297	12943
Россия	76846126	43855530	4761	3532

Источник: World Development Indicators (WDI), Quarterly Update

Как было указано выше, объемы перевозок авиапассажиров по ДВ региону России существенно ниже показателей по европейской части страны (примерно 5–5,5% от всего по стране). Вместе с тем, в ДВФО имеется несколько аэропортов, способных принимать воздушные суда любых классов, а действующие в России системы аэронавигационного обеспечения, подготовки и сертификации пилотов, наземного обслуживающего персонала, правила авиационной безопасности соответствуют международным стандартам и нормам. Это облегчает и упрощает развитие кооперации и реализацию крупномасштабных региональных авиационных проектов.

Морской транспорт для стран СВА является основным при ведении экспортно-импортных операций. Китай, Япония и Южная Корея сегодня имеют крупнейшую в мире грузовую базу с четко выраженной географической ориентацией: в страны Америки, Евросоюза и Ближнего Востока отправляются преимущественно контейнерные грузы, импортируются же большей частью углеводороды, сырье для промышленности и продукция сельского хозяйства. Соответственно, значительная часть судов идет в полной коммерческой загрузке только одну половину плавания, во вторую – следуют в балласте или с пустыми контейнерами на борту. С учетом большой удаленности портов загрузки / выгрузки друг от друга (например, расстояние между Циндао и Роттердамом составляет 10824 мили, или примерно 20 тыс. км) это приводит к значительным потерям за счет стоимости ГСМ, зарплаты экипажам, израсходования моторесурса, страховке и др. Поэтому сокращение операционных расходов судоходных компаний рассматривается в настоящее время как критически важная задача, и развитие сотрудничества с Россией может принести здесь очень хорошие результаты.

Таблица 2

Название

Морские порты	Суммарный грузооборот, 2014		Обработано контейнеров, 2014	
	Объем, млн т	Мест в мире	Всего, тыс.ТЕU	Место в мире
Циндао (КНР)	465	4	16624	7
Далянь (КНР)	337	9	10128	14
Пусан (Южная Корея)	335	10	18423	6
Нагоя (Япония)	207	16	2740	50
Токио (Япония)			4917	28
Иокогама (Япония)			2775	49
Восточный порт (РФ)	57,8	~ 75*	399 (янв.-окт.)	
Ванино (РФ)	26,2		0,005 (янв.-окт.)	
Находка (РФ)	20,7		3,57 (янв.-окт.)	
Владивосток (РФ)	15,3		710 (янв.-окт.)	300 ≈ 400

* По неизвестной причине не включен в официальный список Топ-100 морских портов по грузообороту, составленный World Shipping Council

Вторая составляющая морской транспортной системы – это порты. В таблице 2 приведены некоторые статистические данные за 2014 год по основным морским портам СВА и, для сравнения, ДВ России.

Среди морских портов в СВА существует серьезная конкуренция. В борьбе за грузооператоров портовые власти стремятся максимально ускорить процедуры оформления и обработки грузов, снизить время пребывания судов в порту, повысить безопасность транспортно-логистических процессов за счет внедрения технологий спутникового мониторинга, упреждающего декларирования грузов и т.п. При достигнутых впечатляющих показателях по объему обрабатываемых грузов владельцы ведущих портов СВА могут позволить себе строительство самых современных погрузочно-разгрузочных терминалов, масштабные дноуглубительные работы. Хорошим примером здесь является крупнейший южнокорейский порт Пусан. В свою очередь, на работу морских портов и, соответственно, всей морской транспортной системы большое влияние оказывают проблемы интермодальности – узким местом становится доставка грузов по суше до портовых терминалов и отгрузка входящих грузов потребителям. Наибольшие проблемы здесь испытывают грузооператоры северо-востока КНР и восточного побережья Республики Корея (см. выше о проблеме порта Пхохан).

По статистическим данным и с учетом характера обрабатываемых грузов порты ДВФО выглядят вполне адекватно. Однако на сегодняшний день всерьез говорить об их интеграции в региональную транспортно-логистическую систему СВА, ориентированную на экспорт контейнерных грузов, не приходится. Основные проблемы здесь – большое время обработки и оформления грузов в российских портах, отсутствие специализированных компьютерных терминалов большой вместимости, сложность и высокая стоимость грузового транзита по территории РФ наземным транспортом.

Существенно лучше складывается ситуация в области экспорта российского энергетического сырья в страны СВА по морю. Здесь уже можно говорить о реальной интеграции российского компонента в региональные транспортно-логистическую, судостроительную и энергетическую системы. Успешно реализуются международные проекты по добыче углеводородов на шельфе о. Сахалин, его переработке и доставке потребителям в странах СВА через терминал Пригородное (Корсаковский район Сахалинской области). В ближайшее время на полную мощность заработает арктический порт Сабетта (п-ов Ямал), значительная часть отгружаемого с него сжиженного природного газа будет доставляться российскими судоходными компаниями

в страны СВА по восточному участку СМП. Налажена производственная кооперация между российскими и корейскими партнерами в области строительства судов с высоким арктическим классом для перевозки углеводородного сырья и обслуживания шельфовых объектов нефтегазодобычи.

Таким образом, в сфере морского транспорта имеются хорошие предпосылки и наработки к развертыванию новых масштабных проектов сотрудничества между РФ и сопредельными странами СВА. Но для успеха таких проектов необходимо понять и учесть позиции и приоритеты всех потенциальных участников.

Вначале о *региональных / трансграничных инициативах* в СВА, имеющих непосредственную связь с транспортом и логистикой. В последние годы таких инициатив выдвигалось много. Если отбросить заведомо невыполнимые или нерентабельные (например, строительство туннеля под Беринговым проливом, моста через пролив Лаперуза, примыкающей к Транссибу железнодорожной ветки через горы Сихотэ-Алинь с конечным пунктом в глубоководном порту Терней и др.), заслуживают внимания следующие пять проектов.

1. Стратегия «*One Belt, One Road*», выдвинутая руководителем КНР Си Цзиньпином осенью 2013 г. [3]. Это, пожалуй, наиболее амбициозный мегапроект XXI века в мире. Его цель – радикальная модернизация существующих и создание новых транспортно-логистических маршрутов между Восточной Азией и Европой – «Великого Шелкового пути XXI века», а также строительство качественно новой индустриальной, социальной и интеллектуальной инфраструктуры в районах прохождения трансконтинентальных транспортных коридоров. Неотъемлемой частью инициативы должен стать «Морской Шелковый путь», подразумевающий в том числе создание международной морской транспортной системы в Арктике, которая позволит сократить время в пути до европейских грузополучателей в полтора раза по сравнению с традиционным южным маршрутом через Индийский океан – Суэцкий канал.

Однако инициативу «*One Belt, One Road*» не стоит воспринимать как готовый проект трансрегионального сотрудничества с утвержденными параметрами и контрольными сроками исполнения. Это, скорее, рамочная концепция, подкрепленная механизмами финансово-экономического стимулирования. Но наполнять ее конкретным содержанием должны заинтересованные представители бизнеса, некоммерческие организации, научно-образовательные учреждения Китая, России, стран Центральной Азии, Ближнего Востока и Европы. И пока это наполнение происходит не слишком быстрыми темпами.

2. Сказанное в предыдущем абзаце можно отнести и к «*Евразийской инициативе*» президента Южной Кореи Пак Гын Хе, обнародованной параллельно с китайской, в октябре 2013 года. «Евразийская инициатива» декларирует необходимость сплотить страны одноименного континента для мирных обменов и совместного процветания. В качестве основных способов достижения единства Евразии Пак Гын Хе предложила воссоединение логистических сетей и преодоление физических барьеров, препятствующих обменам, создание евразийской энергетической сети, совместное развитие креативной / инновационной экономики, расширение культурных и гражданских обменов, укрепление мира на континенте, либерализацию торговли и инвестиций в регионе в целях создания Евразийского экономического блока. Что касается конкретных проектов, Пак Гын Хе говорила о необходимости создания «железного Шелкового пути» от порта Пусан на юге Корейского полуострова через КНДР, Россию, Китай и Центральную Азию до Европы посредством соединения железных и автомобильных дорог. Упомянула она и о заинтересованности в участии РК в освоении Северного морского пути.

Что касается практического претворения в жизнь, то у южнокорейской инициативы достижений еще меньше, чем у «One Belt, One Road». В очередной раз обострившаяся обстановка из-за продолжения ракетно-ядерной программы КНДР вынудила Сеул заморозить наметившийся было межкорейский диалог, без чего планировать серьезные транскорейские логистические и инфраструктурные проекты не имеет смысла. Кроме того, к концу президентского срока у Пак Гын Хе возникли серьезные внутривнутриполитические проблемы, из-за которых внимание ее администрации к Евразийским делам отошло на второй план. В то же время необходимо отметить, что в 2014 – 2015 гг., реализуя концепцию «Евразийской инициативы», Республика Корея и Российская Федерация смогли создать существенный задел по сотрудничеству в области морского транспорта, в том числе по модернизации портовой и обеспечивающей инфраструктуры на СМП и в приполярных дальневосточных морях.

3. «*Расширенная Туманганская инициатива*» (РТИ) с участием России, Китая, обоих Корейских государств, Монголии и Японии с переменным успехом ведет свою историю с 1991 года. Цель РТИ – содействие экономическому развитию в небольшом участке территории в дельте реки Туманган (Туманная), где сходятся границы трех стран – России, Китая и Северной Кореи, и, посредством этого, политическому и социально – культурному сближению. У РТИ были взлеты и падения, отдельные страны то входили в нее, то де-

монстративно выходили (КНДР), особых практических результатов, казалось бы, РТИ не достигла. Однако сама по себе идея многостороннего экономического сотрудничества в данном районе, небольшом по площади, но исключительно важном с точки зрения экономической географии, слишком важна, чтобы от нее можно было отказаться. Упрощенно эту важность можно охарактеризовать следующим образом: в северо-восточных провинциях Китая и в Монголии имеется грузовая база объемом 50–70 млн т в год только по экспорту, отправить которую через существующую транспортно-логистическую инфраструктуру очень сложно и дорого. Трансграничный транзит этих грузов через порты юга Приморья и Рачжин – Сонбонской свободной экономической зоны КНДР стал бы мощным фактором комплексного развития всего субрегиона. Запуск транскорейских экономических проектов (транскорейская железнодорожная магистраль, магистральный газопровод из России в Южную Корею, единое энергетическое кольцо бассейна Японского моря) позволил бы радикально снизить напряженность на Корейском полуострове и постепенно интегрировать КНДР в региональное экономическое и политическое пространство [6].

Для России участие в проектах под эгидой РТИ представляет большой интерес. Непосредственный – поскольку уровень экономического, инфраструктурного и социально-культурного развития Хасанского района Приморского края, входящего в зону РТИ, совершенно не соответствует его огромному, но нереализованному потенциалу. Опосредованный – опираясь на механизмы партнерства в рамках РТИ, можно продвинуть другие важнейшие для всего ДВ ФО экономические проекты, в том числе связанные с СМП.

4. Россия имеет несколько двусторонних транспортно-логистических проектов с КНР, прежде всего – это трансграничные коридоры «Приморье-1» и «Приморье-2» [4]. «Приморье-1» реализован на базе железнодорожного и автомобильного погранпереходов Пограничный – Суйфыньхэ с дальнейшим транзитом китайских грузов на Уссурийск (выход на Транссиб) и портовый узел Находка – Восточный. Коридор «Приморье-2» соединяет китайский г. Хуньчунь с погранпереходом Краскино, портами Зарубино, Славянка, Посьет. По замыслу, в дальнейшем этот коридор должен обеспечить прямой выход грузооператоров, туристических компаний и пр. на Владивосток. Общими проблемами для данных коридоров является крайне низкая пропускная способность, обусловленная слабой инфраструктурой в пунктах пропуска на российской территории, проблемами железнодорожной сети на примыкающих к Транссибу участках пути (Гродеково – Уссурийск, Хасан –

Барановский, Угловая – Находка – Восточный Порт) и затягиванием реконструкции автодороги Артем – Находка.

Создается впечатление, что российские власти не спешат подключаться к активной работе в рамках РТИ из опасений, что тем самым будет причинен ущерб работе транспортных коридоров «Приморье-1» и «Приморье-2», на которые возлагаются большие надежды. Однако при этом работы по развитию коридоров продвигаются крайне медленными темпами, что снижает интерес к ним со стороны наших зарубежных партнеров. Достигнутые весьма слабые результаты по грузообороту трансграничных коридоров, при этом особенно плачевно обстоит дело с перевозкой контейнерных грузов. В любом случае, в предлагаемом ныне формате коридоры даже при самом благоприятном стечении обстоятельств не смогут пропустить и 10% от имеющейся уже сейчас в КНР и Монголии грузовой базы. Нужны радикальные меры, которые пока российской стороной не предложены.

5. Закон «О свободном порте Владивосток» от 13.07.2015 № 212-ФЗ формально является сугубо национальным законодательным актом, однако его положения способны серьезным образом содействовать увеличению инвестиционной привлекательности российской транспортно-логистической системы для бизнеса из стран СВА, особенно в плане организации транзита экспортных грузов через российскую территорию. К сожалению, за прошедшие полтора года закон как следует ещё и не заработал. Бюрократические процедуры при разработке подзаконных актов и ведомственных документов девальвируют заложенный в законе потенциал, приводя к снижению интереса со стороны заинтересованных зарубежных инвесторов.

В целом, содержание вышеперечисленных инициатив / проектов в достаточной мере раскрывает приоритеты и специфические интересы в области транспорта и логистики как со стороны Российской Федерации, так и наших дальневосточных партнеров. Несколько особняком стоит Япония, которая в последнее время не выдвигала каких-либо амбициозных инициатив в данной сфере. Однако о позиции Токио можно судить по проявленной заинтересованности в освоении арктических маршрутов коммерческого судоходства, в проектах нефтегазодобычи на континентальном шельфе северных морей. На более низком уровне японский бизнес периодически отмечается проектами строительства и реконструкции портовых терминалов на ДВ России, прочей логистической инфраструктуры. Безусловно, привлекательными для японской стороны были бы любые реалистичные проекты по ускоренной доставке транзитных грузов через территорию России или прилегающие

морские пути, особенно по созданию регулярных судоходных линий через Японское море.

В завершение, можно попробовать сформулировать российские интересы и приоритеты в данной сфере и дать рекомендации по их обеспечению при реализации совместных транспортно-логистических проектов со странами СВА.

Первое, основной и главный приоритет РФ – повышение качества жизни на территории ДВФО, создание здесь новых высокооплачиваемых рабочих мест, чтобы прекратить отток экономически активного населения и возобновить комплексное освоение этого богатейшего региона. Область транспорта и логистики является одной из наиболее перспективных для решения этой задачи, возможно, даже более эффективной, чем добыча природных ресурсов.

Второе, не стоит опасаться евразийских мегапроектов, продвигаемых нашими соседями. Объективная логика подсказывает, что Россия не проиграет, а выиграет, если в районе от Гималайских гор до Урала начнется осуществление масштабных инфраструктурных и транспортных проектов. При этом не следует забывать о том, что Транссиб и другие транспортные магистрали на территории России могут быть реконструированы за счет финансово-инвестиционных ресурсов евразийских инициатив.

Третье, целесообразно напрямую привлекать зарубежные строительные компании для расширения автодорожной сети и модернизации устаревших участков железной дороги, являющихся узкими местами в транспортно-логистической системе ДВФО. Надо понимать, что наиболее приемлемо для всех сторон делать это в рамках международных проектов, типа РТИ.

И последнее. Главным ресурсом и козырем Москвы в этой сфере на ближайшую перспективу является СМП. Здесь мы имеем два компонента из трех – возрастающую потребность в доставке каботажных грузов в районы Крайнего Севера и побережья Северного Ледовитого океан, а также стартовавшие коммерческие перевозки углеводородного сырья по трассам СМП в страны СВА. Остается сложная, но выполнимая задача – обеспечить регулярные транзитные морские перевозки контейнерных грузов из стран Азии в Европу и обратно. Россия имеет для этого ледокольный флот, огромный практический опыт арктического плавания и подготовленные кадры. С решением этой стратегической задачи бюджет РФ получит гарантированный долговременный источник наполнения.

Литература

1. Ленский И. Экспрессы по всем азимутам. Гудок (9 ноября 2015).
2. Пазовский В.М. Северный Морской Путь: Оценки Зарубежных Экспертов // ЭКО, том 8. 2001. С. 2-10.
3. Севастьянов С. Интеграционные проекты Китая в АТР и Евразии / С. Севастьянов // Мировая экономика и международные отношения. 2016. № 4, т. 60. С. 5-12.
4. Sevastianov S. Russo-China political, economic and security relations: a view from Vladivostok // In «Dynamics of new regional order in Northeast Asia: perspectives from Seoul and Vladivostok», ed. by Sergei Sevastianov and Ik Joong Youn. Vladivostok, 2016. P. 26–36.
5. Smirnov S.M. The Current Status and Prospect of Logistics in the Arctic Seas and FE Area in Russia. Abstracts of Papers, International Conference on Arctic Vision, Busan, November 21, 2014. P. 65-74.
6. Trans-GTR Transport Corridors: Financing Infrastructure Development (2014). By Greater Tumen Initiative. 61 pp. [Electronic resource] URL: <http://tumenprogramme.org/UploadFiles/2014-07/Financing%20Options%20GTR%20Transport%20Infrastructure.pdf>

Часть III. РОССИЯ И ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА

Глава 8. Военное измерение политического процесса Восточной Азии: вызовы для России

(А.В. Губин)

Климат военной безопасности «Большой Восточной Азии»

Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР) постепенно становится центром мировой политики, сконцентрировав также значительную часть глобального мирового хозяйства. Новые региональные процессы становятся стимулом трансформаций в выделяемой некоторыми исследователями в отдельный макрорегиональный комплекс «Большой Восточной Азии» (Северо-Восточная и Юго-Восточная Азия, Центральная и Южная Азия) что оказывает существенное влияние на глобальный политический процесс [6, с. 6].

С экономической точки зрения, «Большая Восточная Азия» уже превратилась в ключевой макрорегион мира – именно здесь сконцентрировалось основное промышленное производство. Однако с политической точки зрения, регион не является единым, и Соединенные Штаты пока остаются важным актором, обладающим значительными возможностями для корректировки внешнеполитических курсов стран макро-региона [22].

Долгое время в АТР существовала ярко выраженная дихотомия по линии «Север-Юг», однако к началу XXI века в Юго-Восточной Азии обстановка стабилизировалась, страны не угрожают друг другу в военном отношении – сложился режим безопасности на основе АСЕАН. Также ввиду процессов демократизации в странах ЮВА и успешного опыта борьбы с терроризмом и экстремизмом несколько снизился потенциал конфликтности во внутренней политике государств. Ряд исследований говорит о формировании единого с Северо-Восточной Азией Восточноазиатского комплекса безопасности [23, с. 7-19].

В рамках данной статьи затронута проблематика скорее Восточной Азии, нежели всего АТР, прежде всего, ввиду затруднённости объединения процессов в СВА и ЮВА с процессами в Океании или Латинской Америке. В повествовании присутствуют и два внерегиональных игрока – США и Индия, как оказывающие значительное влияние на повестку безопасности в Восточной Азии. Оперирование термином «Индо-тихоокеанский регион» представляется преждевременным ввиду его неопределённости и политической ангажированности. Так же за рамками работы осталась весьма важная проблематика воен-

но-политического сотрудничества, включая маневры (этой тема раскрыта в главе А. Голобокова), и косвенного участия вооружённых сил государств региона в ряде конфликтов, как требующая отдельного внимания.

Современное военно-политическое положение в АТР характеризуется ограниченной стабильностью. Очевидно, что, несмотря на интенсификацию многосторонних процессов по укреплению безопасности и снижение внутренней конфликтности в большей части государств, растёт потенциал межгосударственной напряжённости ввиду экономической конкуренции, обострения территориальных споров, и стремления расширить сферу влияния.

Несмотря на интенсификацию многосторонних процессов по укреплению безопасности, конфликтный потенциал региона растет. Основные государства региона, так или иначе, вовлечены в три «холодных» конфликта чрезвычайной степени опасности с точки зрения военных потенциалов вовлечённых сторон – «корейский», «тайваньский» и «курильский». Последний, лишенный прямой риторики военного противостояния, тем не менее, затрагивает обладающую ядерным оружием Россию, имеющую серьезный военный потенциал Японию и её союзника – США. Негативный эффект сегодня даёт и возрастание локальной напряжённости в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях, которая имеет тенденцию к интернационализации. Некоторое влияние на безопасность оказывает также традиционная китайско-индийская конкуренция.

В регионе, по данным неофициального рейтинга «Глобальной военной мощи», расположено пять из десяти государств мира с наиболее мощными вооруженными силами, которые к тому же наращивают свой потенциал [36].

Следует учитывать, что Восточная Азия сегодня фактически существует и в условиях «ядерного плюрализма», поскольку ядерным оружием (ЯО) обладают борющийся за глобальный статус Китай, проводящая новую «тихоокеанскую политику» Россия, испытывающие кризис лидерства США, а также КНДР, для которой ядерный статус – единственная гарантия безопасности. Обладание ядерным оружием Индией и Пакистаном напрямую не угрожает ситуации в АТР, однако обостряет китайско-индийские противоречия и создаёт необходимость по укреплению мер контроля над ЯО в политически нестабильном Пакистане. Также три актора (Япония, Южная Корея и Тайвань) обладают способностью быстро приобрести ядерный статус, если стратегическая ситуация станет угрожать интересам существования государства [24, с. 491]. Несмотря на популярное утверждение, что ядерное сдерживание как предотвращение каких-либо действий потенциального

противника угрозой применения ЯО – это политика мирного времени, призванная повысить степень безопасности [5], его верность для АТР все же сомнительна именно ввиду множества участников и отсутствия прямого противостояния между ними.

Вместе с тем существуют мнения, что в обозримой перспективе ни одно государство не будет в состоянии достигнуть комплексного доминирования в регионе. Даже у Китая сегодня не хватит для этого ни материальных ресурсов, ни цивилизационно-культурной привлекательности, кроме того в Восточной Азии слишком много сильных государств, а также велико влияние внерегиональных участников [33, с. 174].

По мнению ряда экспертов, в ближайшие 5-10 лет ситуация в АТР может существенно дестабилизироваться, если не принять срочных мер по созданию единой и надёжной системы безопасности. Вместе с тем, это крайне сложно сделать ввиду полярности интересов стран региона [27, с. 22]. Фактически в АТР в условиях отсутствия универсальных переговорных механизмов и мер доверия формируются несколько «центров силы». Можно утверждать и об уверенности восточноазиатских государств в собственной уникальности и невозможности применить европейский опыт «коллективной безопасности» к тихоокеанским реалиям.

Текущая обстановка в сфере безопасности в восточноазиатских морях, где происходит борьба за обладание островами и контроля над морскими пространствами между «великими державами» с вовлечением малых и средних напоминает «пороховую бочку Европы» – Балканы начала XX века. На первый взгляд, действительно, Китай переживает подъем, Япония перевооружается, а Соединенные Штаты «перебалансировались» на Азию. Однако на самом деле вероятность войны великих держав в регионе крайне мала. Анализ каждого из возможных сценариев такого конфликта отчетливо показывает, что ни одна страна АТР не заинтересована в нарушении сложившегося status quo – и меньше всего к этому стремится Китай [2].

Китай сегодня является наиболее значимым региональным игроком, способным спровоцировать военный конфликт, вероятно, однако он не заинтересован в войне, способной существенно подорвать его экономический потенциал и вызвать внутривнутриполитические потрясения. Как полагает американский политолог Э. Люттвак, КНР может решиться на военные действия только в ответ на применение Соединёнными Штатами стратегии «геоэкономического удушения». Превентивные же удары со стороны США представляются аналитику не слишком вероятными [39, с. 46]. Ситуация десяти-

летней давности представлялась более опасной ввиду недостаточной политической зрелости пекинского руководства в то время и склонности прибегать к линейному силовому ответу на любую угрозу своим интересам.

Стоит отметить, что и «перебалансировка» США в АТР, провозглашённая администрацией Б. Обамы, после прихода к власти Д. Трампа может претерпеть существенные изменения. Так, в ходе предвыборной кампании, он неоднократно заявлял о необходимости увеличения доли союзников США в финансировании мероприятий по поддержанию и укреплению безопасности. Токио и Сеул уже испытывают некоторые сомнения относительно будущего военного партнёрства с Вашингтоном на новых финансовых условиях.

Как считают некоторые аналитики, вероятность возникновения широкомасштабной войны в АТР очень низка. Регион не находится на грани катастрофы, а баланс сил достаточно устойчив, поскольку представляет собой скорее одностороннее подавляющее превосходство силы США над потенциальными соперниками [2].

В целом, в ближайшие 20 лет сложно говорить о возможности большой войны в Азии, несмотря на некоторую схожесть современной ситуации с событиями кануна Первой мировой войны. Сегодня в АТР нет явно противостоящих друг другу блоков и равных по силе «великих держав». Однако при сохранении имеющихся тенденций уменьшения американского влияния в Восточной Азии и «мирного роста» Китая, к 2030 году обстановка в АТР может существенно измениться вплоть до полного передела регионального «баланса сил».

Изменения в военной составляющей тихоокеанской стратегии США

Во второй половине XX века США начали широко использовать военное присутствие для создания на удалённых театрах военных действий группировок вооружённых сил для охраны коммуникаций, демонстрации мощи с целью защиты своих интересов и оказания поддержки союзникам. Передовое военное присутствие – более эффективное средство обеспечения национальной безопасности, чем дисклокация войск на американском континенте и их развертывание за рубежом в случае кризисов и конфликтов [13, с. 99-118]. Основой для реализации политики в этой области стал «Глобальный план перебазирования» (Global Posture Review), представленный в 2004 году. Суть его сводится к сокращению зарубежных военных баз с полным комплектованием и увеличению количества небольших операционных баз, а также и их географического охвата. В условиях необходимости экономии США активно используют

такие формы присутствия как «нахождение с миссией» и «ограниченный доступ». Первое – это постоянные американские военные миссии в разных странах, которые по своим характеристикам не квалифицируются как передовое военное базирование, но вносят свой вклад в общее присутствие США за границей. «Ограниченный доступ» – каналы влияния, которые страна устанавливает посредством участия в двусторонних и многосторонних военных учениях, визитах, консультациях и прочих мероприятиях [15, с. 83-87].

В современных условиях, когда картина мира меняется с однополярной на многополярную, у американского руководства растёт понимание невозможности обеспечения лидерства только за счёт стратегических ядерных сил. В этой связи часть функций сдерживания перекладывается на обычные вооружения.

В документе «Основные положения стратегии национальной безопасности США в 2010 г.» говорится о необходимости развития систем противоракетной обороны и высокоточных систем оружия для достижения военно-политических целей как глобального, так и регионального характера [25, С.515-531]. «Национальная военная стратегия», опубликованная в 2011 году, делает акцент на технологиях создания сверх- и гиперзвуковых неядерных ударных средств большой дальности; ударных беспилотных аппаратов и т.д. При этом внимание уделяется средствам как воздушного, так и морского базирования [16, с. 8-11].

В начале XXI в. Пентагон приступил к полномасштабной реализации концепции «Глобальный удар», которая подразумевает наличие вооружений, способных поразить цель в течение часа с момента принятия решения президентом. В 2003 году ВМС США запустили программу «Инициатива по улучшению эффективности» ради создания неядерных высокоточных боевых частей для баллистических ракет «Трайидент». Среди американских экспертов распространено мнение, что размещение на одной лодки ракет в ядерном и неядерном оснащении может привести к ядерной войне, так как при запуске ракеты будет сложно идентифицировать. По этой причине в настоящее время реализуется программа по созданию неядерных баллистических ракет средней дальности (до 3 500 км) для оснащения ими БРПЛ класса «Огайо» (до 66 боеприпасов). Принятие на вооружение возможно до 2020 года [11, с. 8-11].

К началу XXI века характер боевого применения ВМС США претерпел существенные изменения в связи с переориентацией на ведение операций в приморских и прибрежных районах. При этом особую значимость приобрели

рели авианосные соединения и ударные группы (АУГ). Сегодня они выступают в роли передового эшелона, обеспечивают блокаду, а также защиту судоходства. Командование ВМС намерено и в дальнейшем использовать господство в воздухе и на море, нацеливая силы флота и морскую пехоту на поражение наиболее важных объектов и систем противника: систем управления, объектов ПВО, скоплений войск и военной техники, административно-политических органов, значимых экономических единиц.

Ожидается, что к 2030 году характер использования АУГ изменится благодаря развитию информационных технологий. Удар будет наноситься двумя эшелонами – прорыва ПВО и поражающего, при этом широко будут использоваться БЛА, крылатые и гиперзвуковые ракеты, а временной интервал между эшелонами будет практически отсутствовать. Основным инструментом останутся ударная палубная авиация и боевые корабли, оснащенные крылатыми ракетами. При этом применение АУГ будет связано с использованием моря как пространства для маневра при переносе действий объединенного оперативного формирования на сушу; проведением операций в стремительном темпе; интеграцией всех сил, средств и возможностей для минимизации усилий и потерь [3, с. 79-83].

В современной американской военной стратегии упор делается также на экстренное массированное развертывание ударных сил флота, важным элементом которых являются амфибийные силы, основная задача которых – проведение десантных операций с моря. Боеготовые амфибийные группы в составе десантных кораблей, сил поддержки и средств высадки обеспечивают передовое военное присутствие и поддерживают оперативный режим в заданных районах. В 2011 году командование ВМС США вернулось к идее доктрины полномасштабных операций на новой элементной базе. Форсируются программы строительства универсальных десантных кораблей «Уосп», десантно-вертолетоносных кораблей-доков «Сан-Антонио», морских транспортных судов, начато строительство новых атомных авианосцев типа «Джеральд Форд», УДК типа «Америка», боевых кораблей прибрежной зоны, массово обновляется парк самолетов и вертолетов авиации ВМС и КМП, модернизируются морские и воздушные средства высадки десанта [30, с. 67-72].

Как представляется, при сохранении тенденций и темпов развития систем и средств боевого управления, разведки, электронного и кибер-противодействия ВМС США будут способны действовать в едином информационном поле с другими видами вооруженных сил не только США, но и их союзников. Взаимодей-

ствии упрощается также ввиду значительной унификации систем вооружений Японии, Республики Корея, Австралии с американскими.

По замыслу Пентагона, силы и средства противоракетной обороны морского базирования должны обеспечить возможность быстрого реагирования на возникающие ракетные угрозы. Предусмотрено их оперативное развертывание в любом регионе мира сообразно степени опасности для борьбы с баллистическими ракетами средней и малой дальности. С повышением технологического уровня корабельных средств станет возможен и перехват ракет большой дальности, включая МБР и БРПЛ.

Первоначально в состав морского компонента ПРО предполагалось включить 18 боевых кораблей: три крейсера «Тикоденрога» и 15 ЭМ «Орли Бёрк». Однако в связи с неопределённостью планов по размещению противоракет шахтного базирования в Европе, вероятно, численность и возможности корабельной группировки будут увеличены. При этом морской компонент должен быть способен как обеспечивать ПРО ТВД, так и создать первый рубеж отражения удара по США баллистическими ракетами большой дальности [21, с. 74-78].

Ожидается, что к 2020 году в составе ВМС США будет до 40 кораблей, способных решать задачи ПРО. Для этих целей могут использоваться и десантные корабли «Сан-Антонио», имеющие вдвое большую вместительность средств поражения. По оценкам 2013 года на ВМБ Перл-Харбор, Йокосука, Сан-Диего было размещено 16 боевых кораблей, ориентированных на задачи ПРО [21]. Сегодня их вряд ли более двадцати.

Большая часть противоракет способна перехватывать тактические и оперативно-тактические ракеты на расстоянии до 300 км, однако США совместно с Японией активно работают над созданием вариантов ракет «Стандарт» с дальностью перехвата 1000 км и расширенными возможностями поиска, распознавания и маневрирования [15, с. 131-133]. В марте 2013 года министр обороны США Ч. Хэйгел объявил о приостановке планов создания новых систем ПРО морского базирования в связи со сложностями технического и финансового характеров [42]. По этой причине возможно некоторое замедление развертывания американских систем ПРО морского базирования. Также неопределенной остается ситуация с реализацией ранее объявленных планов по направлению 60% всех американских боевых кораблей и подводной лодок, включая несущих ядерное оружие, в Азиатско-Тихоокеанский регион. Первоначально, будучи кандидатом в президенты, Д. Трамп подтверждал свою приверженность линии на усиление возможно-

стей ВМС, однако потребуется некоторое время, чтобы оценить реальность американских намерений.

Можно отметить, что, несмотря на мощный дестабилизирующий потенциал боевых средств ВМС США и агрессивный характер стратегии их использования, реальное значение Вашингтона в азиатско-тихоокеанских делах постепенно уменьшается. Этому способствует рост внутренних проблем в США, обострение кризисных ситуаций на Ближнем Востоке и Европе, намерения Китая по пересмотру региональной системы безопасности в Восточной Азии.

Региональный рынок вооружений – наращивание и модернизация

В начале XXI века Азиатско-Тихоокеанский регион превратился в крупнейшего покупателя оружия и военной техники, обогнав даже традиционно «горячий» Ближний Восток. При этом на объемы закупок практически не влияют последствия экономических кризисов – политические соображения заставляют государства региона «держаться в тонусе». Даже в тяжелые для мировой экономики 2000-2003 гг. страны АТР приобрели оружия на 35,4 млрд долл. [37]. Учитывая размеры региона и высокую покупательскую способность стран, ввиду неизменного роста их ВВП в последние 15 лет, АТР стал критически важным рынком для ведущих производителей вооружений – США, Евросоюза, России и Израиля. Влияют на обстановку в регионе и такие внешние явления, как усиление Индии и пиратство в Аденском заливе.

По данным авторитетного издания Jane's, за 2008-2012 гг. общемировой объем торговли оружием вырос на 30% и составил 73,5 млрд долл., причем к 2020 году эта цифра может удвоиться [32]. Подобный рост достигнут как раз за счёт повышения доли таких государств, как Китай и Индия, в структуре мировой торговли оружием, при этом, предполагается, что доля США к 2021 году составит 30%, а других стран АТР – 31%.

Ввиду постепенного сокращения оборонных расходов, Вашингтон в 2021 году сможет выделить на военные нужды не более 472 млрд долл., тогда как совокупный военный бюджет тихоокеанских государств превысит 501 млрд долл. [29]. По данным СИПРИ, рост расходов на вооружения держится возле максимальных значений – в 2012 году соответствующие траты составили 1,75 трлн. долларов, что на 0,5% меньше, чем в 2011 году. Несмотря на падение расходов, в реальном исчислении они выше военных расходов стран мира на пике «холодной войны».

Баланс на мировом на рынке вооружений постепенно меняется в сторону АТР. Отчасти это объясняется наличием нескольких серьезных конфликтов, таких как: «ядерная проблема» на Корейском полуострове, японо-китайский спор об островах Дьяоюйдао/Сенкаку, многосторонний конфликт вокруг архипелага Спратли и др. Существует также определённая конкуренция между Индией и Китаем, Японией и Китаем, Китаем и Вьетнамом, Японией и Республикой Корея, Таиландом и Камбоджей, Индонезией и Малайзией и т.д. Более того, практически все региональные государства либо являются «великими державами» *ipso facto* (США, Китай, Россия), либо стремятся стать равными им в недалеком будущем (Япония, Республика Корея).

Исходя из «пространственного измерения интересов» ни одна нация региона не может чувствовать себя в полной безопасности, а это, в свою очередь, стимулирует «гонку вооружений» в регионе. При этом растёт не только количество приобретаемых боевых систем, но и повышается их качество. В скором времени, по мнению специалистов, США и страны Западной Европы утратят технологическое превосходство, потому что в государства АТР для удовлетворения их растущих потребностей в современных системах придётся продавать более совершенную технику, которую они способны затем не только доработать, но и воспроизвести [31].

Страны-заказчики все более активно требуют от мировых поставщиков оружия также инвестирования в оборонную промышленность своих стран. Например, индийские власти, ведя переговоры о поставке компанией «Дассо авиасьон» 126 самолетов, выдвинули условие, что 50% всех работ и услуг, по заключенному контракту, будут выполнены индийскими компаниями [9]. И подобные требования по локализации производства и развитию смежных с «оборонкой» отраслей становятся все более популярными.

Можно констатировать, что ключевые государства Восточной Азии принимают меры по получению доступа к высоким технологиям: приобретают лицензии на производство, привлекают инвестиции на выгодных для инвесторов условиях, занимаются промышленным шпионажем. Вместе с тем, совершенно очевидно, что приобретение странами СВА совершенных систем вооружения приведёт к обострению классической «дилеммы безопасности», когда повышение безопасности одного участника достигается за счет другого, что порождает нестабильность среди соседних государств. Это существенно усложнит международную обстановку как в Северо-Восточной Азии, так и в АТР в целом, поскольку любой, даже самый незначительный

военный конфликт может обернуться колоссальными потерями в людских и материальных ресурсах, а также обрушить региональную систему хозяйства.

Традиционно считается, что экспорт оружия чаще всего используется как средство достижения военно-стратегических целей – укрепления партнёрских отношений, поддержки союзников, повышения степени взаимодействия с вооруженными силами тех или иных стран. Также военные поставки могут быть действенным инструментом демонстрации геополитического покровительства и даже гарантировать безопасность государства-реципиента [5, с. 172]. В этой связи, особую тревогу сегодня вызывает то, что производители в условиях роста конкуренции и падения спроса в других регионах стали более агрессивно бороться за поставки в АТР и предлагать практически все имеющиеся не только в наличии, но и в разработке системы вооружений и даже технологии и лицензии. Это стимулировало качественный скачок возможностей вооруженных сил стран региона и существенно повысило конфликтный потенциал Восточной Азии. Вооружённые силы тихоокеанских государств с начала XXI века постепенно приобретают новые возможности, в том числе нанесения ударов на дальние расстояния, незаметность, интегрированное командование, сообразно с так называемой концепцией C4ISR (Command, Control, Communication, Computers, Intelligence, Surveillance, Reconnaissance).

Отдельным вопросом является рост поставок вооружений из государств Восточной Азии за рубеж. Так Китай фактически использует инструменты военно-технического и военно-политического сотрудничества для расширения сферы собственного влияния. В свою очередь, Сингапур является интересным примером коммерциализации военно-технического сотрудничества, предлагая на экспорт высокотехнологичные, но доступные образцы артиллерийского вооружения, легкого и стрелкового оружия.

Потенциал российского военного экспорта в «Большой Восточной Азии»

В свете происходящих в АТР событий и с учётом приоритетов, озвученных в новой Концепции внешней политики России, особый интерес вызывают состояние и перспективы военно-технического сотрудничества нашей страны с ведущими тихоокеанскими игроками.

По информации Федеральной службы по военно-техническому сотрудничеству (ФСВТС), с точки зрения перспектив взаимодействия России со странами АТР государства региона условно делятся на три группы. К первой относятся страны, с которыми военно-техническое сотрудничество ведется дли-

тельный период на регулярной основе и со значительными объемами заключаемых контрактов (Индонезия, Малайзия, Мьянма). Ко второй группе можно отнести Бангладеш, Таиланд, Шри-Ланку, Сингапур, связи с которыми осуществляются в незначительных объемах. Третья группа представляет собой государства, с которыми сотрудничество практически отсутствует (Австралия, Новая Зеландия, Филиппины, Мальдивы, Бруней, Непал, Фиджи, Папуа-Новая Гвинея). Это вызвано как объективными причинами (недостаток средств, выделяемых на закупку вооружений и военной техники), так и сложившейся в указанных странах ориентацией на западных поставщиков продукции военного назначения [28]. При этом такие страны, как Китай, Индия и Вьетнам, могут быть выделены в группу «эксклюзивных партнёров», у которых Россия занимает первое место по поставкам практически всей номенклатуры вооружений и военной техники.

Вероятно, для наращивания объемов военно-технического сотрудничества Москве необходимо пересмотреть систему взаимоотношений с иностранными партнерами, в частности, перейти к совместной разработке высокотехнологичных вооружений, предусмотреть продажу технологий производства оружия, создавать лицензионное производство на территории иностранных государств. В регионе наиболее востребованными могут оказаться сторожевые корабли, инженерные системы, системы радиолокации, современное ракетное оружие. Между тем, опыт сотрудничества ВТС с КНР показывает, что передача российских технологий в итоге выливается в убытки ввиду склонности иностранных партнёров к «адаптированному воспроизведению». В этой связи требуется существенно ужесточить условия лицензионных соглашений, что, в свою очередь, снизит конкурентоспособность продукции. Помимо того, передача лицензий снижает объемы фактического экспорта, потому такой шаг желательно сопровождать заключением дополнительных контрактов на обслуживание и модернизацию систем, что также интересно не всем нашим партнёрам.

Более десяти лет Москва воздерживалась от передачи китайской стороне высокотехнологичной боевой техники ввиду склонности специалистов из «Поднебесной» к копированию. Вместе с тем, соглашения о поставках С-400 и Су-35 свидетельствуют об иной расстановке приоритетов – стратегический партнёр должен быть хорошо вооружён.

Доля России на рынке вооружений и военной техники стран АТР, по разным данным, составляет около 19-22%, доля США – 36-42%. Тем не менее, РФ планирует заключение крупных договоров на поставки вооружения и военной техники в страны региона, хотя, вопреки мнению некоторых ана-

литиков [26], работа на рынках Японии, Австралии и Тайваня представляется для Москвы все же крайне затруднительной.

Согласно данным Исследовательской службы Конгресса США, объемы фактических поставок российских вооружений странам Азии и АТР в 2007-2014 гг. составили 30,1 млрд дол. (по курсу 2015 г.). В указанный период Россия передала заказчикам из АТР 570 основных боевых танков и самоходных артиллерийских установок, 60 единиц артиллерии и реактивных систем залпового огня, 570 бронетранспортеров, боевых машин пехоты и бронемашин, пять крупных надводных боевых кораблей, 14 малых боевых кораблей, два ракетных катера, две подводных лодки, 220 реактивных боевых самолетов, 10 самолетов других типов, 320 различных вертолетов, 1710 зенитных управляемых ракет, 30 ракет класса "земля – земля", 260 противокорабельных ракет [14]. Из значимых сделок можно отметить контракт на поставку в Китай зенитно-ракетных систем С-400 «Триумф» на 3 млрд долл., а также соглашение с Индией на поставку снарядов для танковых пушек на 432 млн долл. [24].

Более 90% экспорта вооружений России в АТР приходится на Китай, Вьетнам, Индонезию и Малайзию. Поставки в другие страны региона носят эпизодический характер. При этом на ряде емких рынков, прежде всего Южной Кореи и Сингапура, продукция нашего ВПК практически не представлена. Как полагают специалисты, с постепенным сокращением поставок в Китай нам придется искать новые рынки сбыта. Поскольку возможность поставок готовых систем в страны, имеющие тесные отношения с США, маловероятна, то весьма перспективным вариантом военно-технического сотрудничества для РФ может стать совместная разработка систем вооружений [15].

Наибольшие перспективы по продвижению в страны АТР «Рособоронэкспорт» связывает с подводными лодками проектов 636 и «Амур-1650», фрегатами проектов 11356 и «Гепард-3.9», а также различными корабельными вооружениями, включая «Калибр» [14]. Свыше половины российского военного экспорта в страны АТР и соседнюю им Индию приходится на боевую авиацию. В этой связи наши позиции во многом будут зависеть от развития программ по созданию новых самолетов и модернизации существующих, включая строительство истребителя Су-35, истребителя пятого поколения ПАК ФА, учебно-боевых самолётов Як-130, вертолётов. Имеется существенный задел и по авиационному ракетному вооружению.

Согласно оценкам экспертов, негативные последствия для России будет иметь значительное сокращение военно-технического сотрудничества с Китаем в результате достижения им планируемой к 2020 году «самообеспе-

ченности» в вооружениях, а также с Индией, взявшей курс на развитие собственной оборонной промышленности. На экспортных возможностях России скажется и сокращение научно-технического задела в вооружениях после распада СССР, при этом разработка перспективных систем не всегда ведётся темпами, соответствующим требованиям рынка.

В этой связи нашей стране придётся не только искать пути увеличения поставок военной техники на рынки АТР, но и самим активно принимать на вооружение новейшие образцы, дабы не превратиться в «технологического аутсайдера», что может неблагоприятно сказаться на российской внешней политике в АТР. Стоит отметить, что санкционная политика со стороны США, стран ЕС и некоторых государств АТР (например, Японии или Австралии) практически не сказалась на наполненности портфеля заказов на российское оружие со стороны восточноазиатских государств и Индии. Более того, российско-китайские инициативы по созданию единого экономического пространства «Большой Евразии» могут привлечь дополнительных партнёров и в сферу военной безопасности.

Следует отметить, что в ряде случаев поставки российского оружия служат своеобразным умиротворяющим фактором в непростых отношениях между странами региона. Так, обладание Индией передовой российской авиационной и морской техникой служит фактором сдерживания Пакистана, равно как и придаёт действиям КНР в бассейне Индийского океана разумную осторожность. Перевооружение ВМС и ВВС Вьетнама так же может способствовать мирному разрешению его споров с Китаем в Южно-Китайском море.

Российское участие в региональной повестке по вопросам безопасности

Традиционно принято считать, что международные институты призваны содействовать установлению и поддержанию мира и процветания переговорными методами через сотрудничество, действуя на основе сформулированных и прецедентных норм. Вместе с тем, АТР отличается пёстрой картиной с точки зрения функционирования различных организаций, в ряде случаев с дублирующей компетенцией, что создает дополнительные проблемы во взаимодействии ключевых игроков, предпочитающих, в том числе и по этой причине, двусторонние форматы.

В отличие от Юго-Восточной Азии, институциональная архитектура в Северо-Восточной Азии характеризуется так называемой «организационной дырой» [34], и схему многостороннего взаимодействия только предстоит выра-

ботать. В СВА нет сложившихся, жизнеспособных многосторонних механизмов ни по политическим, ни по экономическим вопросам. В сфере политики и безопасности в качестве перспективной модели долгое время принимался формат Шестисторонних переговоров по северокорейской ядерной проблеме, который стороны предполагали развить до полноценной организации безопасности.

Говоря об архитектуре Восточной Азии в целом, нельзя не отметить определенной дихотомии между политикой и экономикой. Значительная часть экономической повестки китаецентрична, так как ключевые возможности для стран региона связаны с растущим потенциалом КНР. В свою очередь, инициатором обсуждения и решения вопросов безопасности в бассейне Тихого океана чаще являются США [38, с. 66-95].

Согласно ряду отечественных программных документов, включая Концепцию внешней политики Российской Федерации [20], АТР является одним из приоритетных направлений развития, как экономических связей, так и политического диалога. Одним из показателей возвращения России в регион стала активизация участия в различных форумах по вопросам безопасности. В 2003 году Москва присоединилась к механизму Шестисторонних переговоров по северокорейской ядерной проблеме, а в 2010 году Россия стала членом Восточноазиатского саммита (ВАС) наряду с США.

Москва традиционно склонна видеть в качестве идеальной модели регионального порядка многополярность, где мы занимаем ключевое место, ничем не уступающее Вашингтону, Токио и Пекину. В этом контексте Кремль регулярно подчеркивал значение Шестисторонних переговоров как не только дипломатического способа денуклеаризации КНДР, но и «механизма установления надежных политических и юридических гарантий безопасности в СВА» [19]. Россия также высказала пожелание реформировать Восточноазиатский саммит в открытую систему безопасности, которая могла бы объединить региональную повестку в данной сфере в целях развития стратегического диалога. Имеются определенные подвижки в установлении военных отношений со странами ЮВА, в том числе по линии Совета министров обороны стран АСЕАН плюс партнёров.

Опора на элементы силового давления в политическом и экономическом взаимодействии со странами АТР представляется дестабилизирующей и не отвечающей российским интересам. Вместе с тем, полезно развитие программ военно-технического сотрудничества со странами ЮВА, Китаем, Индией, поддержание диалога по вопросам безопасности с ведущими региональными акторами, проведение совместных учений, ненаправленных против какой-

либо третьей стороны. Также РФ может выступить инициатором формирования в СВА многостороннего механизма по разрешению конфликтов, основываясь, в том числе, и на опыте шестисторонних переговоров до их приостановки.

Современное положение России в АТР характеризуется относительно пассивным присутствием на многосторонних площадках и осознанным отсутствием четкой позиции по ряду вопросов региональной безопасности [10]. В этой связи, учитывая большую вовлеченность КНР в широкую повестку безопасности, для нашей страны представляются полезными более активные действия. Впоследствии данные шаги будут способствовать и укреплению безопасности на евразийском пространстве для реализации российских экономических и политических интересов. Как представляется, новая трансрегиональная организация в сфере безопасности может быть создана на основе Шанхайской организации сотрудничества, которая пока сосредоточена скорее на проблематике Центральной Азии.

Специфика военных угроз со стороны АТР для России

Современная ситуация в Азии, несмотря на некоторые аналогии с кануном Первой мировой войны в Европе, вряд ли обернется большой войной. Однако если игнорировать существующие противоречия, через 10-20 лет крупный конфликт вполне возможен.

Китай сможет бросить вызов американской гегемонии в случае, если ему удастся достаточным образом модернизировать вооружённые силы и уменьшить степень зависимости от западных рынков и морских путей доставки сырья. Вместе с тем, потенциала только Китая даже через 20 лет вряд ли будет достаточно для пересмотра существующего миропорядка, ему потребуется мощный союзник, которым может стать Россия.

Вероятно, основная борьба развернется на евразийском пространстве, представляющем сегодня «великую шахматную доску», куда можно включить Центральную, Южную и Восточную Азию, с их растущей взаимосвязью с событиями на Ближнем Востоке и в Европе. Россия, Китай и США остаются наиболее влиятельными игроками на всём евразийском пространстве. При этом политика США, как внерегиональной державы, отличается наибольшей провокационностью и направлена на одновременное сдерживание и России, и Китая. Согласно выражению норвежского социолога Йохана Галтунга, это «организованное взятие в клещи» (*coordinated pincer move*), направленное Вашингтоном и его союзниками сразу на два центра силы, представляющимися враждебными [35, с. 56].

Ряд западных аналитиков сомневается, что Вашингтону удастся противостоять столь солидным соперникам одновременно на несвойственном ему географическом пространстве [40], и вполне вероятно, что администрация избранного президента США Д. Трампа примет решение о смене приоритетов.

Россия обладает значительным историческим опытом присутствия на Тихом океане, а также имеет общие границы с Монголией, КНР, Японией, КНДР и США. Согласно Концепции внешней политики России 2013 года, «возрастающее значение приобретает укрепление позиции России в Азиатско-Тихоокеанском регионе, что обусловлено принадлежностью нашей страны к этому самому динамично развивающемуся геополитическому пространству...» [20]. Однако современный потенциал РФ, по оценкам, уступает потенциалу СССР в три раза. По синтетическому показателю потенциала силы и способности ее проецировать в пределах АТР Россия оказалась позади США, Китая и даже Японии. Военные возможности группировки ВС РФ на Дальнем Востоке меньше американских в 2,5 раза, а китайских – в 5 раз [4]. Это соотношение требует внимательного реагирования на возникающие кризисы и своевременного поиска путей развития отношений с восточноазиатскими государствами, в том числе в военно-политическом и военно-техническом измерениях. Помимо этого, существенное внимание уделяется руководством страны наращиванию и модернизации группировки вооружённых сил на Дальнем Востоке.

Концепция внешней политики РФ констатирует рассредоточение мирового потенциала силы и развития, его смещение на Восток, в первую очередь в АТР. При этом «принципиальное значение для России имеет общее оздоровление военно-политической обстановки в Азии, где сохраняется значительный конфликтный потенциал, наращиваются военные арсеналы, увеличивается опасность распространения оружия массового уничтожения. Россия последовательно выступает за урегулирование вовлеченными сторонами всех имеющихся разногласий политико-дипломатическими средствами при строгом соблюдении основополагающих принципов международного права» [20].

В Военной доктрине РФ 2014 года, «военная угроза» определяется в статье 8в как «состояние межгосударственных или внутригосударственных отношений, характеризующееся реальной возможностью возникновения военного конфликта между противостоящими сторонами, высокой степенью готовности какого-либо государства (группы государств), сепаратистских (террористических) организаций к применению военной силы (вооруженному насилию)» [8]. Согласно ст. 21з, в числе основных задач Российской Федерации по сдерживанию и предотвращению военных конфликтов – содей-

ствие построению в АТР новой модели безопасности, основанной на коллективных внеблоковых началах [8].

В силу объективных факторов главный источник угроз в сфере безопасности для России в АТР – американо-китайское противостояние в своем военно-политическом аспекте. Долгое время ключевым атрибутом национальной безопасности РФ было ядерное сдерживание. До сих пор наша страна оставляет за собой право «применить ядерное оружие...в случае агрессии против Российской Федерации с применением обычного оружия, когда под угрозу поставлено само существование государства» [8]. Достаточно популярной остаётся и концепция «неприемлемого ущерба» [1, с.24], который в современных условиях сложно оценить ввиду губительности масштабного применения военной силы государствами друг против друга. Однако ядерная мощь, по мнению ряда экспертов, может лишь частично компенсировать слабость в экономических и политических сферах, потому важно сосредоточиться на предотвращении так называемого «эскалационного доминирования» со стороны оппонентов в условиях кризиса [18, с. 220-223]. И если в российско-американских отношениях на глобальном уровне ядерное сдерживание по-прежнему является главным фактором стабильности, то в региональном аспекте оно лишь частично обеспечивает наши интересы.

Новая Военная доктрина РФ говорит о необходимости развивать военно-политическое сотрудничество с государствами – членами ШОС в плане координации усилий в интересах противодействия новым военным опасностям и военным угрозам на совместном пространстве согласно общим целям укрепления международной безопасности и стратегической стабильности на глобальном и региональном уровнях [8].

Главный партнёр в этом случае – Китайская Народная Республика. Концепция внешней политики РФ 2013 года подтверждает намерения России «продолжать наращивать всеобъемлющее равноправное доверительное партнерство и стратегическое взаимодействие с Китаем, активно развивать сотрудничество во всех областях». Отмечается, что совпадение принципиальных подходов двух стран к ключевым вопросам мировой политики рассматривается Россией в качестве одной из базовых составляющих региональной и глобальной стабильности. На этой основе Россия будет развивать внешнеполитическое взаимодействие с Китаем на различных направлениях, включая поиск ответов на новые вызовы и угрозы, решение острых региональных и глобальных проблем [20].

Примечательно, что военное присутствие США в Японии и РК, традиционно трактуемое как угрожающее российским интересам в СВА, в современном контексте так же воспринимается с точки зрения американо-китайского антагонизма. Военная деятельность Вашингтона представляется более опасной для Пекина во многом из-за отсутствия между ними ситуации взаимного ядерного сдерживания.

В условиях отсутствия прямой угрозы для безопасности России в АТР в качестве ключевых вызовов для Москвы в этой сфере можно выделить возможность дестабилизации региональной ситуации вплоть до военного конфликта, а также развертывание США и их союзниками системы ПРО. Военный конфликт в АТР, даже не будучи направленным против России, скорее всего, произойдет с участием Китая, что, несмотря на отсутствие союзнических обязательств, может потребовать нашего вмешательства с учётом особого характера двусторонних отношений.

Литература

1. Арбатов А.Г., Дворкин В.З., Пикаев А.А, Ознобищев С.К. Стратегическая стабильность после «холодной войны». М.: ИМЭМО РАН, 2010.
2. Бабонес, Сальваторе. Азиатско-Тихоокеанский регион стабильнее, чем принято считать [Электронный ресурс] // Российский Совет по международным делам: официальный сайт. 24 марта 2015 г. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=5496&active_id_11=68#top/
3. Баулин В. Перспективы боевого применения авианосных ударных сил ВМС США // «Зарубежное военное обозрение». 2012. №3. С. 79-83.
4. Бельский А.Н. Влияние силового потенциала на развитие Азиатско-Тихоокеанского региона // Военно-политическая ситуация в мире и безопасность России: сб. докл. под ред. Г.Г. Тищенко, В.Е. Новикова. М.: РИСИ, 2014. 124 с.
5. Битцингер Р. Распространение оружия и наращивание военных потенциалов в Азиатско-Тихоокеанском регионе: современные системы вооружений // Вызовы безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе: взгляд из России и США. – Владивосток, 2006
6. «Большая Восточная Азия»: мировая политика и региональные трансформации / под общ. ред. А.Д. Воскресенского. М.: МГИМО, 2010/
7. Брезкун С. Ядерное сдерживание: от Сталина до Путина [Электронный ресурс] // Национальная оборона. 2015, № 2 (февраль). URL:

<http://www.nationaldefense.ru/includes/periodics/geopolitics/2014/1223/125014765/detail.shtml>.

8. Военная доктрина РФ : Утв. 26.12.2014 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/41d527556bec8deb3530.pdf>.

9. Восток входит в гонку вооружений. // Военное обозрение. 2013. 2 июля [Электронный ресурс]. URL: <http://topwar.ru/30215-vostok-vhodit-v-gonku-vooruzheniy.html>.

10. Габуев А. Почему Россию не слушают в Азии по вопросам безопасности [Электронный ресурс] // Московский центр Карнеги: официальный сайт. 1 июня 2015 г. URL: <http://carnegie.ru/2015/06/01/ru-60259/i98x>.

11. Горячев Ю. Разработка перспективного стратегического неядерного вооружения США в рамках концепции «Глобальный удар» // «Зарубежное военное обозрение». 2012. № 5. С. 8-11.

12. Денисенцев С. Рынок вооружений стран Азиатско-Тихоокеанского региона [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам: интернет-сайт. 30 мая 2012 г. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=440#top.

13. Ермаков С.М. Американские вооруженные силы в Европе: от глобального базирования к глобальному присутствию // «Проблемы национальной стратегии». 2010. № 4. С. 99-118.

14. Каковы позиции России на рынке вооружений Азиатско-Тихоокеанского региона [Электронный ресурс] // ТАСС. 18.04.2016. URL: <http://tass.ru/armiya-i-opk/3215140>.

15. Карякин В.В. Военная политика и стратегия США в геополитической динамике современного мира. М.: Граница, 2016. 288 с.

16. Карякин В.В. Военно-политические стратегии США и угрозы для России. Аналитические обзоры РИСИ, 2014. Выпуск 2.

17. Карякин В.В. Современные кризисы и конфликты: особенности, сценарии развития и предотвращение // Проблемы национальной стратегии. 2014. № 4. С. 138-151.

18. Кокошин А.А. Политико-военные и военно-стратегические проблемы национальной безопасности России и международной безопасности. М.: ВШЭ, 2013.

19. Комментарий МИД России о развитии обстановки на Корейском полуострове и перспективах возобновления шестисторонних переговоров. 4 февраля 2011 года [Электронный ресурс] // Сайт МИД России. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/kr/-/asset_publisher/PR7UbfssNImL/content/id/220186.

20. Концепция внешней политики Российской Федерации: Утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 12 февраля 2013 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDEDDBF7DA644257B160051BF7F.

21. Крымов А. Планы Пентагона по развитию морского компонента глобальной системы противоракетной обороны США // «Зарубежное военное обозрение». 2013. № 8. С. 74-78.

22. Лунев С.И. Значение Большой Восточной Азии для укрепления позиций России [Электронный ресурс] // Высшая школа экономики: официальный сайт. URL: <https://www.hse.ru/data/2010/03/29/1217447887/Lunev.doc>.

23. Лукин А.Л. Теория комплексов региональной безопасности // Ойкумена: регионоведческие исследования. 2011. № 2. С. 7-19.

24. Россия занимает второе место на мировом рынке вооружений [Электронный ресурс] // ТАСС. 16.02.2016. URL: <http://tass.ru/armiya-i-oprk/2659526>.

25. Сидорин А.Н, Прищепов В.М., Акуленко В.П. Вооруженные силы США в XXI веке: военно-теоретический труд. М.: Военная книга, 2013. 800 с.

26. Суворин В.С. Россия и рынок оружия в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Мир и Политика. 2012. 5 ноября [Электронный ресурс]. URL: <http://mir-politika.ru/1899-rossiya-i-rynok-oruzhiya-v-aziatsko-tihookeanskom-regione.html>.

27. Тищенко Г.Г. Военно-политическая обстановка в мире и некоторые угрозы России / Военно-политическая ситуация в мире и безопасность России: сб. докл. / од ред. Г.Г. Тищенко, В.Е. Новикова. М.: РИСИ, 2014. 124 с.

28. ФСВТС: Россия намерена активно налаживать и развивать военно-техническое сотрудничество со странами АТР [Электронный ресурс] // ТАСС. 26.02.2013. URL: <http://tass.ru/politika/563076>.

29. Ходовой товар // «Взгляд». 2013. 25 июня [Электронный ресурс]. URL: <http://vz.ru/economy/2013/6/25/638660.html>.

30. Чертанов В. ВМС США – возрождение доктрины десантных операций // «Зарубежное военное обозрение». 2012. № 5. С. 67-72.

31. Aggressive Asian military spending driving global arms ‘explosion’ [Electronic resource] // The Washington Times. 2013. June 25. URL: <http://www.washingtontimes.com/news/2013/jun/25/aggressive-asian-military-spending-driving-global/>.

32. Asia-Pacific Arms spending to outstrip North America’s to 2021 [Electronic resource] // The Japan Times. 2013. June, 26. URL:

http://www.japantimes.co.jp/news/2013/06/28/asia-pacific/asia-pacific-arms-spending-to-outstrip-north-americas-by-21-analysts/#.Uh7Z_BDeL3E.

33. Buzan B., Waever O. *Regions and Powers: The Structure of International Security*. Cambridge. Cambridge University Press, 2003. 588 p

34. Calder, Kent, Min Ye. *The Making of Northeast Asia*. Stanford: Stanford University Press. 2010.

35. Galtung, Johan *Pax Pacifica: Terrorism, the Pacific Hemisphere, Globalization and Peace Studies*. London: Pluto Press – 2005, 170 p.

36. *Global Firepower Military Ranking* [Electronic resource]. URL: <http://www.globalfirepower.com/countries-listing.asp>.

37. Grimmett, Richard F. *Conventional Arms Transfer to Developing Nations, 1996-2003*. Washington, U.S. Congressional Research Service, August 26, 2004.

38. Kahler, Miles. *Regional Economic Institutions and East Asian Security*. In *The Nexus of Economics, Security and International relations in East Asia*. Ed. by Avery Goldstein and Edward D. Mansfield. Stanford, CA: Stanford University Press, 2012. P. 66-95.

39. Luttwak, Edward. *The Rise of China vs. the Logic of Strategy* (Cambridge, MA: The Belknap Press of Harvard University Press – 2012.

40. Mearsheimer, John. *Getting Ukraine Wrong* [Electronic resource] *The New York Times*. 13 March, 2014. URL: http://www.nytimes.com/2014/03/14/opinion/getting-ukraine-wrong.html?ref=opinion&_r=0.

41. Simes, Dmitri K. *nd the Winner in Ukraine Is...China* [Electronic resource] // *The National Interest*, 12 March 2014. URL: <http://nationalinterest.org/commentary/the-winner-ukraine-ischina-10034>

42. Weitz R. *US Missile Defence: Closing the Gap* [Electronic resource] // *World Affairs*. July/August 2013. URL: <http://www.worldaffairsjournal.org/article/us-missile-defense-closing-gap>.

Глава 9. Россия и международные военно-морские учения в Азиатско-Тихоокеанском регионе: интересы, задачи, перспективы

(А.С. Голобоков)

Кризис отношений с Западом ускорил так называемый «поворот России на Восток», под которым зачастую понимают увеличение присутствия России в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Одновременно с активизацией РФ в АТР, заметно возросла интенсивность деятельности российского военно-морского флота и за его пределами. В последние несколько лет Тихоокеанский флот России принимал участие в учениях с военно-морскими силами Китая, Индии, Индонезии, Азербайджана, Египта и т.д. Усиливая сотрудничество с флотами этих стран в разных частях мирового океана, Россия демонстрирует свой военно-политический потенциал и одновременно решает задачи проверки состояния боевой и мобилизационной готовности войск и сил флота, а также применения и способов действий войск с учетом современного опыта боевых действий. Кроме того, военно-морская деятельность в региональном аспекте – одно из ключевых функциональных направлений национальной морской политики России [1].

Проводимые военно-морские мероприятия также включают в себя: визиты в порты стран АТР, участие в международных выставках вооружений и тренировки кораблей по отработке отдельных элементов в прибрежной зоне. При этом наибольшее внимание уделяется масштабным военно-морским учениям, проведение которых зачастую обусловлено международно-политическим контекстом и учитывает наличие в АТР нескольких серьезных «горячих точек», таких как: «ядерная проблема» на Корейском полуострове, японо-китайский спор об островах Дьяоюйдао/Сенкаку, многосторонний территориальный спор о принадлежности островов архипелага Спратли и др. При планировании и проведении военно-морских учений учитываются и определенные сложности в отношениях и элементы соперничества, существующие между Индией и Китаем, Японией и Китаем, Китаем и Вьетнамом, Японией и Республикой Корея, Таиландом и Камбоджей, Индонезией и Малайзией и т.д.

Таким образом, сложность и неоднозначность комплексной оценки подобных учений связана с целым рядом факторов: проведение их в различных районах мирового океана в условиях геополитических и территориальных противоречий, усиление «блоковой» составляющей учений при их проведении в канун аналогичных маневров Запада и т.д. В некоторых случаях

замысел и сценарии учений определяются не только политическим мотивом, но и направлены на решение определенных экономических задач.

Развитие военно-политического сотрудничества России на Тихом Океане показало, что в последние годы российский военно-морской флот проявляет наибольшую активность в отношении двух ключевых держав АТР – Индии и Китая. Данные государства могут быть выделены в группу «эксклюзивных партнёров», для которых Россия занимает первое место по поставкам современных вооружений и военной техники. Более того, двусторонние военно-морские учения с каждым из этих государств («Мирная Миссия и «Морское Взаимодействие» с Китаем, «Индра» с Индией) Россия проводит с учетом уже сложившихся традиций и особенностей, которые определяют их название, замысел, цели, задачи, масштабы, особенности и т.д.

По заявлениям участников, эти двусторонние мероприятия не были направлены против каких-либо стран. Впрочем, такие заявления на учениях являются вполне обыденными. При этом Россия в недавнем прошлом участвовала в военных маневрах с США – главным региональным соперником Китая в АТР. Так в чем же заключается смысл участия России в учениях с такими «разнонаправленными» в геополитическом смысле государствами? Цель данной работы – проанализировать динамику и характер военно-морских учений России с вышеуказанными государствами за последние годы, определить интересы участников и перспективы подобных учений в будущем с учетом непростых межгосударственных отношений, складывающихся в АТР.

Военно-морские учения России с ВМС КНР и Индии

С углублением стратегических партнерств России с Китаем и Индией, за последние годы контакты ВМФ РФ с ВМС этих государств серьезно интенсифицировались, а частота проведения совместных военно-морских учений увеличилась. Помимо совместных тренировок кораблей во время визитов в порты друг друга, экипажи кораблей, задействованных в антипиратских операциях, практиковались в совместной проводке караванов судов по коридорам безопасности у берегов Сомали, в Средиземном море и т.д.

К настоящему времени оформились два основных формата учений России и Китая: «Мирная Миссия» и «Морское Взаимодействие». В первом формате учения развивались с 2005 по 2011 г. в рамках антитеррористической составляющей Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и включали разъединение конфликтующих сторон и обеспечение порядка у границ условного государства, в котором возникли этнические разногласия.

В рамках ШОС первое морское учение «Мирная Миссия» было проведено в 2005 г., тогда в задачи учений, помимо отработки слаженности маневрирования кораблей ТОФ РФ и ВМС НОАК, входила совместная высадка китайско-российского морского десанта на необорудованное побережье полуострова, который был захвачен условными бандформированиями. По сценарию «Мирной Миссии – 2005» основная роль надводных кораблей заключалась в прикрытии ими десантных сил.

Любопытно, что изначально в 2005 г. КНР предложила провести учения в провинции Чжэцзян, которая находится недалеко от Тайваньского пролива, с целью демонстрации военно-морской мощи Тайваню [6]. В итоге переговоров стороны выбрали для учений Шаньдунский полуостров, однако их политическая направленность сохранилась, и на морском этапе были проведены учебно-боевые пуски ракет, как с надводных кораблей, так и из-под воды, с китайской подводной лодки.

В маневрах 2005 г. по количеству участников явно доминировал Китай, который выставил рекордное количество в 60 кораблей для имитации масштабного десантирования на необорудованное побережье (впрочем, экспертам было ясно, что отрабатывался силовой вариант решения Тайваньской проблемы). От России в «Мирной Миссии – 2005» участвовало 5 кораблей и подразделение морских пехотинцев Тихоокеанского флота.

При этом учения 2005 года стали единственной морской «Мирной Миссией», после чего учения с этим названием переместились на сушу и стали шестисторонними (по количеству стран – постоянных членов ШОС). В 2011 году КНР вновь предложила провести «Мирную миссию» на море, однако Россия отказалась, так как сухопутная традиция и характер этих учений – борьба с терроризмом и экстремистскими группировками на отдельно взятом пространстве – к этому времени вполне сложились.

Иначе формировались характер и особенности другой серии совместных российско-китайских учений – «Морское Взаимодействие», предусматривающих проведение совместных операций флотов двух стран на обширном морском пространстве. После 2005 года крупных учений между нашими странами не проводилось семь лет. Со сменой названия на «Морское взаимодействие» эти маневры стали ежегодными. Первые учения в таком формате были проведены в 2012 г. в Желтом море и включали в себя освобождение захваченного судна с применением вертолетов и быстроходных лодок с подразделениями спецназа, форсирование опасного района, поисково-спасательные операции, оказание помощи аварийному судну в ведении

борьбы за живучесть. В отличие от «Мирной Миссии-2005», на «Морском Взаимодействии – 2012» ракеты не запускались, а стороны ограничились артиллерийской стрельбой и совместными маневрами кораблей.

Таблица 1

**Соотношение боевых кораблей России и КНР
на военно-морских учениях**

Страны	Мирная Миссия – 2005 (Шаньдун)	Морское Взаимодействие 2012 (Желтое море)	Морское Взаимодействие 2013 (Японское море)	Морское Взаимодействие 2014 (Восточ.-Китайское море)	Морское Взаимодействие 2015 (Среди-земное море)	Морское Взаимодействие 2015 (Японское море)	Морское Взаимодействие 2016 (Южно-Китайское море)
РФ	5	7	11	6	6	15	5
КНР	60	18	7	8	3	7	10

С заявлениями многих российских и зарубежных СМИ о возросшем масштабе учений можно согласиться лишь отчасти. Так, в 2005 году со стороны России в порту Циндао ошвартовались один большой противолодочный корабль (БПК), большой десантный корабль, эскадренный миноносец, морской танкер и буксир. В «Морском Взаимодействии – 2012» приняло участие уже три российских БПК, ракетный крейсер, танкер и два морских буксира. То есть, по сравнению с 2005 годом, число привлекаемых на учения российских боевых кораблей возросло, при этом в совместных маневрах впервые принял участие ракетный крейсер – корабль, подобного которому в китайских ВМС нет.

Посмотрев на силы, задействованные китайскими моряками, можно увидеть уменьшение их количества по сравнению с «Мирной Миссией». В 2005 году китайское командование выставило на учения 60 надводных кораблей и подводных лодок и около 8000 военнослужащих. В 2012 году в маневрах приняло участие 18 кораблей ВМС Народно-освободительной армии Китая (НОАК) и более 4000 человек личного состава. При этом были задействованы 10 ракетных эсминцев и ракетных фрегатов от трех флотов ВМС НОАК, то есть корабли океанской зоны.

На учениях 2012 г. Россией и Китаем отрабатывались те же задачи, которые выполняются военными кораблями двух стран в Аденском заливе: это и конвоирование судов, и действия экипажа по боевой тревоге, и выполнение задач по поддержанию боеготовности корабля. Кроме того, в 2012 г. стороны отработали практические стрельбы в едином кильватерном строю, что можно охарактеризовать как действия, направленные против мощного противника, имеющего современные военно-морские вооружения. В пользу этого говорит и эпизод, в котором стороны боролись с подводным противником, действия которого имитировала китайская подводная лодка.

В 2012 г. китайская сторона отрабатывала действия на море полноценной корабельной ударной группировки, в составе которой находятся крупные корабли класса «крейсер». Одной из причин этого является необходимость Китая в такой группировке для прикрытия своих авианосцев, первый из которых («Ляонин») вошёл в состав ВМС НОАК как раз после учений 2012 г.

Прошедшие под Владивостоком (в заливе Петра Великого) учения «Морское Взаимодействие – 2013» закрепили традицию очередности проведения маневров на акватории каждой из сторон. В отличие от предыдущих учений, ВМС НОАК в 2013 году представили на учениях рекордную по количеству группу боевых кораблей за пределами своего государства. Четыре эсминца, два эскортных корабля (фрегата) и судно обеспечения представили собой быстроходную, маневренную, а главное – боеспособную группировку, способную решать широкий спектр задач в море: от борьбы с подводными лодками, кораблями и летательными аппаратами противника до охраны соединений кораблей или конвоев судов на переходе морем. Суммарно на кораблях было размещено до 160 зенитных ракет, а этого достаточно для борьбы с крупной авианосной группой. Кроме того, все корабли были построены в 2000-х гг., и группу можно назвать современной.

По сравнению с предыдущими маневрами, ударная сила Тихоокеанского флота также возросла – ракетный крейсер, эсминец, противолодочные и ракетные корабли общим количеством 11 единиц. Добавим, что в 2013 году на учениях от российской стороны были впервые задействованы истребитель-бомбардировщик Су-24М и малошумная дизельная подводная лодка класса «Кило», поэтому в целом тенденцию увеличения совокупной мощи участников «Морского Взаимодействия» можно назвать сложившейся.

По своему предназначению маневры не претерпели особых изменений и были посвящены повышению уровня оперативной совместимости,

углублению политического доверия и развитию стратегического взаимодействия между Россией и Китаем. А вот по отдельным эпизодам учения 2012 и 2013 годов существенно разнятся. Прежде всего, это касается антитеррористической составляющей, которая в 2013 году была выражена более ярко: подразделения антитеррора практиковались в освобождении захваченного судна с применением вертолетов и быстроходных лодок. Также в 2013-м совместные артиллерийские стрельбы были дополнены эпизодами совместной обороны от подводных и воздушных противников, стрельбой по воздушным мишеням, сброшенных с самолета, поиском и уничтожением «неприятельской» подводной лодки условного противника. Таким образом, заметно расширилась «боевая» составляющая учений, которая дополнила ставшие уже традиционными эпизоды совместного эскорта и конвоирования судов, спасения угнанных кораблей, охраны и обороны на незащищенном рейде и поисково-спасательной операции по оказанию помощи аварийному кораблю.

Следующие военно-морские учения «Морское взаимодействие» прошли в конце мая 2014 г. в акватории Восточно-Китайского моря (ВКМ) и по времени были синхронизированы с визитом в КНР президента РФ и его участием в шанхайском саммите Сопрека Азии по взаимодействию и мерам доверия в Азии.

При этом в январе 2014 г. взаимодействие флотов обеих стран отрабатывалось также в Средиземном море, таким образом, в 2014 г. впервые за один год было проведено два совместных военно-морских России и Китая, В 2014 г. на учениях в ВКМ («в гостях») Россия представила 6 надводных кораблей, а китайская сторона – 6 надводных кораблей и 2 подводные лодки.

Важным эпизодом учений была отработка антипиратских действий – конвоирование гражданского судна и противодействие катерам условного противника, в ходе которого с вертолетов Ка-27 был открыт предупредительный огонь. Таким образом, практика совершенствования навыков по совместной защите морских коммуникаций, начатая в январе 2014 г. в Средиземном море, получила продолжение на «Морском Взаимодействии – 2014». То, что в тематику «Морского взаимодействия» неизменно входят эпизоды по конвоированию судов и кораблей, досмотру и сопровождению подозрительных плавсредств и освобождению судна, выглядит логичным, так как обе стороны синхронно конвоировали вывоз из Сирии химического оружия в начале 2014 г., а с 2009 г. осуществляют регулярное боевое дежурство в Индийском океане.

Больше внимания стало уделяться и командно-штабной фазе, в ходе которой отрабатывались навыки управления корабельными соединениями и

решения задач без участия кораблей. Это позволило повысить оперативную совместимость сторон во время активной фазы, в ходе которой к маневрам были привлечены две полноценные морские группировки. Во время практического розыгрыша по взаимному противодействию в 2014 г. корабли России и Китая собирали и передавали информацию о нахождении условного противника.

В свою очередь, одной из главных особенностей «Морского Взаимодействия-2015» стала смена региона проведения учений – с тихоокеанского на средиземноморский [15]. Впрочем, практика совершенствования навыков по совместной защите морских коммуникаций между двумя странами в Средиземном море была начата еще в январе 2014 г., когда российские и китайские корабли обеспечивали вывоз химического оружия из Сирии. Кроме того, Россия имеет в регионе соглашения в сфере морского сотрудничества с Сирией и Кипром, а с 2013 года поддерживает постоянно действующее оперативное соединения сил флота в средиземноморской зоне.

В 2015 г. Китай отправил в Средиземное море три корабля – два ракетных фрегата и судно комплексной поддержки. Россия, имевшая больше возможностей как принимающая сторона, представила на учениях ракетный крейсер, ракетный корабль на воздушной подушке, сторожевой корабль, два больших десантных корабля и морской буксир. Оба китайских фрегата были достаточно современными кораблями, введенными в эксплуатацию в 2012 и 2013 годах. Немаловажно и то, что и фрегаты ВМС НОАК и российские ракетные корабли-участники учений, являются носителями противокорабельных ракет. За время учений этими кораблями был выполнен ряд совместных артиллерийских стрельб по морским мишеням, а также стрельбы реактивными глубинными бомбами по условным подводным целям.

Сохранение ключевой роли кораблей-носителей ракетного оружия и связанных с этим ракетно-артиллерийских задач предполагало и повышение уровня оперативной совместимости флотов России и Китая, увеличивающее возможности проводить совместные военно-морские операции в различных районах Мирового океана. Во время учений между сторонами был произведен обмен радиолокационными данными, что предполагает высокий уровень стратегического доверия. Тенденцию повышения оперативной совместимости российских и китайских подразделений можно было также наблюдать при отработке управления объединенной группировкой с борта ракетного крейсера «Москва» и обеспечения комплексной защиты кораблей в составе тактических групп.

От окончания первого до начала второго этапа «Морского Взаимодействия – 2015» прошло всего три месяца. Второй этап морских учений России и Китая в 2015 г. прошел летом в заливе Петра Великого и включил в себя также наземную составляющую. Будучи в этот раз ближе к родным берегам, Китай нарастил состав боевой группировки до семи кораблей: 2 эсминца, 2 сторожевых корабля, 2 десантных корабля и судно снабжения; а также усилил группировку штурмовой и десантной авиацией и бронетехникой. Как и на предыдущих учениях, техника была самой современной, а в преддверии военного парада НОАК в Пекине в честь 70-летия победы военное командование постаралось продемонстрировать потенциал военно-морских сил верховному руководству страны.

От России было задействовано около 15 больших и малых кораблей, подлодок и судов обеспечения, подразделения морской пехоты, бронетранспортеры БТР-80 и т. д. Примечательно, что по своей специфике второй этап российско-китайских учений 2015 года во многом напоминает «Мирную Миссию – 2005». Впервые на территории России в Южном Приморье совместно высадились около полутысячи морских пехотинцев и четыре десятка бронетранспортеров ТОФ РФ и ВМС НОАК. Как и десять лет назад под Циндао, в августе 2015 г. корабли обеих сторон выбивали «силы противника», закрепившегося на отдельной территории, окружая его на разных участках побережья с привлечением авиации и наземных подразделений. При этом, в отличие от 2005 г., в августе 2015 г. условной целью участников совместных тренировок стал отвод гражданского населения из зоны конфликта по выделенному «коридору безопасности».

В 2016 году учения «Морское Взаимодействие» впервые прошли в Южно-Китайском море у побережья китайской провинции Гуандун – в регионе, где имеют место споры КНР с некоторыми странами региона по территориальной принадлежности целого ряда островов. Всего от России и Китая было задействовано 18 кораблей и судов обеспечения, 21 единица авиатехники, более 250 военнослужащих морской пехоты и 15 единиц боевой техники. При этом Китай задействовал такие новейшие образцы вооружений, как истребители СУ-30МК российского производства, и системы дальнего радиолокационного обнаружения.

Особенностью данных учений стало формирование двух отрядов кораблей и противоборствующей стороны с целью организации взаимодействия, для чего была применена объединенная система обмена информацией и командования. Соответственно, отличительной чертой данных учений стал

не масштаб, а содержание. Стороны отработали высадку десанта на необитаемые острова, при этом они задействовали десантные суда и вертолеты, а также вступали в бой с гарнизоном островов.

Организация совместных морских учений России и Китая показывает, что каждый год они проходят на новом театре и становятся более содержательными: например, начали формироваться смешанные подразделения из российских и китайских кораблей, усложнились особенности совместной коммуникации и т.д. Не секрет, что учения «Морское Взаимодействие» имеют прямое отношение к изменившейся расстановке сил в АТР, главным образом в треугольнике «Россия – США – Китай», после «поворотов» первых двух держав на Восток в 2011-2012 гг. И по сравнению с 2005 годом, когда стороны «боролись с терроризмом» с помощью стратегических бомбардировщиков и подводных лодок, запускающих ракеты из-под воды, действия ВМС обеих стран уже не выглядят завуалированными, напротив, они вполне недвусмысленны. Это полноценные военно-морские маневры, в ходе которых отрабатываются все основные элементы морского сражения, в том числе – борьба с авиацией, подводными лодками, надводными кораблями, высадка десанта [12]. Естественно, что для китайского руководства, которое всегда остро реагирует на события по периметру своих морских границ, гораздо предпочтительнее «демонстрировать флаг» со своим «стратегическим партнером» – Россией, нежели в одиночку.

При этом содержание учений «Морское взаимодействие» вполне согласуется с китайской концепцией «гармоничного моря» [7], то есть механизма сотрудничества по обеспечению безопасности на море. Как указано в современной военной стратегии КНР (девятой «Белой книге»), всестороннее развитие военных отношений подразумевает углубление китайско-российского сотрудничества в рамках всеобъемлющего стратегического партнерства. Расширение взаимодействия по проведению учений в области противодействия традиционным и нетрадиционным угрозам безопасности, повышение совместной боеготовности армий также являются необходимыми составляющими расширения международного сотрудничества в области безопасности [3].

При этом Китай расширяет своё военно-морское присутствие в различных районах Мирового океана. В марте 2015 года отряд ВМС НОАК выполнил ряд сопроводительных миссий по эвакуации китайских граждан из Йемена в связи с осложнившейся обстановкой. Основную часть торгового оборота в западном для себя направлении КНР осуществляет за счет морских перевозок, и, таким образом, военное присутствие Китая в этом нестабильном регионе свидетельствует о твердом желании отстаивать здесь интересы китайского бизнеса и своих граждан.

Наращивание боевой мощи участников российско-китайских учений, как и расширение спектра совместных задач – от антитерроризма и борьбы с пиратством до противовоздушной защиты, противолодочной обороны и ведения морского боя, имеет конкретные причины. Это и проверка готовности сил флота к действиям в составе полноценной корабельной группировки, и совершенствование морской и летной выучки экипажей кораблей и судов, и оценка десантных возможностей, а для Китая – это ещё и повод продемонстрировать возросший потенциал ударной и десантной составляющих ВМС в контексте ведущихся в АТР территориальных споров.

Это, прежде всего, касается спорных островов архипелага Сенкаку (Дяоюйдао), островах Наньша (Спратли) и Хуаньянь (риф Скарборо), на которые, помимо Китая, претендует группа стран АТР. В спор вовлечены Вьетнам, Филиппины, Бруней, Малайзия, Тайвань. Обострение территориальных споров в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях уже привело к разворачиванию локальной гонки вооружений между Китаем с одной стороны и США, Японией, Вьетнамом и Филиппинами с другой [5, с. 3]. При этом «Морское Взаимодействие – 2014» практически совпало по времени с конфликтом Китая и Вьетнама из-за размещения в спорных водах китайской плавучей буровой платформы и последовавшими за этим антикитайскими погромами на юге Вьетнама. Китайское командование назвало «Морское Взаимодействие» учениями, направленными на расширение возможностей противостоять возможным угрозам, возникающим на море. Нетрудно догадаться, что одна из этих угроз для Китая – споры вокруг территорий.

Летом 2016 г. Международный трибунал, созданный при посредничестве Постоянной палаты Третейского суда в Гааге, заявил, что Китай не имеет «исторического права» на спорные территории в Южно-Китайском море. Однако МИД Китая заявил, что, вне зависимости от этого решения суда, «вооруженные силы Китая будут решительно защищать национальный суверенитет, безопасность и морские права и интересы страны» [8].

В этой связи привлечение ВМС России к действиям в ЮКМ играет на руку КНР. Однако, и Москва руководствовалась своими интересами: надавить на западные страны, в том числе и на Японию на фоне возросших в этой стране ожиданий, связанных с возможными подвижками по проблеме «северных территорий». Политический контекст учений указывает, что Россия продемонстрировала сближение с Китаем, но при этом дистанцировалась от территориальных проблем ЮКМ. Это подтвердила и встреча В. Путина с Си Цзиньпином на Саммите G20 в г. Ханчжоу, на которой Пу-

тин оценил постановления Гаагского суда, как не имеющее юридической силы, но не стал декларировать российское видение территориальной проблемы ЮКМ [2]. «Внеблоковый» подход России к учениям подчеркивается и другими фактами. Так, в 2012 г. после окончания российско-китайских маневров часть кораблей ТОФ РФ посетила Вьетнам, находящийся в конфронтации с КНР по проблеме ЮКМ.

В целом, задачи, отрабатываемы ВМС России и Китая в ходе совместных учений, во многом совпадают – это налаживание взаимодействия между флотами и подразделениями, антитеррористическая и антипиратская деятельность, оптимизация и практическая проверка военно-морских сил, в том числе находящихся на значительном удалении от мест постоянного базирования в составе объединенной группы; демонстрация флага на важных участках морских торговых путей.

Развитие военно-морских контактов с другим крупным партнером (Индией) связано, прежде всего, с серией двусторонних военных учений «Индра» (от названий двух стран), которые включают военно-морские учения и антитеррористические учения сухопутных войск. Они проводятся с 2003 г., чередуя участие сухопутных и военно-морских сил, а начиная с 2014 г. – ежегодно в двух фазах (сухопутные и военно-морские). Военно-морские учения проходили в 2003 г., 2005 и 2015 гг. (западное побережье Индии), 2007 и 2014 гг. (залив Петра Великого в Японском море), январе 2009 г. (восточная часть Аравийского моря), декабре 2012 г. (Аравийское море).

В 2003 были проведены масштабные военно-морские учения кораблей индийских ВМС, Черноморского и Тихоокеанского флотов с участием российских стратегических бомбардировщиков. Особенностью крупных маневров России и Индии в 2005 г., также как и в случае с первой Мирной Миссией с КНР, стал их комбинированный характер. Военно-транспортные самолеты Ил-76 доставили в Индию роту псковских десантников, а со стороны Тихоокеанского флота в учениях приняли участие 5 кораблей, включая ракетный крейсер и противолодочные корабли и вертолеты. От Индии в «Индра-2005» участвовали около десяти кораблей различного класса. Основная цель учений заключалась в подготовке к взаимодействию в случае необходимости отражения террористической атаки на одно из государств, для чего русские и индийские моряки отработали совместные действия отрядов кораблей в Бенгальском заливе. Были выполнены артиллерийские и зенитные ракетные стрельбы по морским и воздушным целям, совместное маневрирование и пополнение запасов в море. Политическая обстановка в регионе и взаимоотношения Индии с Пакистаном

также повлияли на характер учений, так ВМС двух стран взаимодействовали при задержании и досмотре условного судна-нарушителя, на борту которого находились компоненты ядерного оружия.

Через два года Тихоокеанский флот принял уже 6 индийских кораблей и судов обеспечения, прибывших в залив Петра Великого на учения «Индра-2007». Совместная отработка задач маневрирования в составе двух корабельных группировок и поисково-спасательная операция были дополнены действиями минно-тральных сил, противолодочной авиации и совместным поиском подводной лодки вероятного противника. В 2009 году в рамках боевой службы российских и индийских кораблей у берегов Африканского рога были отработаны совместные действия по высадке на борт судна, захваченного террористами. В совместном военно-морском учении «Индра-2014» участвовали три корабля ВМС Индии. Совместно с тихоокеанцами в Японском море они выполнили задачи, схожие с предыдущими маневрами «Индра»: отработка взаимодействия при проведении боевых и спасательных операций: совместное маневрирование, противолодочная, противовоздушная и противокорабельная оборона, посадка вертолетов на корабли, оказание помощи терпящему бедствие судну, пополнение запасов в море.

В отличие от совместных морских учений с Китаем, характер маневров России и Индии, за исключением отдельных эпизодов, за прошедшие годы практически не менялся. Понятны и основные цели обоих государств – это поддержание стратегического партнерства, возможность продемонстрировать флаг в Азиатско-Тихоокеанском регионе и проверка готовности сил флота к действиям в составе полноценной корабельной группировки.

При этом, наряду с регулярным военно-морским взаимодействием, сотрудничество России с Индией идет по всему спектру военного и военно-технического партнерства. Наши страны имеют длинную историю успешного военно-технического сотрудничества, в том числе по поставкам вооружений, постройке и обслуживанию индийских кораблей и др. Так, в 2012 г. Индии передана АПЛ «Нерпа», а в 2013 – авианосец «Викрамадитья». Российская ОАО «ВПК НПО машиностроения» и Организацией оборонных исследований и разработок Министерства обороны Индии совместно разработали сверхзвуковые противокорабельные ракеты «БраМос», которыми предполагается вооружить надводные силы ВМС Индии.

Особенности морского взаимодействия России и США в АТР

Очевидно, что регулярно проводя совместные учения с Китаем и Индией, Россия, как и КНР, продолжает «играть» на Тихоокеанском морском театре против США, которые за последние два года переориентировали более половины своих ВМС в АТР, которые могут попытаться блокировать морские коммуникации и ограничить доступ своим соперникам по АТР к энергоносителям и другим видам ресурсов.

Несмотря на то, что, по мнению некоторых западных исследователей, США являются инициатором обсуждения и решения вопросов безопасности на Тихом океане [13, с. 66-95], на практике Вашингтон постоянно проводит масштабные двусторонние военно-морские учения со странами-союзниками в регионе – Южной Кореей, Японией, Австралией, Филиппинами и т.д. Как свидетельствует анализ, ни одно крупное военно-морское учение с участием России и Китая не обходится без проведения в близкие сроки масштабных маневров США и их союзников, на которых зачастую отрабатываются задачи, аналогичные либо призванные противодействовать тем, что выполняются на российско-китайских, российско-индийских и других учениях.

К примеру, в 2012 г. ВМС США и Филиппин провели военно-морские учения «Баликатан» за несколько дней до начала активной фазы «Морского Взаимодействия – 2012», целью которых было как раз отражение атак условного противника на объекты, находящиеся в приграничной зоне. А в июне 2013 года, перед началом «Морского Взаимодействия – 2013», США совместно с морскими силами самообороны Японии провели учения по высадке десанта у южного побережья Калифорнии («Блиц на рассвете») и учения военно-воздушных сил около острова Хоккайдо (всего в 800 км. от места проведения российско-китайских учений в заливе Петра Великого). На учениях японцы совместно с американцами имитировали отражение высадки китайского десанта на островах Сенкаку (Дяюйдао), и оборону островов от воздушного нападения. Майские учения 2014 г. «Морское Взаимодействие» последовали за проведенными ранее в этом же году американо-южнокорейскими маневрами Key Resolve и Foal Eagle, в рамках которых отрабатывается сценарий силового удара по Пхеньяну.

Стоит отметить, что до украинского кризиса 2014 г. Россия выступала для США полноценным партнером в военно-морской сфере наряду с союзниками в АТР. Так, в Японском море проводились многосторонние морские учения ФРУКУС (FRUKUS), название которых образовано от названия четырех стран-участниц – Франции, России, Великобритании и США. До

2013 г. на Дальнем Востоке России ежегодно отрабатывалась антитеррористическая тематика военно-морских учений России и США в рамках двусторонних учений «Бдительный Орел». На них представители ВВС России и Командования воздушно-космической обороны Североамериканского континента (NORAD) отрабатывали совместные действия по отражению террористической атаки на воздушное судно.

Таблица 2

Военно-морские учения России, США и союзников в АТР

Страны	2012	2013	2014	2015	2016
РФ	Морское Взаимодействие, Индра (КНР, Индия)	Морское Взаимодействие (КНР)	Морское Взаимодействие, Индра (КНР, Индия)	Морское Взаимодействие, Индра (КНР, Индия)	Морское Взаимодействие (КНР)
США	Баликатан (Филиппины), РИМПАК (Россия, Индия), Pacific Partnership (Индонезия, Камбоджа, Вьетнам)	«Блиц на расвете» (Япония)	Key Resolve, Foal Eagle (Южная Корея), РИМПАК (Китай)	"Бильчи – Фридом, Key Resolve, Foal Eagle (Южная Корея)	Malabar (Индия, Япония), РИМПАК (Китай)

Особое внимание следует обратить на участие России (наряду с Индией) в многонациональном учении «РИМПАК» (RIM of the PACific, или «Тихоокеанское кольцо»), которое прошло под эгидой США у Гавайских островов летом 2012 года. Приглашение России на «РИМПАК» можно считать «ответом» США на проведенные ранее российско-китайские учения «Морское Взаимодействие», то есть попыткой восстановления паритета в треугольнике США – Россия – Китай. Кроме того, для США важно, что Тихоокеанский флот РФ обладает достаточно большим опытом по обеспечению безопасности мореплавания и борьбе с пиратством у берегов Сомали.

Учениям «РИМПАК» предшествовала череда других военных манёвров, которые проводились в акватории Тихого океана в самых разнообразных комбинациях стран-участниц. Например, США – Филиппины в южной части Южно-Китайского моря, Австралия – Южная Корея в районе к югу от

Корейского полуострова, США-Индонезия в южной части Южно-Китайского моря, Япония-Индия в прибрежных водах японской провинции Канагава (первые в истории японо-индийских отношений двусторонние учения), США-Япония-Южная Корея к югу от Корейского полуострова. США укрепляют имеющиеся альянсы безопасности со странами АТР (Японией, Австралией, Южной Кореей, Таиландом, Филиппинами) и ищут новых региональных союзников. Среди последних выделяются Вьетнам, Сингапур и Индонезия, и, конечно, Индия [11].

Интересы России как участника РИМПАК 2012 были очевидны – это возможность воочию оценить выучку экипажей американских кораблей, увидеть новые тенденции развития и изменения в тактике американских ВМС. Кроме того, большинство учений между Россией и США, как правило, проводятся в двустороннем формате, а РИМПАК – многонациональное учение. Поэтому для российских моряков это еще и возможность показать собственные профессиональные навыки, которые, с учетом формата РИМПАК, оценивались экспертами со всего АТР.

Поскольку целью РИМПАК является улучшение взаимодействия между флотами стран АТР для обеспечения региональной стабильности, усиление состава участников таким ключевым игроком, как Россия, способствовало политического оздоровлению учений, когда наши моряки-тихоокеанцы действовали совместно с ВМС США в составе оперативного соединения.

В последующие годы учения РИМПАК проходили без РФ, поскольку Вашингтон приостановил сотрудничество с Москвой в военной сфере из-за ситуации на Украине, одновременно усиливая сотрудничество с традиционными союзниками по региону. Практически одновременно со вторым «Морским Взаимодействием-2015», в Южной Корее под флагом «командования ООН» прошли очередные военные учения «Ыльчи – Фридом гардиен», следовавшие за традиционными ежегодными штабными учениями Key Resolve и маневрами Foal Eagle. Похожие по тематике на российско-китайские (высадка десанта на побережье, освобождение территории от условного противника при поддержке с воздуха), они были масштабнее их – в маневрах участвовало около 80 тыс. военнослужащих США и Республики Корея, военные Франции, Дании, Великобритании, Канады, и т. д.

Реальная цель учений союзников на Корейском полуострове не изменилась – отработка силового сценария при внезапной эскалации обстановки у границ КНДР. В сравнении с российско-китайскими маневрами, частота и интенсивность учений, проводимых американцами в АТР, в целом суще-

ственно выше и также нарастает. Так, в июле 2015 г. США провели военно-морские учения «Talisman Saber» с ВМС Австралии, Японии и Новой Зеландии, на которых помимо прочего отрабатывались действия амфибийных и сухопутных сил, десантирование с воздуха и практические учебно-боевые стрельбы. В январе 2016 США усилили свое военное присутствие в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) вторым атомным авианосцем «John C. Stennis», который прибыл в западную часть Тихого океана в связи с ядерными испытаниями КНДР и региональным противостоянием вокруг спорных островов в Южно-Китайском море [11].

Усиление морской составляющей участия США в азиатских маневрах дополняет тот факт, что летом 2016 г. Сеул и Вашингтон «приняли совместное решение о размещении системы THAAD как части оборонительных действий для обеспечения гарантий безопасности Республики Корея от северокорейского ядерного оружия, оружия массового поражения и угроз баллистических ракет». При этом в 2015 г. произошло расширение сотрудничества США и Японии в военной сфере. Согласно новому соглашению, создан новый Механизм координации действий между странами, а японские МССО (Морских сил самообороны) наделены новыми полномочиями для оказания помощи США в случае агрессии [9].

В 2014 и 2016 гг. США пригласили ВМС НОАК к полноценному участию в РИМПАК, что свидетельствует, как о гибкости американских подходов к взаимодействию с геополитическими соперниками в АТР, так и об усилении политического давления на Россию, выступающей главным военно-морским партнером Китая на этом пространстве.

Отрабатываемые на учениях США и их союзников в АТР сложные задачи направлены и на демонстрацию потенциальным покупателям вооружений в АТР американского преимущества в военно-технической области. Этот факт представляется немаловажным на фоне постепенного сокращения американских оборонных расходов. По оценкам экспертов, Вашингтон в 2021 году сможет выделить на свои военные нужды не более 472 млрд долл., тогда как совокупный военный бюджет тихоокеанских государств превысит 501 млрд долл. [3]. Подобный рост произойдет как раз за счёт повышения доли таких государств, как Китай и Индия, в структуре мировой торговли оружием.

Следует отметить, что сценарий маневров, проводимых Вашингтоном в АТР, зависит от текущих политических приоритетов США и стран-участниц. Но, если в годы "холодной войны" США и их союзники готовились совместно противостоять советской эскадре, включавшей большое число подводных ло-

док, то в современных маневрах большее внимание уделяется комплексному решению локальных и территориальных конфликтов, включая учебные высадки десанта. И хотя американская газета «LA Times» охарактеризовала совместные морские тренировки России и Китая как «провокационные», история и опыт маневров позволяет воспринимать «Морское Взаимодействие» в качестве симметричного ответа на западные военно-морские учения.

Учитывая напряженную обстановку, сложившуюся на Корейском полуострове после обмена угрозами КНДР и Южной Кореи, а также продолжающуюся конфронтацию России с Западом, интенсификацию военных учений можно назвать логичным шагом, направленным на поддержание стратегического паритета между сторонами. По некоторым оценкам, с возникновением серьезных проблем в «азиатской» политике США вследствие нарастающего кризиса (потеря доверия ряда стран АТР, неспособность эффективно развивать программу «Транстихоокеанское партнерство» и т. д.), их место попытается занять Китай. Последний уже давно готовится к возможному кризису на Корейском полуострове – усиливает контроль над границей и проводит учения войск по ее перекрытию. [14] Соответственно, «Морское Взаимодействие» России и Китая, также как и российско-индийскую «Индру», можно расценивать, как стремление поддерживать стратегический паритет в сложно взаимодействующих треугольниках Китай-Россия-США и Россия-Индия-США.

Заключение

Современная обстановка в сфере безопасности в АТР характеризуется борьбой за обладание контролем над морскими пространствами между «великими державами» с возможным вовлечением малых и средних государств в три «холодных» конфликта – весьма опасных с точки зрения военных потенциалов противоборствующих сторон – «корейский», «тайваньский» и «южно-китайский». Эти угрозы безопасности реальны и не могут исчезнуть сами по себе, и поэтому проведение военно-морских учений в этих районах имеет не только демонстративное политическое значение, но вполне может привести к ещё большему обострению этих конфликтов. Россия напрямую не втянута ни в один из этих конфликтов (хотя и имеет интересы безопасности на Корейском полуострове), и в этом смысле находится в достаточно выгодной позиции, позволяющей ей при успешной региональной политике, учитывающей геополитическую конъюнктуру, поддерживать военно-стратегический паритет с ключевыми игроками АТР.

В этой связи Москва заинтересована в поддержании и укреплении стратегического партнерства с КНР, Индией и другими странами, в том числе в его военном измерении, чему, в первую очередь, и способствует проведение масштабных совместных учений. Во-вторых, они дают возможность продемонстрировать флаг России в АТР в условиях жесткой конфронтации с Западом. В-третьих, подобные мероприятия – это проверка готовности сил флота к действиям на море в составе полноценной корабельной группировки, совершенствование морской и летной выучки экипажей кораблей и судов, авиации ТОФ. За последние годы «симметричный ответ» Москвы на масштабные учения США со своими союзниками вблизи российских границ стал традиционным, и его действенность ни у кого не вызывает сомнений. В перспективе в Тихом и Индийском океанах будут проводиться не менее масштабные по составу и сложные по обрабатываемым задачам военно-морские учения РФ с Индией и Китаем. С учетом ожидаемого в связи со сменой президентской администрации снижения напряженности в отношениях с США, не исключено возобновление сотрудничества РФ с этой страной в военной сфере.

В ближайшие годы России при реализации своей стратегии в АТР предстоит выстраивать сбалансированные отношения с США, Китаем, Индией и другими государствами региона, при этом планирование совместных военно-морских учений является важным компонентом этой стратегии. Их проведение предоставляет Москве уникальную возможность отстаивать свои национальные интересы и демонстрировать свою позицию по отношению к региональным угрозам безопасности, не вступая в двусторонние альянсы и оставаясь самостоятельным актором в АТР. И в этой связи интерес иностранных государств к военному сотрудничеству и отработке на совместных учениях взаимодействия с силами ТОФ РФ на Тихом океане в перспективе будет только возрастать.

Литература

1. Балыбердин А. Морская доктрина в новой редакции // Морские вести России. 2015, № 10.
2. Бремя больших надежд: в Ханчжоу завершился саммит G20 [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/world/20160905/1476140670.html>.
3. Военная стратегия Китая: девятая «Белая книга» [Электронный ресурс]. URL: http://www.gov.cn/zhengce/2015-05/26/content_2868988.htm.

4. Губин А. Совокупный военный бюджет тихоокеанских государств превысит 501 млрд долл. [Электронный ресурс]. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2842#top-content.
5. Кашин В. Российский подход к проблемам региональной безопасности в АТР. Carnegie Endowment for International Peace, Июнь. 2016. С. 3.
6. Коидзуми Ю. Почему военно-морские учения Китая и России проводились в Южно-Китайском море? Япония [Электронный ресурс] // Wedge Infinity. URL: <http://wedge.ismedia.jp/articles/-/7837>.
7. Ответы официального представителя МИД Китая Цинь Гана на вопросы корреспондентов на пресс-конференции 15.09.2005 [Электронный ресурс]. URL: <http://tj.china-embassy.org/rus/fyrth/t212687.html>; <https://ria.ru/world/20160119/1361681189.html>
8. Пекин отказался признать решение Гаагского арбитража [Электронный ресурс]. URL: <http://vz.ru/news/2016/7/12/820997.html>.
9. США и Япония: военное сотрудничество переходит на новый уровень [Электронный ресурс]. URL: <http://www.golos-ameriki.ru/a/us-japan-announce-revision-cooperation-of-defence-guidelinos/2737250.html>.
10. США усилили свое военное присутствие в АТР вторым авианосцем [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/world/20160119/1361681189.html>.
11. Терехов В. Международные военно-морские учения в Тихом океане: почему в них участвует Россия? [Электронный ресурс]. URL: <https://riss.ru/smi/1338/>.
12. Хроленко А. Военно-морское взаимодействие России и Китая изменяет мир [Электронный ресурс]. URL: <http://ria.ru/analytics/20150820/1197434790.html>.
13. Kahler, Miles. Regional Economic Institutions and East Asian Security. In *The Nexus of Economics, Security and International relations in East Asia*. Ed. by Avery Goldstein and Edward D. Mansfield. Stanford, CA: Stanford University Press, 2012. pp. 66-95.
14. Ryall J. China Has a Secret Plan for the Collapse of the North Korean Government // *Business Insider*. 2014. May 6.
15. Sevastianov S. Russo-China political, economic and security relations: a view from Vladivostok // In *“Dynamics of new regional order in North-east Asia: perspectives from Seoul and Vladivostok*, ed. by Sergei Sevastianov and Ik Joong Youn. Vladivostok, 2016. P. 26–36.

Глава 10. Россия в многосторонних институтах безопасности в Восточной Азии

(С.А. Коротич)

Россия приобрела статус Тихоокеанской державы еще в середине 19 века, однако степень участия России в региональных процессах носила весьма избирательный характер. Во время холодной войны Советский союз оказывал существенное влияние на происходящие в регионе события и играл роль одной из опор регионального порядка. После распада СССР на фоне нормализации отношений с США и странами Европы восточноазиатское направление утратило свою значимость и отошло на второй план внешней политики нового российского государства. И хотя в ходе своего первого азиатского визита в Республику Корея в 1992 г. президент России Б. Ельцин выразил намерение наращивать экономическое и политическое присутствие в регионе, фактически же в первой половине 1990-х гг. восточноазиатская политика России носила ограниченный характер и ориентировалась в первую очередь на решение проблем в отношениях с государствами Северо-Восточной Азии.

Ситуация постепенно начала меняться с начала 2000-х годов. В связи с высокой динамикой роста и развития региона, увеличением его привлекательности и превращением в центр мировой экономической активности, а также на фоне актуализации задач развития Дальнего Востока России, Москва помимо заявлений о важности Восточной Азии пошла на фактическую активизацию сотрудничества со странами региона.

На сегодняшний день Россия является неотъемлемой частью региональной системы международных отношений. Несмотря на приоритетное значение развития экономических связей со странами региона, участие в многосторонних региональных механизмах сотрудничества в области безопасности, среди которых Региональный форум АСЕАН по безопасности, Восточноазиатский саммит, Расширенное совещание министров обороны АСЕАН, Шанхайская организация сотрудничества, Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии, является одной из опор современного российского политического присутствия в Восточной Азии.

Региональный форум АСЕАН

С инициативой создания общерегионального института безопасности в 1993 году выступила Ассоциация государств Юго-Восточной Азии. Форумом, объединившим впоследствии государства региона и страны-партнеры АСЕАН

по диалогу, стал Региональный форум АСЕАН (АРФ). Региональный форум вырос из существовавшей в рамках АСЕАН модели обсуждения вопросов безопасности с Партнерами по диалогу. Поскольку подобные встречи проводились ежегодно с 1977 г. сразу после встреч министров иностранных дел АСЕАН, то их было решено назвать Пост-министерскими встречами (конференциями). С расширением количества партнеров и распространением идеи создания регионального института безопасности в Восточной Азии страны АСЕАН выступили с инициативой преобразования Пост-министерских встреч в полноценный форум по сотрудничеству в области безопасности.

На сегодняшний день АРФ является самым представительным международным институтом в АТР. Его участниками являются 27 государств, включая Северную Корею. Форум характеризуется минимальной институционализацией и следованием т.н. «методу АСЕАН» («the ASEAN Way») с его мягким, поэтапным подходом и консенсусом в принятии решений [1, с. 235-248]. В рамках АРФ сложилась трехступенчатая институциональная структура: встречи министров иностранных дел, встречи старших должностных лиц, межсессионные группы (по построению мер доверия и по превентивной дипломатии) [20]. С момента основания АРФ можно проследить расширение повестки, рост числа рабочих групп, увеличение объема документов, выпускаемых в рамках АРФ. Деятельность форума способствовала построению доверия и формирования т.н. «привычки сотрудничества» [22]. Региональный форум преуспел в развитии сотрудничества в области нетрадиционной безопасности, однако попытки обсуждения и решения более сложных вопросов, провоцирующих возникновение противоречий, среди которых Северокорейская ядерная программа и территориальные споры в Южно-Китайском море, оборачивались неудачей. Именно недостаточная эффективность в деле урегулирования наиболее острых проблем стала главным поводом для критики АРФ со стороны экспертного сообщества.

Несмотря на достаточно скромные показатели сотрудничества с государствами Юго-Восточной Азии первой половины 1990-х гг., в 1994 г. Россия получила статус консультативного диалогового партнера АСЕАН и была приглашена к участию в АРФ. Присоединение к данному формату для России в начале 1990-х годов стало важным шагом – своеобразным свидетельством признания России как восточноазиатской и азиатско-тихоокеанской державы. Посредством АРФ Россия получила возможность участвовать в обсуждении вопросов региональной политики и безопасности, что помогало ей больше включаться в региональные отношения и укреплять

двусторонние связи со странами региона. Сотрудничество с АСЕАН стало неотъемлемой частью региональной политики России в Восточной Азии. Также членство в АРФ и получение в 1996 г. статуса Диалогового партнера АСЕАН окончательно закрепило за Москвой статус важного регионального игрока, находящегося в одном ряду с другими партнерами АСЕАН по диалогу, среди которых США, Китай, Япония и Индия [7, с. 154].

К началу 2000-х российская сторона активно включилась в работу АРФ и с тех пор играет активную роль в развитии сотрудничества по преодолению нетрадиционных или, как их еще принято называть, невоенных угроз безопасности, среди которых: противодействие терроризму и транснациональной преступности, действия в чрезвычайных ситуациях и устранение последствий стихийных бедствий, борьба с морским пиратством и др. Россия неоднократно выступала в качестве сопредседателя межсессионных рабочих групп и межсессионных встреч по противодействию терроризму и транснациональной преступности – МВ-ПТТП. В соответствии с решением 17-й сессии АРФ Россия (совместно с Малайзией и Австралией) была избрана в качестве лидера группы по противодействию и борьбе с кибертерроризмом [8]. Также Россия является ключевым участником взаимодействия в рамках Межсессионных встреч АРФ по безопасности на море, а также ежегодных Конференций по политике в сфере безопасности (КПБ) с участием военных и дипломатов высокого уровня [12].

Восточноазиатский саммит

Учреждение в 2005 г. нового формата многостороннего сотрудничества – Восточноазиатского саммита (ВАС) – было призвано сформировать диалоговую площадку для политического взаимодействия государств региона на высшем уровне, что в конечном итоге должно было способствовать осуществлению идеи формирования «восточноазиатского сообщества».¹⁴ В отличие от АРФ, деятельность ВАС направлена на укрепление взаимодействия государств региона по широкому спектру направлений, не ограничивающихся вопросами безопасности.

На сегодняшний день ВАС объединяет 18 ключевых стран региона в формате АСЕАН+8 – десять стран АСЕАН и восемь стран-партнеров

---

¹⁴ Впервые с подобной идеей в 1990 г. выступил тогдашний премьер-министр Малайзии Махатхир Мохаммад. Позже аналогичные предложения выдвигали министр иностранных дел Японии Таро Накаяма, премьер-министр Японии Юкио Хатояма, а также премьер-министр Австралии Кевин Радд.

АСЕАН по диалогу: Австралию, Индию, Китай, Новую Зеландию, Республику Корея, Россию, Соединенные Штаты Америки и Японию. Ключевым механизмом ВАС являются ежегодные встречи глав государств и правительств, которые предваряются встречами министров иностранных дел стран ВАС, проходящими за несколько месяцев до саммита, как правило, одновременно с встречами АРФ. Фокус обсуждений саммита за время его существования постепенно смещался от вопросов экономического и гуманитарного сотрудничества к вопросам политического взаимодействия и безопасности, которые в последние годы доминируют в повестке. За последние годы ВАС удалось укрепиться в статусе ключевого международного формата обсуждения важнейших вопросов региональной безопасности в Восточной Азии [27, с. 35].

Россия претендовала на участие в ВАС с самого момента создания данного формата. Президент России Владимир Путин принял участие в первом Восточноазиатском саммите в качестве гостя. После саммита Россия-АСЕАН, который предварял ВАС, премьер-министр Малайзии Абдулла Бадави предложил кандидатуру России на вступление в данное объединение. Однако данное предложение, найдя формальную поддержку со стороны Китая, Филиппин и Республики Корея, было отвергнуто Индонезией и Сингапуром. В качестве причины для отказа был назван недостаточно высокий уровень экономического взаимодействия России со странами АСЕАН [14, с. 91].

Решение о присоединении России было принято в ходе 5-го восточноазиатского саммита в 2010 г. К этому моменту России удалось укрепить взаимодействие со странами АСЕАН, увеличить объем двусторонней торговли (до 12,5 млрд долл.), а также стать участником Форума «Азия-Европа» и расширить свое влияние в рамках главного регионального экономического объединения – Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) [28]. Другими словами, России удалось нарастить экономическое и политическое присутствие в Восточной Азии, а также доказать свою приверженность продвигаемому АСЕАН восточноазиатскому регионализму.

С началом участия в ВАС в 2011 г. Россия активно включилась в работу форума, однако за прошедшие с момента её принятия шесть встреч в них ни разу не принимал участие российский президент. Начиная с шестого саммита, Россию на ВАС представлял Министр иностранных дел Сергей Лавров. На фоне недовольства стран АСЕАН [25] низким уровнем российского представительства, Москва пошла на его пересмотр и, начиная с девятой встречи ВАС (2014 г.), российскую делегацию возглавлял премьер-министр Дмитрий Медведев.

Тому, что президент России не принимает участия ВАС, можно найти несколько объяснений, однако наиболее существенной причиной, очевидно, является выход на первый план в повестке ВАС вопроса о принадлежности спорных территорий в Южно-Китайском море. Несмотря на то, что Россия не является участником споров и предпочитает оставаться в стороне от обсуждения данного вопроса, два ее стратегических партнера – Китай и Вьетнам – являются его непосредственными участниками, которые находятся по разные стороны конфликта [29]. Открытая поддержка лидером РФ какого-либо из них могла бы значительно осложнить отношения Москвы не только с двумя важнейшими региональными партнерами, но и в целом ухудшить положение России в регионе.

Назначение Медведева в качестве руководителя российской делегации на ВАС стало своеобразным внешнеполитическим компромиссом: придерживаясь прежней позиции относительно участия президента, Россия пошла на повышение статуса российского присутствия и тем самым продемонстрировала приверженность развитию отношений со странами Восточной Азии.

Выстраивая отношения с ВАС, Россия, вероятно, и в дальнейшем будет опираться на модель, подобную той, что использует КНР, когда глава государства принимает участие только в наиболее важных мероприятиях, имеющих глобальное значение, или тех, что не затрагивают обсуждение наиболее чувствительных и противоречивых вопросов, а премьер-министр представляет страну на тех международных мероприятиях, участие в которых может подразумевать обсуждение нежелательных вопросов. Таким образом, КНР избегает ситуации, при которой главу государства могут призвать к прямому ответу на неудобные вопросы, которые могут в не самом выгодном свете представить проводимую Пекином внешнюю политику.

Расширенное Совещание министров обороны АСЕАН

Механизм Совещания министров обороны был создан в рамках АСЕАН в 2006 г. С момента основания и в течение следующих четырех лет данный формат существовал в качестве платформы сотрудничества исключительно представителей оборонных ведомств стран АСЕАН, однако в 2010 г. было решено расширить его состав в соответствии с формулой АСЕАН+8, которая с присоединением России и США стала основой обновленного Восточноазиатского саммита. Начиная со второй встречи в 2013 г., Расширенное совещание министров обороны стран АСЕАН, или как его еще называют Совещание министров обороны АСЕАН-Плюс (СМОА-Плюс), проходит раз в два года [26].

Для оказания поддержки деятельности Совещания и эффективного исполнения его решений была создана Рабочая группа СМОА-Плюс, сессии которой проходят в промежутках между встречами министров. Также были созданы Экспертные рабочие группы, занимающиеся проработкой конкретных направлений деятельности Совещания. В основе механизма обсуждения и принятия решений в рамках СМОА-Плюс, как и в случае с другими АСЕАН-центричными объединениями, лежит «метод АСЕАН».

Вплоть до последней встречи, состоявшейся в ноябре 2015 г. в Куала-Лумпуре, Расширенное совещание министров обороны АСЕАН демонстрировало поступательное развитие, а формат, при котором наиболее сложные вопросы были исключены из повестки, способствовал укреплению взаимодействия стран региона в области преодоления невоенных угроз безопасности. Совместные учения и конференции под эгидой СМОА-Плюс способствовали построению доверия на уровне оборонных ведомств, что принципиально отличало СМОА-Плюс от ВАС и АРФ. Однако исход третьей встречи, закончившейся безрезультатно ввиду разногласий относительно необходимости включения в совместную декларацию вопроса о спорах в Южно-Китайском море [31], продемонстрировал слабость СМОА-Плюс в качестве института региональной безопасности. Отсутствие практического итога встречи – Совместной декларации – осложнит возможность дальнейшего развития СМОА-Плюс до следующей встречи, т.е. на ближайшие два года.

Российская Федерация была приглашена к участию с момента учреждения механизма СМОА-Плюс в октябре 2010 г. Хотя на тот момент вопрос о присоединении России к ВАС только находился на стадии рассмотрения, приглашение ее к участию в данном объединении стало свидетельством признания растущей конструктивной роли России в регионе как одного из наиболее важных партнеров Ассоциации [30].

Россия принимает активное участие в мероприятиях, проводимых под эгидой данного объединения. Наша страна являлась участником многосторонних военных учений по противодействию терроризму и военной медицине, а также исполняла функции сопредседателя Экспертной рабочей группы по военной медицине [24]. В частности, в 2016 г. Россия приняла участие в учениях по устранению чрезвычайных ситуаций, совместных военно-морских антитеррористических учениях под эгидой СМОА-Плюс. На встречах СМОА-Плюс российскую делегацию традиционно возглавляет заместитель министра обороны, подобно АРФ, где наша страна часто представлена заместителем министра иностранных дел [9]. Москва неоднократно

позитивно оценивала деятельность СМОА-Плюс, подчеркивая положительное влияние, которое оно оказывает на развитие сотрудничества в области безопасности посредством организации совместных учений, обмена опытом и двусторонних консультаций представителей министерств обороны [5].

Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии

В основе Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА) лежит озвученная Н. Назарбаевым в 1992 г. идея формирования в Азии региональной организации, подобной действовавшему на тот момент в Европе Совещанию по безопасности и сотрудничеству (СБСЕ) [2]. Первой ступенью на пути построения подобной организации должно было стать создание совещательного механизма, каковым и стало СВМДА.

Страны-участники избрали восходящую модель развития и институционализации Совещания: начиная с сотрудничества на уровне экспертов, государства постепенно перешли к созданию механизмов межправительственного взаимодействия сначала на уровне министров, затем старших должностных лиц, и, наконец, глав государств. Первый саммит СВМДА прошел в 2002 г. в Алматы, и с тех пор встречи глав государств проходят раз в четыре года. Встречи министров иностранных дел проводятся также раз в четыре года, но за два года до встреч глав государств. Деятельность постоянно действующих институтов, главным из которых является Секретариат СВМДА, позволяет обеспечивать непрерывный характер взаимодействия в рамках объединения, несмотря на длинный двухгодичный цикл встреч на высоком уровне.

Одновременно с институционализацией объединения увеличивалось и количество участников СВМДА, которое на сегодняшний день составляет 26 государств, представляющих различные субрегионы Азии. Несмотря на поэтапный рост и развитие Совещания, с момента основания и вплоть до 2010 г. председателем СВМДА оставался Казахстан. Переход председательства к Турции, которая занимала эту позицию с 2010 по 2014 гг., позволил оживить СВМДА и придать новый импульс развитию организации [6, с. 3]. Переход председательства к Китаю в 2014 г. привлек еще большее внимание [13]. Прошедший в мае 2014 г. в Шанхае четвертый саммит СВМДА стал самым масштабным и, пожалуй, наиболее значимым [18].¹⁵ В ходе встречи лидер КНР Си Цзиньпин высказал ряд инициатив по дальнейшему развитию орга-

---

¹⁵ В нем приняли участие 26 государств-членов, одиннадцать государств и международных организаций, имеющих статус наблюдателей, две международные организации со статусом партнера, а также восемь приглашенных государств и международных организаций в статусе гостей форума.

низации, ключевой из которых стала идея о формировании региональной архитектуры безопасности в Азии, основу которой должно составить СВМДА [35]. И хотя практическое исполнение озвученных Си Цзиньпином идей вызывает массу вопросов, очевидно, что Китай выдвинулся в качестве нового лидера данного объединения. По ряду причин, главной из которых является тот факт, что СВМДА является диалоговой платформой, исключаящей США и других внерегиональных акторов, Совещание является чрезвычайно привлекательным для Китая механизмом, который Пекин мог бы использовать для формирования системы институтов безопасности, ориентированных на Китай.

Москва одной из первых поддержала идею, выдвинутую Назарбаевым, и принимала непосредственное участие в становлении и развитии данного объединения. Хотя формально СВМДА нельзя отнести к числу наиболее приоритетных институтов, Россия принимает активное участие в его деятельности. Так, президент России В. Путин регулярно посещает в саммиты СВМДА. С момента учреждения механизма совещаний глав государств и правительств в рамках СВМДА он не пропустил ни одной такой встречи [10]. В рамках саммитов СВМДА президент РФ проводит серию двусторонних встреч на высшем уровне, что позволяет поддерживать высокую динамику отношений с азиатскими партнерами, такими как Китай, Индия, Вьетнам и др.

Основными целями участия России в СВМДА на протяжении многих лет были: укрепление торгово-экономического сотрудничества со странами Азии; и взаимодействие в области противодействия терроризму, незаконному обороту наркотических средств и борьбы с международной преступностью. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что Москва посредством СВМДА стремилась, в первую очередь, стабилизировать свои южные границы и укрепить отношения с центральноазиатскими республиками, наладить экономические связи [15]. Инициатива Си Цзиньпина о создании региональной архитектуры безопасности, основанной на СВМДА, во многом созвучна предложениям России о формировании внеблоковой системы политического взаимодействия в Восточной Азии и поэтому была поддержана В. Путиным. Близость в подходах к азиатской безопасности России и Китая, вероятно, будет способствовать сотрудничеству двух стран в рамках СВМДА.

Шанхайская организация сотрудничества

С момента учреждения в 2001 г. страны-участницы ШОС декларировали широкий круг задач, ключевой из которых стало формирование в Центральной Азии и Евразии механизмов устранения угроз безопасности и пре-

одоления возможных конфликтов, а также укрепления доверия в военной и политической сферах. Уже на начальном этапе деятельности ШОС удалось создать комплексную организационную структуру, способствующую межправительственной координации на всех уровнях: от глав государств и правительств до руководителей отраслевых министерств и ведомств [3]. Формат и процедурные правила ШОС при этом не отличаются существенным образом от тех, что лежат в основе других азиатских многосторонних объединений. Основными принципами деятельности ШОС являются консенсус в принятии решений, равенство участников, рекомендательный характер исполнения решений, исключение из повестки вопросов, способных вызвать разлад между участниками и т.д.

Ключевым институтом сотрудничества ШОС в области безопасности стала Региональная антитеррористическая структура (РАТС). Она представляет собой постоянно действующий орган, деятельность которого направлена на координацию взаимодействия органов безопасности стран-участниц ШОС с целью противодействия терроризму, сепаратизму и экстремизму [11]. Другой формой взаимодействия в области безопасности государств в рамках ШОС является организация странами-участницами совместных военных и антитеррористических учений, которые проходят регулярно с 2003 г. Главной платформой военного взаимодействия стали двусторонние российско-китайские учения «Мирная миссия», к которым время от времени подключаются другие участники ШОС [17].

На сегодняшний день ШОС переживает переходный период, от которого во многом зависит будущее организации. Присоединение двух сильных государств, обладающих де-факто ядерным статусом, – Индии и Пакистана (соответствующее решение было принято на саммите 2015 г. в Уфе) – способно или укрепить ШОС или же, учитывая наличие серьезных двухсторонних противоречий, существенно осложнить ее дальнейшее развитие. Новая стратегия развития ШОС при этом подчеркивает комплексный характер безопасности и открывает новые области для развития потенциала организации, увеличения ее международной роли [16].

Для Москвы, ввиду тесных исторических связей со странами Центральной Азии, а также геополитической значимости региона, который фактически является «мягким подбрюшьем» России, обеспечение безопасности и стабильности является одной из наиболее важных внешнеполитических задач. Формирование ШОС стало не просто институциональной платформой

для мирного сосуществования государств в Центральной Азии, а одной из опор стабильности на пространстве обширного евроазиатского региона.

За годы деятельности в рамках ШОС российско-китайское стратегическое партнерство служило стержнем объединения, обеспечивающим его стабильное развитие. При этом в последние годы Китай на фоне украинского кризиса и спада в российской экономике наращивает влияние в рамках ШОС, преимущественно, посредством увеличения экономического присутствия в ЦА. Тем не менее, с учетом актуализации террористической угрозы, Россия может в ближайшие годы вернуть утраченные позиции. Выступая инициатором создания расширенной коалиции по борьбе с международным терроризмом, Москва укрепляется в роли лидера международного антитеррористического взаимодействия, в том числе и в рамках ШОС. В этом случае можно будет говорить о формировании своеобразного дуумвирата во главе ШОС, где Россия будет лидером сотрудничества государств в сфере безопасности, а Китай – в экономике.

Шестисторонние переговоры

Шестисторонние переговоры по проблеме безопасности Корейского полуострова (ШСП) представляют собой многосторонний механизм по урегулированию кризиса вокруг ядерной программы КНДР, объединяющий шесть стран Северо-Восточной Азии: Соединенные Штаты Америки, Китай, Россию, Японию, Республику Корея и Корейскую Народно-Демократическую Республику. Начиная с 2003 г., «шестерка» провела шесть раундов переговоров, однако достичь своей конечной цели – денуклеаризации КНДР – ШСП не удалось, и с 2009 г. переговоры в данном формате были приостановлены.

Одним из главных достижений ШСП как многостороннего института безопасности является принятое по итогам третьего этапа пятого раунда переговоров решение о формировании пяти рабочих групп по следующим направлениям: денуклеаризация Корейского полуострова, нормализация отношений США и КНДР, нормализация отношений Японии и КНДР, экономическое и энергетическое сотрудничество, формирование механизма мира и безопасности в Северо-Восточной Азии [19]. Четыре рабочих группы, кроме последней, были направлены на формирование планов и рекомендаций по исполнению положений совместных заявлений. Создание пятой группы было направлено на рассмотрение возможности формирования многостороннего механизма обеспечения безопасности на базе шестисторонних

переговоров. Было решено, что роль председателя в этой группе будет исполнять Россия [33, с. 152].

Несмотря на то, что Шестисторонние переговоры были сфокусированы на обсуждении одного специфического вопроса – денуклеаризации Корейского полуострова, сам процесс переговоров стал катализатором развития сотрудничества стран СВА [32, с. 131]. Существующие механизмы и имеющиеся у ШСП наработки могут быть использованы в будущем для создания новых форм взаимодействия в области безопасности. В частности, рабочие группы и совещательные механизмы могут быть использованы в отрыве от «северокорейской повестки». Существует также возможная альтернатива ШСП в виде пятисторонних переговоров («шесть минус один»), исключая Северную Корею [4, с. 8]. Однако «размораживание» отдельных элементов Шестисторонних переговоров и, уж тем более использование их для обсуждения вопросов безопасности в СВА, в то время, как наиболее острый северокорейский вопрос остается нерешенным, представляется маловероятным.

В переговорном процессе ШСП Россия, как правило, занимала осторожную позицию, ключевой целью которой было поддержание безопасности на Корейском полуострове и сохранение дружественных отношений как с Севером, так и с Югом. Помимо исполнения решений, достигнутых в ходе переговоров, Москва неоднократно выдвигала предложения об осуществлении трехсторонних транспортно-логистических и энергетических проектов, подразумевающих участие обеих Корей и России. По замыслу, реализация подобных проектов должна была заложить основу взаимодействия государств на Корейском полуострове с последующим вовлечением КНДР в региональные экономические процессы. Однако, несмотря на некоторый прогресс, на фоне неоднократных обострений межкорейских отношений и ужесточения санкций в отношении КНДР, реализация подобных планов оказалась практически невозможной.

В целом, Шестисторонние переговоры, в случае их успеха и превращения в постоянно действующий международный институт, могли бы занять важное место в региональной архитектуре безопасности. Для России такой международный институт мог бы стать удобным форматом многостороннего взаимодействия в области безопасности СВА. Дело в том, что механизм ШСП, объединяя всех региональных акторов, предоставляет России равные с ними возможности для участия в процессе выработки решений по ключевым проблемам безопасности СВА, подчеркивая тем самым ее важную роль в этом регионе.

Заключение

К настоящему времени Россия присоединилась к большинству многосторонних институтов безопасности и является неотъемлемой частью региональной системы ВА. При этом в качестве ядра региональной архитектуры многостороннего сотрудничества государств Восточной Азии в области безопасности выступает АСЕАН и система АСЕАН-центричных институтов.

В исторической ретроспективе отношения России со странами АСЕАН развивались неравномерно, но в целом поступательно, как в экономической, так и в политической сферах. С 1991 года Россия начала налаживать сотрудничество с АСЕАН, с 1994 г. является участником Регионального форума АСЕАН, а с 1996 года – партнером АСЕАН по диалогу. В 2004 г. Россия присоединилась к Договору о дружбе и сотрудничестве в ЮВА, а в 2011 г. одновременно с США стала участницей Восточноазиатского саммита. Таким образом, России в целом удалось встроиться в создаваемую АСЕАН систему регионального сотрудничества, однако уровень и характер российского участия в ВАС и других АСЕАН-центричных объединениях оставляет неоднозначное впечатление.

Так, большинство стран-участников ВАС представлены на этом саммите своими государственными лидерами, а на ежегодных совещаниях АРФ и СМОА-Плюс – министрами иностранных дел и обороны соответственно. Что касается РФ, то, как правило, нашу страну на этих трех важнейших форумах ВА представляют второй по иерархии государственный лидер (премьер-министр) и чиновники (заместители министра иностранных дел и обороны) на один уровень ниже, что вызывает недоумение, прежде всего, в ряде стран АСЕАН.

Такую внешнеполитическую линию России можно объяснить несколькими причинами. Во-первых, деятельность АСЕАН-центричных институтов осложнена большим количеством проблем. В частности, все более очевидной становится их неспособность решать сложные межгосударственные проблемы, что приводит к некоторому снижению международного авторитета этих институтов. Усиление в регионе американо-китайского соперничества, проецирующегося на многосторонние институты сотрудничества, еще больше осложняет их деятельность. В частности, увеличение политического влияния США в рамках АСЕАН-центричных институтов, одновременно с ростом экономической зависимости стран региона от Китая, приводит к поляризации этих институтов.

Во-вторых, на первый план повестки АСЕАН-центричных институтов безопасности на первый план все больше выходит проблема спорных территорий в Южно-Китайском море. Москва, не являясь участником споров, во избежание осложнения отношений со странами региона предпочитает оставаться в стороне от обсуждения данного вопроса. В этой связи нынешний уровень представительства РФ в этих институтах безопасности, вероятно, является оптимальным: с одной стороны, Москва участвует в налаживании сотрудничества в области преодоления невоенных угроз безопасности в формате данных объединений, что подтверждает ее региональный статус, с другой стороны, ей удастся сохранять дипломатический нейтралитет по ряду наиболее чувствительных проблем. Прошедший в мае 2016 г. юбилейный саммит Россия-АСЕАН также зафиксировал положительную динамику в развитии сотрудничества России со странами Юго-Восточной Азии.

В то же время следует констатировать, что в наибольшей степени современным интересам России в региональной безопасности отвечает участие в ШОС и СВМДА, на саммитах которых её представляет президент В. Путин. Москва неоднократно подчеркивала важность ШОС в деле обеспечения стабильности и безопасности в центральноазиатском регионе и Азии в целом, а также в качестве элемента глобальной стратегии России по борьбе с международным терроризмом и экстремизмом.

Что касается СВМДА, то, по сравнению с ШОС, пока оно является для российской политики менее значимым форматом сотрудничества, но в ближайшие годы его удельный вес может вырасти. СВМДА представляется более гибкой институциональной платформой для обсуждения и продвижения устраивающих РФ моделей региональной безопасности Евразии. При этом страновой охват этого форума позволяет России развивать сотрудничество с большим числом ведущих государств Азии, исключая при этом США. Помимо этого, мощный потенциал ШОС и СВМДА позволяет Москве опираться на них для более эффективной реализации других знаковых российских и китайских евразийских проектов, таких как: Евразийский экономический союз, Экономический пояс Шелкового пути («Один пояс, один путь») и др.

Таким образом, несмотря на декларирование важности развития сотрудничества со странами и межправительственными организациями Восточной Азии, Москва, вероятно, будет придерживаться прежнего, не самого высшего уровня участия в АСЕАН-центричных институтах безопасности. Приоритетное же значение для России будет иметь активное участие в деятельности ШОС и СВМДА, которые ориентированы на противодействие весьма актуальным

угрозам безопасности на ближайшей периферии, и, кроме того, могут быть использованы для повышения эффективности российской политики и реализации интеграционных проектов на пространстве Евразии.

Литература

1. Белокреницкий В.Я., Воскресенский А.Д., Денисов В.И. «Большая Восточная Азия»: мировая политика и региональные трансформации. М.: МГИМО-Университет, 2010. 444 с.

2. Выступление Президента Республики Казахстан Нурсултана Назарбаева на 47-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Нью-Йорк, 05.10.1992 [Электронный ресурс] // Сайт Секретариата Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии. URL: http://www.s-cica.org/page.php?page_id=364&lang=2&parent_id=82.

3. Вязгина Е.А. Шанхайская пятерка и процесс возникновения ШОС // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2011. № 8, ч. 1. С. 48-53.

4. Забровская Л.В. Шестисторонние переговоры: будет ли продолжение? // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2012, № 1. С. 7-16.

5. Заместитель Министра обороны РФ Анатолий Антонов принял участие во втором Совещании министров обороны стран-членов АСЕАН и диалоговых партнеров [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства Обороны Российской Федерации. 29.08.2013. URL: http://function.mil.ru/news_page/

6. Казыханов Е. СВМДА: уникальная культура диалога для Азии // Казахстанская правда. 11.09.2012. № 305. С. 3.

7. Коротич С.А. АРФ и спор в Южно-Китайском море: испытание на прочность // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2013, №1 (24). С. 154.

8. Об Участии России в Антитеррористическом Сотрудничестве в Формате АРФ (справка) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. 28.10.2011. URL: <http://www.archive.mid.ru/>

9. Пресс-релиз об участии заместителя Министра обороны РФ А.И. Антонова во втором Совещании министров обороны стран-членов АСЕАН и диалоговых партнеров [Электронный ресурс] // Официальный сайт Посольства Российской Федерации в Государстве Бруней-Даруссалам. URL: http://www.brunei.mid.ru/press_38r.html.

10. Путин прибыл в Казахстан, где примет участие в саммите СВМДА и встретится с Назарбаевым, Алиевым, Карзаем и Чинаватом [Электронный ресурс] // NEWSru.com. 16.06.2006. URL: <http://www.newsru.com/arch/world/16jun2006/kaz.html>.

11. Региональная антитеррористическая структура ШОС (ПАТС ШОС) [Электронный ресурс] : справка // Официальный сайт Министерства иностранных дел. 10.04.2015. URL: <http://archive.mid.ru/>.

12. Региональный Форум АСЕАН по Безопасности (Справочные материалы) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. 20.09.2011. URL: <http://www.archive.mid.ru/>

13. СВМДА: новое дыхание [Электронный ресурс] // САЯСАТ. Все о политике в Казахстане. 16.05.2014. URL: <http://sayasat.org/>

14. Севастьянов С.В. Институты азиатско-тихоокеанского и восточноазиатского регионализма: динамика развития, проблемы и интересы участников // Россия и АТР. 2008. № 3. С. 82-94.

15. Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии : справка [Электронный ресурс] // Официальный веб-сайт Министерства экономического развития Российской Федерации. URL: <http://economy.gov.ru/wps/wcm/connect/10eb3f80464d7d3c8350ef293491a18d/svmda.doc>.

16. Стратегия развития Шанхайской организации сотрудничества до 2025 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт председательства Российской Федерации в ШОС в 2014-2015 годах. URL: <http://sco-russia.ru/load/1013640805>.

17. Учения «Мирная миссия» [Электронный ресурс] : справка // Российская Газета [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/sujet/3083/>

18. Четвертый Саммит СВМДА [Электронный ресурс] // Сайт Секретариата Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии. URL: http://www.s-cica.org/page.php?page_id=705&lang=1.

19. Шестисторонние переговоры по ядерной программе КНДР [Электронный ресурс] : справка // РИА Новости. 24.08.2011. URL: <http://ria.ru/spravka/20110824/422914168.html>

20. About ASEAN Regional Forum [Электронный ресурс] // ASEAN Official Web-site. URL: <http://aseanregionalforum.asean.org/about.html>.

21. Acharya A. Constructing a Security Community in Southeast Asia: ASEAN and the Problem of regional order. Routledge, 2009. 322 p.

22. ASEAN Regional Forum: A Concept Paper [Электронный ресурс] // ASEAN Official Web-site. URL: <http://aseanregionalforum.asean.org/files/li>

brary/Terms%20of%20References%20and%20Concept%20Papers/Concept%20Paper%20of%20ARF.pdf.

23. Chairman's Statement of the First ASEAN Defense Ministers' Meeting-Plus: "ADMM-Plus: Strategic Cooperation for Peace, Stability, and Development in the Region" [Электронный ресурс] // CogitAsia – Southeast Asia Program Official Blog. 12.10.2010. URL: <https://cogitasia.wordpress.com/category/admm8/>

24. Chalermphanupap T. ASEAN Defence Diplomacy and the ADMM-Plus [Электронный ресурс] // ISEAS Perspective. 2013. No. 49. URL: http://www.iseas.edu.sg/images/pdf/ISEAS_Perspective_2013_49.pdf.

25. Chongkittavorn, K. Pushing the East Asia Summit to a new level [Электронный ресурс] // The Nation. 10.11.2014. URL: <http://www.nationmultimedia.com/opinion/Pushing-the-East-Asia-Summit-to-a-new-level-30247371.html>.

26. Concept Paper for the ASEAN Defense Ministers' Meeting-Plus (ADMM-Plus) [Электронный ресурс] // The ASEAN Defense Ministers' Meeting Official Website. URL: http://admm.asean.org/dmdocuments/4.%20Annex%20G_ADMM-Plus%20Concept%20Paper.pdf.

27. Emmers R., Liow J.C., Tan S.S. The East Asia Summit and the regional security architecture // Maryland Series in Contemporary Asian Studies. 2010. Vol. 2010, No. 3. 52 p.

28. Lukin A., Sevastyanov S. Why did Russia snub the East Asia Summit? [Электронный ресурс] // Russia & India Report, Russia Beyond the Headlines. 27.11.2012. URL: <http://in.rbth.com/>

29. Lukin, A. Putin skips the East Asia Summit (again) [Электронный ресурс] // East Asia Forum. 06.12. 2014. URL: <http://www.eastasiaforum.org/2013/10/22/putin-skips-the-east-asia-summit-again/>.

30. Nikitskiy E. ASEAN Secretary General reacts favorably to Russia's Asian pivot [Электронный ресурс] // Russia Direct. 30.06.2014. URL: <http://www.russia-direct.org/qa/asean-secretary-general-reacts-favorably-russia%E2%80%99s-asian-pivot>.

31. Parameswaran P. China Blocked ASEAN Defense Meeting Pact Amid South China Sea Fears: US Official [Электронный ресурс] // The Diplomat. 04.11.2015. URL: <http://thediplomat.com/>.

32. Park J. S., Lu Y. Peace by Piece: The Six-Party Talks and Beyond // Conflict Management, Security and Intervention in East Asia. Third-Party Mediation in Regional Conflict / ed. by J. Bercovitch, K-B. Huang, C-C. Teng. New York, 2008. P. 118-134.

33. Rozman G. Turning the Six-Party Talks into a multilateral security framework for Northeast Asia // Joint US-Korea Academic Studies. 2008. Vol. 18. P. 149-166.

34. Tiezzi S. At CICA, Xi Calls for New Regional Security Architecture [Электронный ресурс] // The Diplomat. 22.05.2014. URL: <http://thediplomat.com/2014/05/at-cica-xi-calls-for-new-regional-security-architecture/>.

35. Xi Jinping. Remarks at the Fourth Summit of the Conference on Interaction and Confidence Building Measures in Asia [Электронный ресурс] // China Internet Information Center. 28.05.2014. URL: http://www.china.org.cn/world/node_7206254.htm.

Глава 11. Американский фактор тихоокеанской политики России: проблемы и перспективы (И.Ю. Синенко)

Российско-американские отношения на современном этапе переживают серьезный кризис. Принципиальное расхождение позиций по широкому кругу международных вопросов – сначала по внутренним событиям на Украине зимой 2014 г., затем по всему спектру развития гражданского конфликта (включая присоединение Республики Крым к Российской Федерации), и, наконец, по урегулированию ситуации внутри Сирии, а также методам борьбы с Исламским Государством (*запрещено в России*) и другими террористическими группировками – привели к «санкционной войне», ожесточенному противостоянию в дипломатической и особенно в информационной среде, включая регулярный обмен провокационными заявлениями официальных лиц, и, в итоге, к почти полному сворачиванию двусторонних политических и экономических отношений.

В этих условиях отношения Москвы и Вашингтона достигли своей низшей точки за весь период после окончания холодной войны [38]. При этом столь заметное ухудшение *отношений* (в понимании их как контактов на разных уровнях и в разных сферах) отнюдь не означает снижения *внимания* друг к другу, уделяемого обоими государствами, а также важности правильной оценки действий своего соперника. Несмотря на существенный рост новых центров влияния в мировой системе, Россия и США остаются ведущими игроками по целому ряду показателей, что обуславливает их возможность влиять на развитие ситуации не только в глобальном масштабе, но и во многих регионах и отдельных странах.

Таким образом, даже не имея под собой развитой институциональной основы, двусторонние отношения таких влиятельных государств, как Россия и США, способны оказывать как самое непосредственное, так и косвенное, но существенное влияние на проведение внешней политики каждого из субъектов по отношению к тому или иному региону или стране. К числу примеров, демонстрирующих подобную модель, в современных условиях вполне может быть отнесен и Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР).

Тихоокеанское измерение в глобальной российско-американской повестке

Российско-американские отношения, как принято считать, во многом продолжают воспроизводить модель, заложенную ещё в годы холодной войны, когда на одной из сторон находился СССР. Эта модель направлена на диалог преимущественно в сфере глобальной безопасности и контроля над вооружениями. Основным его содержанием остаются вопросы сокращения стратегических наступательных вооружений и ядерного арсенала в целом, сохранение режима стратегической стабильности (значительно подорванное после выхода США из договора по ПРО 1972 г.), контроль за ликвидацией определенных типов вооружений и их запрет (в частности, химическое оружие), а также вопросы нераспространения оружия массового уничтожения (ОМУ) и борьбы с терроризмом.

Что касается региональной проблематики, то, несмотря на отмеченные выше возможности и ресурсы влиять на политический расклад в разных точках земного шара, эта повестка в российско-американских отношениях по-прежнему ограничена традиционными со времен холодной войны регионами (Европа, особенно ее восточная часть, Ближний Восток, отдельные страны Латинской Америки, Индия, КНДР и т.д.), к которым после 1991 г. добавились новые независимые государства на постсоветском пространстве. Такое наполнение региональной повестки объясняется взаимным «интересом для диалога», поскольку реальная база для проецирования влияния у современной России, во многом основанная на «советском наследии», ограничена именно этими регионами и государствами (в то время как у США подобные возможности в той или иной степени имеются практически во всех странах мира). В этой связи неудивительно, что АТР, будучи регионом, где экономические вопросы по-прежнему преобладают над вопросами безопасности, а угрозы последней во многом исходят не от традиционных государственных акторов, не занимает в двусторонних отношениях России и США существенного места.

Даже в годы наиболее острого соперничества СССР и США, на пике геополитического влияния мирового социалистического лагеря, тихоокеанское направление внешней политики Москвы существенно уступало по размаху другим региональным векторам. Вовлеченность в гражданскую войну в Китае, Корейскую войну и вьетнамский вопрос носила локальный характер, в то время как единой стратегии по отношению к АТР СССР не предлагал, и, после разрыва в конце 1960-х гг. с КНР, судя по всему, не очень нуждался в ней. Неудивительно, что на пике интенсивности советско-американских контактов в конце

1980-х – начале 1990-х гг., даже при появлении такого уникального для отношений двух стран формата, как Регулярный диалог по региональным проблемам на уровне экспертов МИД СССР и Государственного департамента США, в его рамках ставились вопросы по Латинской Америке, Африке, Ближнему и Среднему Востоку, но не по АТР [1, с. 26].

Противоречивость, свойственная внешнеполитическому курсу России в 1990-х гг., проявилась и на тихоокеанском треке, где с одной стороны Москва присоединилась ко многим значимым региональным институтам многостороннего сотрудничества, а с другой – не предпринимала серьезных практических шагов для включения в протекавшие в АТР процессы. Известно, что Вашингтон поддерживал стремление Москвы подключиться к региональной интеграции, и, в частности, оказал России помощь во вступлении в АТЭС, повлияв на жесткую позицию по данному вопросу своих близких союзниц – Австралии и Новой Зеландии [16, с. 36]. Но все же до статуса ценного, как само по себе, тихоокеанское измерение российско-американских отношений не могло дорасти до тех пор, пока Россия не обозначит более четко вектор своей политики в регионе. Надежды на это появились, начиная с 2006 г., когда после принятия решения о проведении саммита АТЭС в 2012 г. во Владивостоке и заявлений о приоритетности задачи развития Дальневосточного федерального округа (ДФО) через наращивание приграничного сотрудничества со странами АТР стали проглядываться признаки формирующейся стратегии российского вхождения в регион.

С точки зрения формирования архитектуры региональной безопасности, Россия, признавая, что система двусторонних американских альянсов является ключевым механизмом, обеспечивающим стабилизирующую и балансирующую роль в АТР, выступала с идеей того, что ни Россия, ни Китай не будут удовлетворены такой ситуацией в средне- и долгосрочной перспективе, и взамен системе проамериканских альянсов должна быть выработана «здоровая» система, включающая все страны региона – Россию, КНР, страны АСЕАН, США и их союзников [7].

После того, как в 2014 г. эскалация конфликта внутри Украины привела к существенному ухудшению отношений Москвы на европейском направлении, переориентация на восточноазиатские страны (прежде всего, КНР) приобрела более конкретные очертания, получившие в СМИ клише российского «поворота на Восток». С учетом того, что он был существенно усилен антироссийскими действиями США на европейском направлении, в рамках реализации новой стратегии в АТР Россия рассматривала Вашингтон лишь

как сдерживающий фактор, не позволяющий сформировать позитивную тихоокеанскую повестку двусторонних связей. Таким образом, глобальное измерение российско-американских отношений диктует тихоокеанскому исключительно логику соперничества – в той степени, которая понадобится каждой из сторон для защиты своих стратегических интересов в АТР.

Россия в логике американского «разворота в Азию»

Безусловным императивом внешней политики США после окончания холодной войны стало сохранение полученного по ее окончании статуса единственной сверхдержавы с уникальными возможностями выстраивать архитектуру мировой системы, исходя исключительно из собственных национальных интересов [45, с. 16]. Реализация этой логики требовала на разных этапах большего акцента на определенный регион – Восточная Европа в 1990-х, Ближний и Средний Восток в 2000-х. В период президентства Барака Обамы существенный экономический рост КНР, начавший угрожать доминирующему положению США в мировой экономике, заставил Вашингтон сделать попытку перенести главный фокус своей внешней политики на Восточную Азию (ВА).

Осенью 2011 г. было заявлено о начале стратегического «разворота» (*ориг. англ.* «pivot») США в Азию, под которой понималась преимущественно ВА. В программной статье государственного секретаря Хиллари Клинтон «Тихоокеанский век Америки» выдвигались шесть ключевых принципов этого курса: укрепление отношений с уже имеющимися союзниками США в регионе; усиление взаимодействия с новыми региональными игроками (в их числе Индия, Индонезия, Вьетнам, Сингапур); широкое вовлечение США в деятельность региональных многосторонних институтов; наращивание торгово-инвестиционного сотрудничества со странами региона; расширение военного присутствия США в АТР; продвижение идей демократии и прав человека [35].

Несмотря на то, что руководство США неоднократно указывало на ненаправленность новой региональной политики против конкретной страны или группы государств, изначально многие эксперты сошлись во мнении, что главной задачей «разворота» стало всестороннее сдерживание роста китайского влияния на Тихом океане. Американский истеблишмент по-прежнему придерживается убеждения, что основой лидерства США в АТР должна являться их система военно-политических альянсов (т.н. система «оси и спиц», *ориг. англ.* Hub-and-Spoke system), позволяющая сохранять стабильность в регионе и, прежде всего, свободу действий на морском про-

странстве, а значит и возможность проецировать необходимую силу [36, с. 32]. В ходе случившегося в дальнейшем обострения конфликтов вокруг островов Сенкаку/Дяюйдао и особенно в Южно-Китайском море для Вашингтона стала очевидной возможность потерять эту свободу действий, при том что единственным претендентом на пересмотр регионального статус-кво являлся Китай, значительно ужесточивший политику в отношении территориальных споров.

Отсутствие у Москвы, в отличие от Пекина, как возможностей, так и амбиций по перекройке региональной архитектуры, привело к тому, что реализуя (с оглядкой на КНР) свой «разворот» в АТР, США не обращают существенного внимания на российский [3, с. 42-43]. Начиная с 2012 г., РФ ни разу не фигурировала в программных выступлениях и документах США, посвященных американской политике в регионе. Собственно, и в «большой» оборонной стратегии США 2012 г. Россия упоминается только в контексте Европы и обеспечения неограниченного доступа к неким «зонам глобальной значимости», под которыми понимается, скорее всего, Арктика, но не АТР [46]. Что касается докладов, готовящихся для государственных органов США экспертно-аналитическими центрами (находящихся в режиме общей доступности), то в них Россия, если и фигурирует, то в качестве страны, воспринявшей «разворот» США в Азию как своего рода карт-бланш к нарушению статус-кво в других регионах (в частности в Европе, когда речь идет о ситуации на Украине) [41, с. 21].

Игнорируется сотрудничество с Россией в рамках крупных военно-морских маневров RIMPAC, организуемых Тихоокеанским командованием военно-морских сил (ВМС) США один раз в два года с целью повышения потенциала оперативного взаимодействия между ВМС стран АТР для обеспечения безопасности на море. После дебютного участия в маневрах 2012 г. Тихоокеанского флота РФ (ТОФ), в 2014 и 2016 гг. Россию не приглашали (по официальной версии – вследствие общей приостановки сотрудничества в военной сфере из-за ситуации на Украине). При этом и в 2014, и в 2016 г. активное участие в маневрах приняла КНР, чему не воспрепятствовали ни обострение конфликта в Южно-Китайском море, ни схожее законодательное ограничение в США на взаимодействие с Народно-освободительной армией Китая.

Не поступило России и предложения присоединиться к Транстихоокеанскому партнерству (ТТП) – главному экономическому проекту США в рамках нового курса в АТР. Эксперты выделяют широкий спектр причин для такого решения – это недостаточная вовлеченность российской эконо-

мики в региональную торговлю, слабое внутреннее экономическое развитие, неготовность к принятию новых «продвинутых» стандартов либерализации мировой торговли, предполагаемых договором, и др. Принимая во внимание, что Вашингтон делает ставку именно на экономические инструменты принуждения России к более удобному для себя политическому курсу в глобальном масштабе (прежде всего, путем введения санкций), а также по-прежнему незначительное торговое присутствие самой РФ в АТР, приглашения вступить в ТТП (в случае, если договор сохранится в той или иной форме и при новой администрации США) Москве не стоит ждать и в обозримой перспективе.

Китай: миссия (не) выполнима?

Как было отмечено выше, финальной точкой реализации одной из ключевых идей американского «разворота» в Азию – более глубокого союзничества с рядом восточноазиатских стран – должно было стать фактическое окружение Китая цепью государств, верных стратегическим целям США в АТР. Такая цепь давала бы Вашингтону возможность при необходимости реализовать в отношении Пекина сценарий любой степени жесткости, вплоть до brutального «удушения» по известному в геополитике «принципу анаконды». С другой стороны, параллельные попытки администрации Обамы развить американо-китайское партнерство в формате «большой двойки» (т.н. «Китамерика», *Chimerica*) должны были плотнее привязать Китай к США экономически. Подобная комбинация в случае успешной реализации со временем могла бы лишить бы КНР возможностей для продолжения быстрого роста, а, следовательно, и способности бросить глобальный вызов США, что прекрасно осознавали по обе стороны Тихого океана.

В этой связи России, следуя геополитической логике, также была отведена важная роль в данном геополитическом проекте. По большому счету, главный интерес по отношению к России в АТР у США очевиден – не дать российско-китайскому партнерству перерасти в полноценный стратегический союз. Ведь в таком случае обозначенная выше в отношении КНР стратегия «безальтернативности» (кроме сотрудничества с Америкой) теряет значительную часть своего потенциала. При формировании полноценного стратегического альянса Пекин, помимо опоры на природные ресурсы и «благожелательный нейтралитет» Москвы в отношении своих внешнеполитических действий, может: получить возможность в будущем объединить политические усилия двух стран для пересмотра конфигурации сил в регионе; предложить России более активное участие в своих экономических

проектах в АТР [25, с. 9-10]; а также в определенной степени опереться на военный потенциал России, которая, по мнению американских аналитиков, заинтересована в том, чтобы Китай продолжил морскую наступательную политику на Тихом океане и таким образом отвлекся от притязаний на территории самого российского Дальнего Востока (РДВ) [44].

Несомненно, что перспектива создания российско-китайского союза, или даже значительное углубление нынешнего стратегического партнерства, вызовут обеспокоенность американских союзников в регионе, которые потребуют от Вашингтона дополнительных гарантий безопасности (в т.ч. материальных). Учитывая общий тренд на снижение оборонных расходов, даже в условиях «разворота» в Азию, едва ли такой расклад будет соответствовать стратегическим интересам США [11, с. 6-7].

«Китаецентризм» в тихоокеанской политике России (особенно с началом украинского кризиса и «поворотом на Восток») подвергается критике многими в самой РФ. Очевидный минус – это возможность со временем оказаться в маргинализированном положении в регионе, где, с одной стороны, будет сформировано большое сообщество американоориентированных государств АТР, а с другой – дружественная КНР, но которая сможет дозировать участие России в сформированных Пекином интеграционных группировках, продолжая решать задачу по построению пояса стран, ориентированных на Китай (как в ВА, так и на постсоветском пространстве) [3, с. 36-37]. Именно этот аргумент Вашингтон пытается прямо или косвенно использовать, чтобы снизить темпы углубления российско-китайского сотрудничества. Стратегически ситуация пока развивается не в пользу американского сценария, особенно учитывая туманное будущее ключевого проекта ТТП в связи с приходом к власти в январе 2017 г. президента Д. Трампа [40]. При этом идея США совместно противостоять ревизионистским устремлениям Китая и сохранению статус-кво в АТР не может устраивать Россию, если этот статус-кво продолжит базироваться на американской системе «оси и спиц» – конфронтационной по определению.

Борьба на невидимых фронтах

Вторым важным посылом американской политики в АТР в отношении России является стремление не дать ей, в условиях нового глобального соперничества между двумя странами, возможности существенным образом наладить отношения со стратегически важными государствами региона, прежде всего, с американскими союзниками. Несмотря на пока еще незначи-

тельное участие России в протекающих в АТР процессах, несомненно, что «запрос на Москву» есть не только у КНР. Для многих государств в регионе очевидны выгоды, которые они могли бы получить от сотрудничества с Россией. К их числу относятся поставки энергоносителей, сотрудничество в освоении РДВ, закупки продукции по линии российского военно-промышленного комплекса и др. [22, с. 140]. В каком-то смысле есть запрос на Россию и как на «арбитра», нейтральную сторону в острых региональных спорах – прежде всего, в урегулировании вопроса северокорейской ядерной программы и территориального конфликта в Южно-Китайском море.

До определенного момента США были готовы допускать ограниченное сотрудничество России со своими союзницами – прежде всего Японией и Республикой Корея (РК), которое, с одной стороны, не размывало бы американоцентричный характер их внешних связей, а с другой – не позволяло бы России стать полностью зависимой от Китая. Вашингтон сдержаннее, чем можно было ожидать, отреагировал на планы расширения закупок Японией российских энергоносителей после «великого землетрясения» 2011 г. С пониманием были встречены и идеи широкого включения России в Евразийскую инициативу, провозглашенную южнокорейским президентом Пак Кын Хе осенью 2013 г. – в первую очередь, через активизацию транскорейских проектов, выгодных для развития РДВ. В Вашингтоне надеялись, что Москва в этой связи будет активнее использовать свои возможности влияния на КНДР по сдерживанию модернизации (или даже свертыванию) ее ядерной программы, особенно на фоне неспособности возобновить в той или иной форме многосторонний диалог по этой проблеме, подобный существовавшим ранее Шестисторонним переговорам.

Однако после конфликта на Украине 2013-2014 гг. в подходах к этим вопросам произошли кардинальные изменения. Присоединение Крыма к России было воспринято Вашингтоном не просто как региональная проблема ограниченного масштаба, а как полноценная попытка пересмотра принципов существующего глобального мироустройства под американским лидерством [5, с. 73, 75]. Именно поэтому предполагаемый ответ на такую российскую политику обязательно должен был иметь глобальный (а не чисто европейский) характер. В этих условиях присоединение к режиму антироссийских ограничительных мер максимального количества государств, особенно из числа ближайших союзников, стало для Америки важнейшим имиджевым фактором. На Японию и РК в этой связи со стороны Вашингтона было оказано мощное давление.

При этом Япония, рассматривающая союз с США как краеугольный камень обеспечения своей безопасности, формально не слишком противилась введению санкций. Однако Токио использовал для этого наименее чувствительные пункты двустороннего сотрудничества с Москвой (освоение космоса, экспорт оружия, смягчение визового режима), переговоры по которым в любом случае находились в стадии, ещё далекой от положительного завершения [33].

Вместе с тем, очевидное стремление премьер-министра С. Абэ к налаживанию широких контактов с Россией для прогресса в переговорах по территориальной проблеме негативно воспринималось американским руководством. В частности, Б. Обама призывал Абэ воздержаться от визита в Сочи в мае 2016 г., а вице-президент США Д. Байден высказывал недовольство подтвержденным визитом Путина в Японию в середине декабря 2016 г. Однако, по признанию окружения премьер-министра Абэ, время для активизации политики Токио в отношении Москвы, проявившейся в японских предложениях по сотрудничеству, озвученных в сентябре 2016 г. на Восточном Экономическом Форуме во Владивостоке, было выбрано очень точно [20]. Осенью 2016 г. предвыборная кампания в США серьезно отвлекла Вашингтон от решения таких локальных внешнеполитических задач, как давление на союзников. К тому же именно японские компании относятся к числу крупнейших работодателей в штатах, «колеблющихся» между кандидатами от крупнейших партий (*ориг. англ.* Swing states), где традиционно идет самая напряженная борьба за голоса избирателей.

Несмотря на протесты американской стороны, первый с 2005 г. визит президента России В. Путина в Японию 15-16 декабря 2016 г. состоялся. По заверению обеих сторон переговоры проходили в доверительной форме, а итогом визита стало подписание нескольких десятков соглашений (в т.ч. 12 межправительственных и межведомственных) [28]. Этот визит стал возможен в том числе и благодаря заметно снизившемуся уровню американского давления на Японию в связи с потерей власти Демократической партией на выборах президента, что ослабило внешнеполитические возможности Б. Обамы. Состоявшийся визит президента России в страну «Большой семерки», а также получение ряда торгово-инвестиционных предложений от одной из крупнейших мировых экономик, являются серьезными успехами Москвы и чувствительным ударом по упоминавшейся ранее доктрине «глобального» санкционного сдерживания её Вашингтоном. При этом, отвечая на вопросы относительно главной темы переговоров для японцев – урегулирования Ку-

рильской территориальной проблемы, В. Путин фактически поставил прогресс по ее решению в прямую зависимость от развития в будущем американо-японского договора о безопасности, напомнив в частности о геополитической значимости Курильских остров в контексте доступа кораблей ТОФ в Тихий океан [14]. Очевидно, данная позиция стала закономерной реакцией на последовавшее в ноябре заявление генерального секретаря Совета национальной безопасности Японии Сётаро Яти о том, что в случае обретения суверенитета Токио над «северными территориями» они автоматически подпадают под американские гарантии безопасности, включая и возможность размещения военных баз США [39].

В то же время Республика Корея, несмотря на серьезный уровень американского давления после начала событий на Украине, неофициально признававшийся корейскими дипломатами, в итоге «отделалась» публичным непризнанием итогов крымского референдума, продолжив, по выражению корейских предпринимателей, «гонку с Китаем за Дальний Восток» [32]. Особенно раздражительно для США в данном случае выглядит участие южнокорейского бизнеса в инфраструктурных проектах, повышающих качество жизни на региональном уровне. Прежде всего, это проектирование Владивостокской кольцевой автодороги (ВКАД), которым занимается корпорация «Юшин Инжиниринг», а разработку технического задания финансирует Корейская ассоциация строителей международных проектов, курируемая правительством РК.

Впрочем, некоторые российские эксперты склонны считать, что участие южнокорейцев в подобных проектах не обошлось без неофициального одобрения Вашингтона, а вызвано это согласие было желанием «не отключать» Россию от переговоров по проблеме Корейского полуострова [30, с. 21], которые все же представляются США в контексте российско-корейских отношений более значимыми. Однако, в условиях очевидной неспособности международного сообщества (в т.ч. и Российской Федерации) сдерживать развитие северокорейской ядерной программы, а также туманных перспектив проводившегося Сеулом в последние годы внешнеполитического курса после импичмента президенту Пак Кын Хе, говорить даже о постепенном «выравнивании» внимания РК в отношении всех трех стран треугольника «Россия-США-Китай» представляется преждевременным.

Тем не менее сама ситуация с давлением Вашингтона на Токио и Сеул по поводу антироссийских санкций способствовала еще большему укреплению отношений Пекина и Москвы, т.е. не только не помогла изоляции России, но и подтолкнула ее к стратегически невыгодному для США шагу.

Серьезным раздражителем в отношениях России с азиатскими странами выступает американская политика по созданию глобальной системы противоракетной обороны (ПРО), тихоокеанский сегмент которой по планам будет являться ее существенной составной частью [26, с. 96-99]. Хотя официально заявлено, что элементы ПРО в Японии и РК не имеют цели изменения баланса ракетно-ядерного сдерживания в отношении России и Китая, а направлены исключительно на сдерживание непредсказуемой КНДР, в дальнейшем эта система будет способна противодействовать ракетам значительно большей дальности – независимо от страны, откуда произведен запуск [19, с. 166]. В этих условиях и КНР, и Россия не могут не рассматривать развертывание подобных систем, как угрозу своим долгосрочным интересам. Бурные дискуссии относительно развертывания в РК (после очередных ядерных испытаний в Северной Корее) зенитно-ракетных комплексов ТНААД еще больше усиливают негативный фон в отношениях Пекина и Москвы с Сеулом.

На линии соприкосновения: взгляды через океан

Наконец, отдельного внимания при рассмотрении российско-американских отношений в АТР заслуживают внутренние административно-территориальные единицы России и США, находящиеся на тихоокеанском побережье и ориентированные на АТР (субъекты ДВФО РФ и тихоокеанские штаты США соответственно). Ключевым драйвером развития американских проектов на РДВ является Генеральное консульство США во Владивостоке. Эта роль была уготована ему изначально еще во второй половине 1992 г., когда генконсульство возобновило работу после длительного перерыва, связанного с закрытым статусом г. Владивостока в советские годы. Дипломатическая миссия США в России была довольно ограничена в выборе своих консульских «точек» (на данный момент, не считая консульского отдела посольства, их всего три – в Санкт-Петербурге, Екатеринбурге и Владивостоке). В этой связи, очевидно, что центр Приморья был выбран с учетом специфики его географического положения, позволяющего даже не столько эффективно охватить пространство РДВ, сколько расположиться в самом «сердце» российского плацдарма для выхода в АТР и держать под наблюдением процесс интеграции Москвы в регион. Это обстоятельство в определенной степени объясняет как целеполагание в политике Вашингтона по отношению к РДВ, так и причины неудач в ее практической реализации за постсоветский период.

Консульский округ Генконсульства США во Владивостоке очерчен рамками ДВФО и включает в себя те же 9 субъектов РФ [18]. При этом репрезентативность и активность деятельности американского учреждения достаточно низка, чему способствует ряд факторов, главный из которых – общий негативный фон двусторонних отношений. Формируемая российской медийной средой репутация американской дипломатии, как дестабилизатора внутренней ситуации в иностранных государствах, несет для лиц и учреждений, ведущих прямой диалог с Генконсульством, определённые политические риски. Таким образом, перечень мероприятий с американским участием на РДВ ограничивается гуманитарными неполитизированными проектами – школами английского языка для детей, визитами известных музыкантов, спортсменов и т.п. [2] В то же время сотрудничество с государственными российскими учреждениями сведено к своему протокольному минимуму.

Вместе с тем, в последние годы изменилось отношение Государственного департамента к дипломатии «на местах». Если предыдущий посол США в России Майкл Макфол (2012-2014) в ходе своей работы не раз подвергался критике за нежелание организовывать работу дальше пределов Москвы [9, с. 11], то его преемник Джон Теффт, напротив, повысил внимание к т.н. «региональной дипломатии». За два года работы нового посла количество поездок американских дипломатов по России значительно увеличилось, в том числе на РДВ. Владивосток за последнее время посетили сам посол (сентябрь 2015 г.), его заместитель Линн Трейси (февраль 2016 г.) и руководитель политического отдела посольства Энтони Годффри (май 2016 г.). Рядом российских аналитиков череда этих визитов расценивалась, прежде всего, с точки зрения мониторинга внутривнутриполитической ситуации в регионе в преддверии выборов в Государственную Думу РФ VII созыва [23]. В этой связи говорить о постоянном интересе дипломатии США непосредственно к Приморью как форпосту российской политики в АТР можно будет только при условии сохранения соответствующей активности и в последующий период.

За последние два десятилетия существенно снизилась экономическая составляющая связей РДВ и США. Если в 1998-1999 гг. доля США в товарообороте с субъектами ДВФО достигала 18,5-21% [10], то в 2016 г. (по состоянию на август) – около 6% [4]. При этом следует отметить, что до введения санкций в 2014 г. этот показатель падал еще ниже, доходя до 2-2,5%. Нынешний небольшой рост связан с аналогичным трендом в общем объеме российско-американских торговых отношений. Несмотря на падение объема в абсолютном выражении, процентная доля США в российском внешнетор-

говом обороте растет. Пока основную тяжесть санкций несут на себе страны ЕС, американские корпорации занимаются долгосрочными инвестициями и получают в России свою долю рынка [42], в частности это касается авиационного концерна Boeing и сельскохозяйственного Cargill. Интересным фактом является и то, что в условиях экономического кризиса россияне стали предпочитать ресторанам сети быстрого питания. «Российская» выручка «большой тройки» американских компаний фастфуда (McDonald's, KFC и Burger King) выросла в 2015 г. вдвое, и на 2016 г. они запланировали расширение своего присутствия, в т. ч. в субъектах Сибири и РДВ [24]. Так, в октябре 2016 г. во Владивосток пришла франшиза KFC. Вместе с тем, продуктивное эмбарго России сказалось и на американских производителях. Интересен пример компании из Аляски «Great Pacific Seafood», которая обанкротилась в мае 2016 г. из-за прекращения поставок в Россию красной икры [31].

Не лучшие времена сейчас переживает Российско-Американское Тихоокеанское партнерство (РАТОП) – механизм межрегионального делового и коммерческого сотрудничества между РДВ и Западным побережьем США, созданный в 1994 г. Количество участников ежегодных встреч сократилось приблизительно втрое, а взаимные санкции существенно сузили повестку дня форума. Кроме того, как отмечает исполнительный директор РАТОП Дерек Норберг, многие американские компании отказываются от участия в выполнении заказов для российских контрагентов превентивно – не из-за уже действующих санкционных запретов, а в силу неясной политической ситуации и возможности скорого введения новых, более жестких ограничительных мер, что делает уровень риска сотрудничества неприемлемым [13].

Косвенным доказательством отсутствия запроса на политический и экономический диалог в АТР и желания лишь наблюдать за стратегическими действиями Москвы в регионе со стороны Вашингтона может служить выбор для владивостокской консульской «точки» впервые за долгое время специалиста «силового» профиля – назначенного в августе 2016 г. новым генеральным консулом США Майкла Кийса. Он специализируется на вопросах национальной безопасности, проходил обучение в военных учреждениях США, и в т. ч. являлся резервистом Службы береговой охраны [21].

Представительство России на тихоокеанском побережье США также выражено слабо. Хотя из четырех российских консульских пунктов в США два расположены в западной части страны (в Сан-Франциско и Сिएтле), сфера их ответственности включает в себя совокупно 18 штатов (из 50), с удалением крайних точек округов от консульств более чем на 3 тыс. км. [17]

Это обстоятельство отвлекает консульских работников от непосредственно тихоокеанской повестки двусторонних отношений. Ослабило двусторонние культурные и торговые контакты и решение Госдепартамента в январе 2016 г. о ликвидации пяти почетных консульств РФ (возглавлявшихся американскими гражданами), в т. ч. в г. Сакраменто (Калифорния).

При этом материальным олицетворением богатой истории российско-американских отношений на Тихом океане, включающей в себя не только вопрос приобретения Аляски, можно считать расположенную в штате Калифорния крепость Форт-Росс – бывшее поселение российских торговых колонистов в Северной Америке в XIX веке. Сегодня этот исторический комплекс принадлежит американской некоммерческой организации Fort Ross Conservancy, которая превратила его в центр притяжения совместных культурных проектов – на базе Форт-Росс ежегодно проводится несколько десятков мероприятий, отражающих тематику традиционной русской культуры. Примечательным с академической и политической точки зрения фактом является проведение ежегодной конференции «Диалог Форт-Росс». В ее рамках обсуждается широкий круг вопросов, связанных с тихоокеанской повесткой российско-американских отношений – в политике, торговле, культуре [27, с. 125-126]. Сегодня аналогов этой диалоговой площадке по тихоокеанской проблематике на территории США не имеется. Вместе с тем, негативные тренды в отношениях привели к значительному снижению уровня российского представительства – если в 2014 г. Форум посетил лично посол России в США С. Кисляк, то в 2015 – специальный представитель Президента по международному культурному сотрудничеству М. Швыдкой (посольство РФ было представлено руководителем экономического отдела М. Калугиным). В 2016 г. во главе российской стороны заявлены первый секретарь посольства О. Жиганов и генеральный консул в Сан-Франциско С. Петров.

Повестка «Диалога» в определенной степени характеризует общее американское понимание потенциала России в АТР. Так, в ходе Форума 2015 г. основной тон в заявленном заранее списке тем задавали «китайский» фактор, а именно возможность создания полноценного стратегического союза КНР-РФ и его возможная политика по отношению к США, а также уровень готовности России присоединиться к американской трактовке нетрадиционных угроз в АТР, связанных с терроризмом и транснациональной преступностью. Впрочем, в ходе самого обсуждения участники предсказуемо ушли от региональной проблематики в сторону анализа глобального положения двух держав, что может служить еще одним косвенным подтверждением острого дефицита в позитивной региональной повестке [27, с. 127-128].

Президентские выборы-2016: есть ли жизнь после Трампа?

Существенное ухудшение российско-американских отношений стало одним из главных внешнеполитических итогов второго президентского срока Барака Обамы. Начавшееся еще в ходе предвыборной кампании-2012 – с игнорирования президентом Обамой саммита АТЭС во Владивостоке – к концу 2016 г. оно достигло накала, сопоставимого с временами холодной войны. Однако проводимые 44-м президентом США внутриполитические инициативы, вкуче с изменяющимися общественными настроениями в самой Америке, привели к ощутимым электоральным сдвигам. Результатом этих сложных общественно-политических процессов стала президентская предвыборная кампания 2016 г., по общему мнению экспертов и политических обозревателей ставшая самой нетипичной за последние несколько десятков лет. По ее итогам новым президентом США, который вступит в должность 20 января 2017 г., стал член Республиканской партии Дональд Трамп.

Анализ потенциальных внешнеполитических шагов новой администрации, в том числе в отношении России и тихоокеанского направления двусторонних отношений, на данном этапе представляется затруднительным. Прежде всего, обращает на себя внимание отсутствие четко сформулированной внешнеполитической стратегии Трампа. Почти вся его предвыборная риторика была построена на обсуждении вопросов, напрямую касающихся «рядового американца», т.е. вопросов преимущественно внутренней политики. Тезисы же внешнего характера поднимались только при наличии «внутреннего запроса» на них. Так, фактически главный международный пункт программы Трампа – обострение позиции по Китаю и тарифному урегулированию в американо-китайских отношениях – был связан с ожиданиями избирателей, наиболее пострадавших в свое время от переноса промышленных производств из США, и жаждущих их возвращения для появления новых рабочих мест. Особенно это касается штатов так называемого «ржавого пояса» (*ориг. англ.* Rust Belt), оказавших решающее влияние на победный расклад для Трампа в голосовании коллегии выборщиков, хотя изначально большинство из них «по умолчанию» воспринимались в качестве сторонников другого кандидата Х. Клинтон (Пенсильвания, Огайо, Мичиган). Другие относительно заметные заявления новоизбранного президента США по международной тематике касались борьбы с ИГ и другими террористическими группировками на Ближнем Востоке, а также более «сдержанного» участия США в деятельности многосторонних организаций (НАТО) или выхода из таковых (ТТП), что тоже может найти отклик у прак-

тически любого гражданина США. Более узкие вопросы, в том числе касательно сохранения или смены стратегии «разворота» в АТР, Трампом не поднимались, а ответы на соответствующие вопросы СМИ и общественности не содержали конкретных предложений.

Уже после победы на первом этапе выборов Трамп столкнулся с определенными сложностями при формировании своей будущей «команды». Во-первых, уверенность многих даже внутри Республиканской партии в победе Х. Клинтон, а также неоднозначное отношение к миллиардеру со стороны руководства партии сузили число сторонников и помощников Трампа в предвыборной борьбе до минимума. Во-вторых, не будучи до этого членом не только политической элиты, но и политической системы вообще, Трамп оказался лишен привычного для других выигрывавших кандидатов кадрового резерва из «профессиональных» политиков. И, наконец, в-третьих, уже в ходе комплектования будущей администрации произошла смена руководства переходного штаба (который в итоге возглавил избранный вице-президент Майкл Пенс, ставленник партии), в результате чего уже практически укомплектованный сторонниками Трампа в предвыборной борьбе кабинет внезапно стали кадрово «перекраивать» вновь.

В результате, «международный» блок будущей администрации президента предстал в довольно неожиданном виде. Из четырех ведущих фигур по степени влияния на внешнеполитический процесс в США (госсекретарь, министр обороны, советник президента по национальной безопасности и директор ЦРУ) ни один из кандидатов на эти должности не является ставленником руководства Республиканской партии. Министр обороны Джеймс Мэттис и советник по национальной безопасности Майкл Флинн – отставные генералы без политического опыта, директор ЦРУ Майкл Помпео – конгрессмен из числа крайне консервативного крыла республиканцев, а госсекретарь Рекс Тиллерсон – бизнесмен, глава крупнейшей частной нефтяной компании ExxonMobil [12].

Перспективы изменения характера российско-американских отношений при новой администрации находятся в центре обсуждения как американских политиков и экспертов, так и в остальном мире. В ходе предвыборной кампании многие СМИ и некоторые западные политики критиковали Д. Трампа за положительную оценку деятельности президента В. Путина, а также за готовность к ограниченному сотрудничеству, в частности совместной борьбе против терроризма на Ближнем Востоке. Оппоненты из Демократической партии США даже пытались представить Д. Трампа «марионеткой

Кремля», используя для этого обвинение в якобы имевшем место вмешательстве Москвы в президентские выборы посредством кибератак. Назначенцев «международного» блока новой администрации также пытаются упрекнуть в пророссийских настроениях [47].

Большой критики удостоилось выдвижение на пост государственного секретаря Рекса Тиллерсона. Будучи председателем совета директоров и главным управляющим ExxonMobil, он многие годы успешно вел дела компании и в России, став в 2012 г. кавалером российского Ордена Дружбы. Несмотря на то, что отношения ExxonMobil с российским государством в течение деятельности нефтегиганта в РФ не были идеальными (в частности, из-за судебных процессов о переплате налога на прибыль, а также претензий Москвы к соблюдению экологических норм на проекте «Сахалин-1»), серьезный бизнес-интерес сделал ExxonMobil одним из влиятельных пророссийских лоббистов в США. Еще в 2009 г. компания оказалась одной из восьми, спонсировавших амбициозный проект Центра стратегических и международных исследований (CSIS) «Russia Balance Sheet» по изучению политических позиций Москвы и выработки рекомендаций по всеобъемлющей стратегии в отношении России для руководства США [9, с. 13]. После введения в 2014 г. ограничительных мер в отношении России, ExxonMobil, являясь одной из пострадавших от санкций сторон, выступает за снятие, или, по крайней мере, смягчение санкционного режима.

Большой сенсацией в Америке стала новость о том, что Россия не вошла в список главных угроз национальной безопасности США, составленный для министерства обороны переходной администрацией Трампа [43]. Еще до официального вступления в должность он декларировал несколько шагов, имеющих важное значение для будущей американской политики в АТР. Так, он подтвердил своё намерение вывести США из ТТП «в первый же день президентства» [37]. При этом существует вероятность, что администрация Трампа при этом не откажется от идеи заключения схожих с ТТП соглашений, но на двусторонней основе. Д. Трамп прибегает к жесткой риторике в адрес КНР, что подтверждает, в частности, эпизод с «похищением» американского подводного беспилотного аппарата 15 декабря 2016 г. Осложнил американо-китайские отношения и ответ Трампа на телефонный звонок президента Тайваня Цай Инвэнь, который позволил будущему американскому лидеру поставить под сомнение политику «единого Китая», проводимую Вашингтоном с 1970-х гг.

При этом, учитывая, что важную роль в американской политике в АТР играет не только федеральное правительство, но и штаты тихоокеанского побережья, следует обратить внимание на рейтинг популярности Д. Трампа на региональном уровне. В ходе президентских выборов из пяти тихоокеанских штатов он победил только на Аляске. Все остальные четыре – Вашингтон, Орегон, Калифорния и Гавайи – отдали предпочтение Х. Клинтон, причем она везде победила разгромно, набрав в 1,5-2 раза больше голосов [6]. Сам факт преимущества демократических кандидатов на тихоокеанском побережье стал в последние годы традиционным. Однако резкое отношение Трампа к нелегальной иммиграции и в связи с этим некоторая предвзятость в отношении ряда этнических групп довели его рейтинг до очень низкой отметки – особенно в Калифорнии и на Гавайях, где совокупное количество граждан США афроамериканского, азиатского и латиноамериканского происхождения превышает 50% [34]. Кроме того, и в более традиционных, «бело-европейских» Орегоне и Вашингтоне непопулярность Трампа вылилась в достаточно серьезные протестные выступления, длившиеся несколько дней после выборов.

Отсутствие у Д. Трампа четкой внешнеполитической программы, в том числе в отношении АТР, оставляет большое пространство для прогнозов. Выдвинув по сути только один очевидный тезис по региональной проблематике (жесткое противостояние с «агрессивно возвышающимся» Китаем), новый президент США, очевидно, продолжит курс прежней администрации по переориентации главного внимания на Тихий океан и сдерживанию Пекина. В этих условиях, несмотря на возможность качественного изменения российско-американских отношений на глобальном уровне, региональная повестка, которую новый глава США может предложить Москве, вряд ли будет сильно отличаться от предыдущих администраций. При недостатке устойчивых экономических связей между тихоокеанскими регионами двух стран, «драйвером» сотрудничества между двумя государствами в АТР способна стать только «большая геополитика», а именно предложение России не углублять стратегический альянс с КНР. При этом не исключено, что Трамп поставит реализацию других предложений по американско-российскому сотрудничеству на глобальном и региональных уровнях в прямую зависимость от ответа Москвы на «пекинский вопрос». В этой связи отсутствие его комментариев по итогам визита В. Путина в Токио в декабре 2016 г. можно оценить, как готовность предоставить большие возможности своим союзникам в регионе развивать отношения с Россией. В этой связи Д. Трамп может принести в жертву стратегию «глобального сдер-

живания» Москвы из-за крымской проблемы ради постепенного усиления сотрудничества РФ с Японией и Южной Кореей, где уже имеются условия для развития подобного диалога.

***

Тихоокеанское измерение российско-американских отношений, никогда не отличавшееся глубиной наполнения, и сегодня представляет собой «бледную тень» повестки диалога Москвы и Вашингтона на других региональных направлениях. При этом в условиях, когда обе страны заявили о намерении «повернуться» к АТР и расширить свое присутствие в регионе, как никогда важно понимать логику поведения и намерения друг друга.

Для успешной реализации стратегии «поворота на Восток» Москва заинтересована в недопущении становления в регионе единого центра силы, кто бы им ни был. Россию не устроят в этой роли ни США, ни КНР, поскольку в любом случае она окажется в маргинализированном положении, когда не останется вариантов, кроме как примкнуть к коалиции с соответствующим лидером (причем на изначально политически невыгодных условиях), либо остаться в политической и экономической изоляции. Плюс российского положения в АТР — это изначально позиция «третьей силы», которая может примыкать к одному из двух «тяжеловесов» для поддержания баланса сил в регионе, тем самым способствуя сохранению в нем стабильности.

В нынешней ситуации российско-китайский союз объективно способствует уравниванию модернизирующейся системы проамериканских военно-политических альянсов, и существенно ограничивает возможности США и их союзников по реализации стратегии сдерживания Китая. «Поворот на Восток», направленный на диверсификацию региональных экономических связей и развитие РДВ, возможен только в условиях продолжения устойчивого экономического роста и отсутствия серьезных конфликтов в АТР. В этой связи американская концепция «фрагментации» единого азиатско-тихоокеанского пространства, апробировавшаяся при реализации ТТП (основанного на членстве избранных) в пику другим интеграционным инициативам, включающим всех желающих (например, АТЭС), может сдерживать этот рост [15, с. 374]. Одновременно в сфере безопасности США, используя возможности давления на своих союзников через действующие двусторонние альянсы, ограничивают сотрудничество стран ВА с РФ и препятствуют формированию полноценной региональной архитектуры безопасности [29].

России следует имеющимися у нее дипломатическими и политическими средствами противостоять размыванию единого политического и экономического пространства АТР. При этом важными союзниками России в этом процессе, помимо соседей по Северо-Восточной Азии, могут стать страны Юго-Восточной Азии, которым Москва способна предложить помощь в различных сферах безопасности: как в экспорте новых систем вооружений, так и в имплементации своего успешного опыта противодействия религиозному экстремизму [8].

Литература

1. Батюк В.И. Советско-американские и российско-американские двусторонние режимы (1945-2005 гг.) : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук / ИСКРАН. Москва, 2008. 40 с.

2. Блог Генерального консульства США во Владивостоке [Электронный ресурс] // Живой журнал. URL: <http://vladconsulate.livejournal.com/>.

3. Братерский М.В., Суслов Д.В. Возвращение США на Тихий океан // Политика США в Азиатско-Тихоокеанском регионе: Сб. научных трудов / РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. глобал. и регионал. проблем. Отд. Зап. Европы и Америки. М., 2014. С. 8-44.

4. Внешняя торговля субъектов Российской Федерации ДФО [Электронный ресурс] // Дальневосточное таможенное управление. URL: http://dvtu.customs.ru/index.php?option=com_content&view=category&id=63&Itemid=282.

5. Войтоловский Ф.Г. Российско-американские отношения в контексте украинского кризиса: тенденции и перспективы // Пути к миру и безопасности. 2015. № 1 (48). С. 67-84.

6. Выборы президента США-2016 (инфографика) [Электронный ресурс] // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/infografika/20161108/1480826542.html>.

7. Выступление и ответы на вопросы Министра иностранных дел России С.В.Лаврова в рамках «Правительственного часа» в Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, Москва, 20 мая 2015 года [Электронный ресурс] // МИД России. URL: http://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news//asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/1299243?p_p_id=101_INSTANCE_cKNonkJE02Bw&_101_INSTANCE_cKNonkJE02Bw_languageId=ru_RU.

8. Габуев А. Какую нишу ищет Россия на азиатском рынке безопасности [Электронный ресурс] // Московский Центр Карнеги. URL: <http://carnegie.ru/commentary/?fa=63739>.

9. Габуев А. Ярые советчики // Коммерсантъ-Власть. 2014. № 19. С. 11-15.
10. Гарусова Л.Н. Российско-американские региональные отношения на Дальнем Востоке: история и современность [Электронный ресурс]: монография / Л. Н. Гарусова – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2001. URL: http://abc.vvsu.ru/books/m_rosamo/page0011.asp#_ftn843.
11. Губин А.В. Кризис американской военно-морской стратегии в Восточной Азии // Азиатско-тихоокеанский регион: Экономика, политика, право. 2014. № 3-4 (32). С. 25-33.
12. Демидов П. Богачи и генералы: кто поможет Трампу делать Америку снова великой [Электронный ресурс] // Московский Центр Карнеги. URL: <http://carnegie.ru/commentary/?fa=66438>.
13. Дерек Норберг: «Остановить санкции не так сложно, как кажется» [Электронный ресурс] // Дейта.ру. URL: <http://deita.ru/news/economy/20.08.2015/4953682-derek-norberg-likvidirovat-sanktsii-ne-tak-slozhno-kak-kazhetsya/>.
14. Заявления для прессы и ответы на вопросы журналистов по итогам российско-японских переговоров [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/53474>.
15. Киреева А.А. Стратегия США в Восточной Азии // Ситуационные анализы. Вып. 4: Америка в фокусе российских исследователей: история и современность / под ред. Т.А. Шаклеиной. М.: МГИМО-Университет, 2014. С. 361-379.
16. Кистанов В.О. АТР на пороге XXI века: к тихоокеанскому сообществу «азиатским путём»? // Проблемы Дальнего Востока. 1998. № 1. С. 36.
17. Консульские учреждения Российской Федерации в США [Электронный ресурс] // Посольство Российской Федерации в США. URL: <http://www.russianembassy.org/ru/page/консульские-учреждения-российской-федерации-в-сша>.
18. Консульский округ [Электронный ресурс] // Генеральное консульство США во Владивостоке. URL: <https://russian.vladivostok.usconsulate.gov/consdistrict.html>.
19. Коньшев В.Н., Сергунин А.А. Политика США по созданию систем противоракетной обороны в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2016. № 5 (338). С. 165-177.

20. Коростиков М. Япония начала многоходовую комбинацию // Газета Коммерсантъ. 2016. № 163. С. 4.
21. Новым генеральным консулом США во Владивостоке стал вожа-тый бойскаутов [Электронный ресурс] // PrimaMedia. URL: <http://primamedia.ru/news/politics/26.08.2016/527048/novim-generalnim-konsulo-m-ssha-vo-vladivostoke-stal-vozhatiy-boyskautov.html>.
22. Поворот на Восток: Развитие Сибири и Дальнего Востока в усло-виях усиления азиатского вектора внешней политики России / отв. ред. И.А. Макаров. М.: Международные отношения, 2016. 448 с.
23. Посол США ездит по России и «меряет температуру» [Электрон-ный ресурс] // Антимайдан. URL: <https://antimaidan.ru/article/2725> (дата об-ращения: 05.10.2016 г.).
24. Россияне в кризис стали чаще питаться фастфудом [Электронный ресурс] // РБК. URL: <http://www.rbc.ru/rbcfreenews/5624396f9a7947ce3111ec67>.
25. Севастьянов С. Интеграционные проекты Китая в АТР и Евразии [Текст] / С. Севастьянов // Мировая экономика и международные отноше-ния. 2016. № 4, т. 60. С. 5-12.
26. Сидорин А.Н., Прищепов В.М., Акуленко В.П. Вооруженные си-лы США в XXI веке: Военно-теоретический труд. М.: Кучково поле, Воен-ная книга, 2013. 800 с.
27. Синенко И.Ю. Возвращение к истокам российско-американских отношений: «Диалог Форт-Росс» // Известия Восточного института. 2016. № 1 (29). С. 124-128.
28. Список документов, принятых в ходе визита Владимира Путина в Японию [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента России. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5149>.
29. Тезисы выступления заместителя Министра обороны Российской Фе-дерации А.И.Антонова на 14-й международной конференции по безопасности в Азии «Шангри-Ла Диалог» [Электронный ресурс] // Министерство обороны Российской Федерации. URL: http://function.mil.ru/news_page/person/more.htm?id=12037864@egNews.
30. Толстокулаков И.А. Политика США в отношении Республики Ко-рея: итоги и перспективы // Тихоокеанская политика США во втором деся-тилетии XXI века: материалы круглого стола от 12 ноября 2015 г. / под ред. В.Л. Ларина // У карты Тихого океана. Информационно-аналитический бюл-летень, 2015. № 42 (240). С. 19-23.

31. Форум регионов Дальнего Востока РФ и Западного побережья США открывается в Сан-Франциско [Электронный ресурс] // ТАСС. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3491791>.

32. Южная Корея испугалась китайской экспансии на Дальний Восток [Электронный ресурс] // Дейта.ру. URL: <http://deita.ru/news/economy/09.06.2016/5131430-koreya-budet-borotsya-za-mesto-na-dalнем-vostoke/>.

33. Япония намерена добиться понимания с Россией по вопросу Украины [Электронный ресурс] // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/world/20140323/1000700014.html>.

34. Census 2010 Data [Electronic resource] // Center for New Media and Promotions. URL: <http://www.census.gov/2010census/data/>.

35. Clinton H. America's Pacific Century [Electronic resource] // Foreign Policy. URL: <http://www.foreignpolicy.com/articles/2011/10/11/americas-pacific-century>.

36. Cossa R.A. The United States and the Asia-Pacific Region: Security Strategy for the Obama Administration [Электронный ресурс] // CSIS. February 2009. URL: https://csis-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/legacy_files/files/media/csis/pubs/issuesinsights_v09n01.pdf.

37. Donald Trump outlines policy plan for first 100 days [Электронный ресурс] // CNN. URL: <http://edition.cnn.com/2016/11/21/politics/donald-trump-outlines-policy-plan-for-first-100-days/index.html>.

38. Kissinger G. Kissinger's Vision for U.S.-Russia Relations [Электронный ресурс] // The Wall Street Journal. URL: <http://nationalinterest.org/feature/kissingers-vision-us-russia-relations-15111>.

39. Komaki A. Missed signals by Japan behind Russia's tough stance on isles [Электронный ресурс] // The Asahi Shimbun. URL: <http://www.asahi.com/ajw/articles/AJ201612160060.html>.

40. Lyons J. U.S. Faces Setback in Asia if TPP Trade Deal Doesn't Pass [Электронный ресурс] // The Wall Street Journal. URL: <http://www.wsj.com/articles/u-s-faces-setback-in-asia-if-tpp-trade-deal-doesnt-pass-1471814373>.

41. Report on US-Russia Relations // ISAB. December 2014. 54 с.

42. Rudnitsky J. Putin's Reliance on American Commerce Has Never Been Greater [Электронный ресурс] // Bloomberg. URL: <http://nationalinterest.org/feature/kissingers-vision-us-russia-relations-15111>.

43. Russia Missing from Trump's Top Defense Priorities, According to DoD Memo [Электронный ресурс] // Foreign Policy. URL: <http://foreignpolicy.com/2016/12/20/russia-missing-from-trumps-top-defense-priorities-according-to-dod-memo/>.

44. Schwartz P. Evolution of Sino-Russian Defense Cooperation since the Cold War [Электронный ресурс] // The ASAN Forum. June 2014. URL: <http://www.theasanforum.org/evolution-of-sino-russian-defense-cooperation-since-the-cold-war/>.

45. Shambaugh D. Assessing the US «Pivot» to Asia // Strategic Studies Quarterly. Vol. 7. Issue 2. Summer 2013. P 13-20.

46. Sustaining Global Leadership: Priorities for 21th Century Defense [Электронный ресурс] // US Department of Defense. January 2012. URL: http://archive.defense.gov/news/Defense_Strategic_Guidance.pdf.

47. Trump adviser Michael T. Flynn on his dinner with Putin and why Russia Today is just like CNN [Электронный ресурс] // The Washington Post. URL: <https://www.washingtonpost.com/news/checkpoint/wp/2016/08/15/trump-adviser-michael-t-flynn-on-his-dinner-with-putin-and-why-russia-today-is-just-like-cnn/>.

Приложения

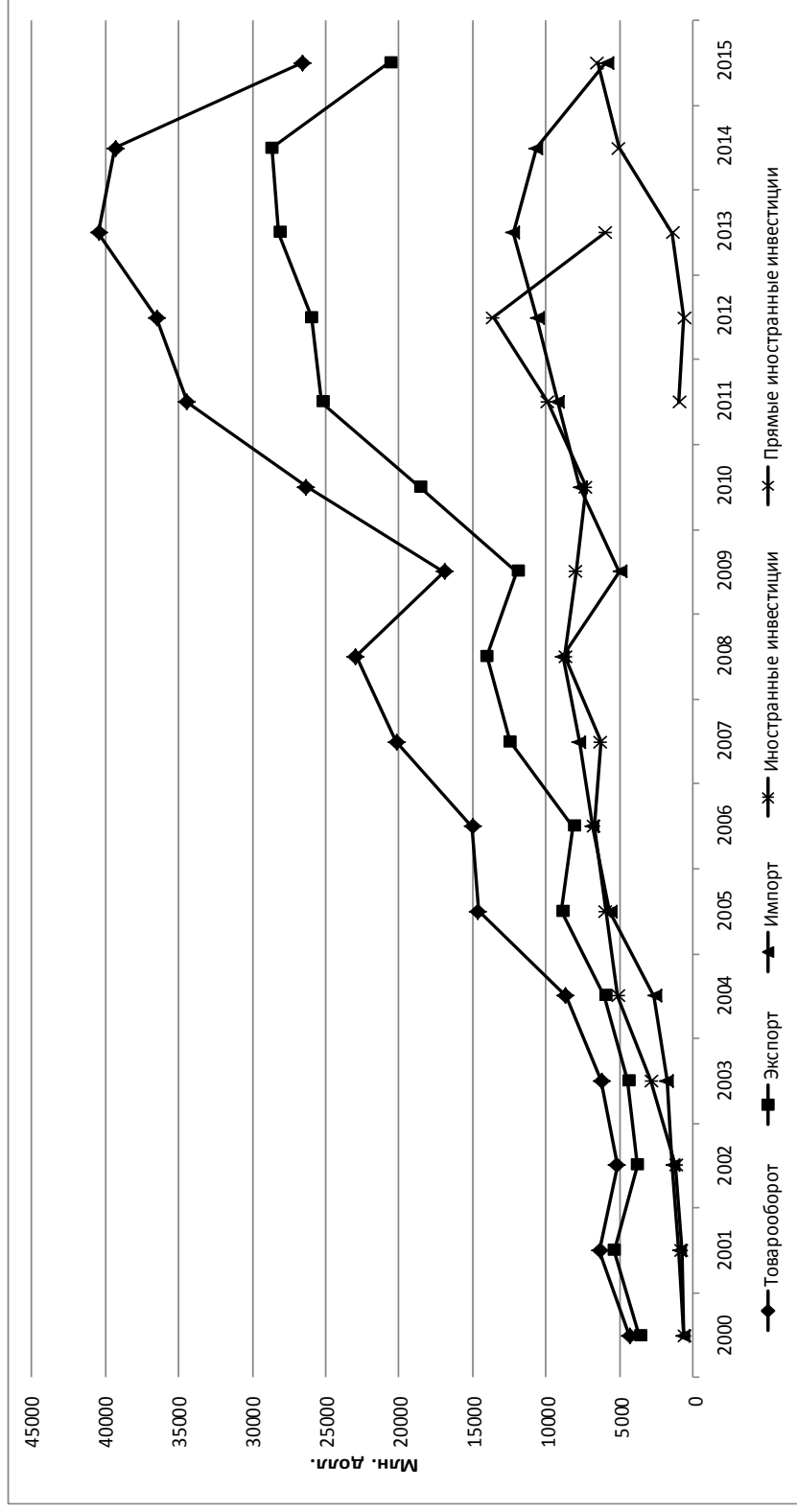

Диаграмма 1. Динамика трансграничных экономических отношений РДВ (2000–2015 гг.)

Составлено на основе: [1; 30; 31; 32; 33; 34; 35; 36; 37; 38; 39; 40; 42; 43; 44; 45; 46; 47; 48; 49; 50; 51].

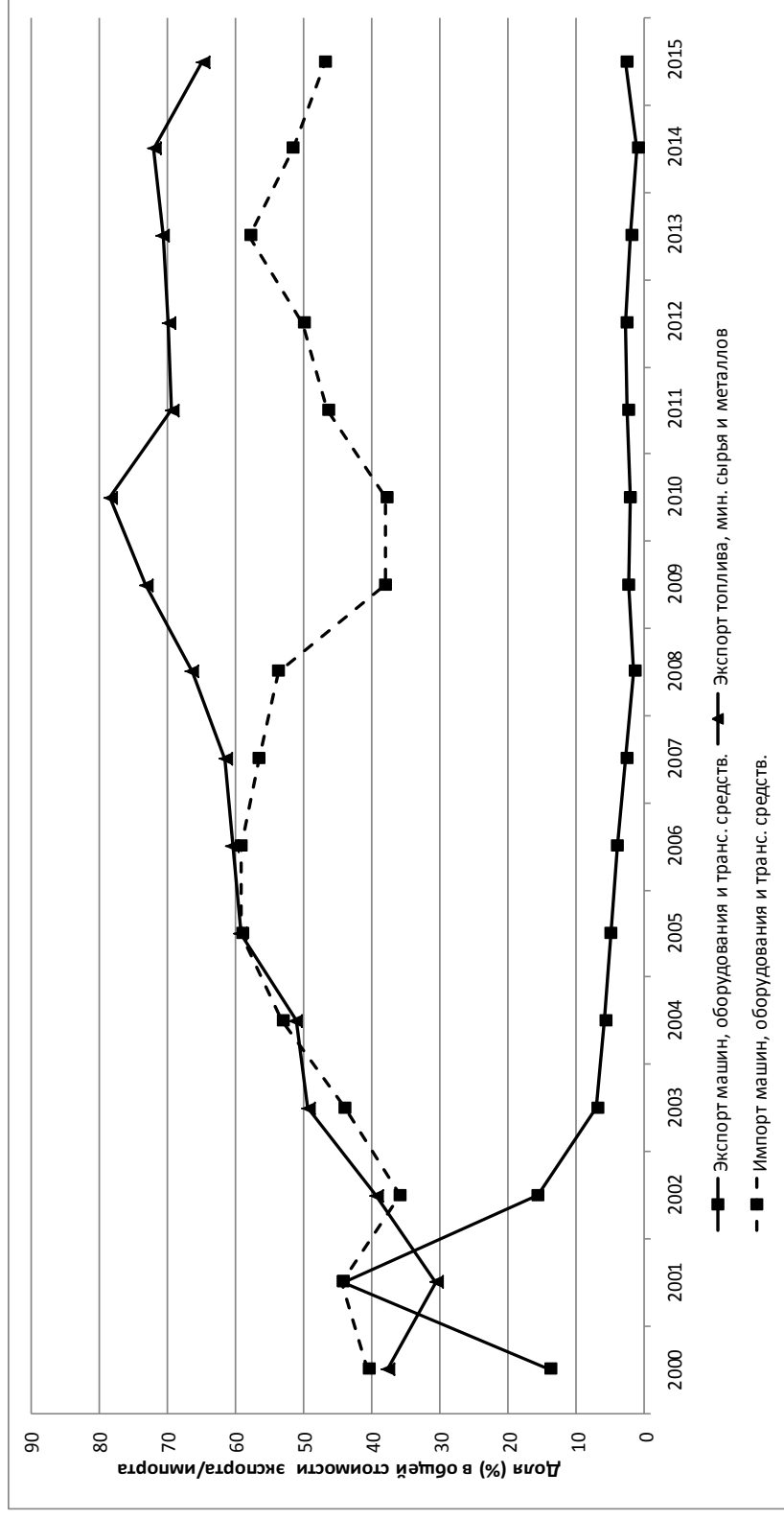

Диаграмма 2. Динамика структуры внешней торговли РДВ (2000–2015 гг.)

Составлено на основе: [2, с. 4–11; 18, с. 421; 19, с. 97–98; 24, с. 157; 25, с. 149–150; 26, с. 86–87; 27, с. 144–145; 28, с. 135–136; 54, с. 150–152].

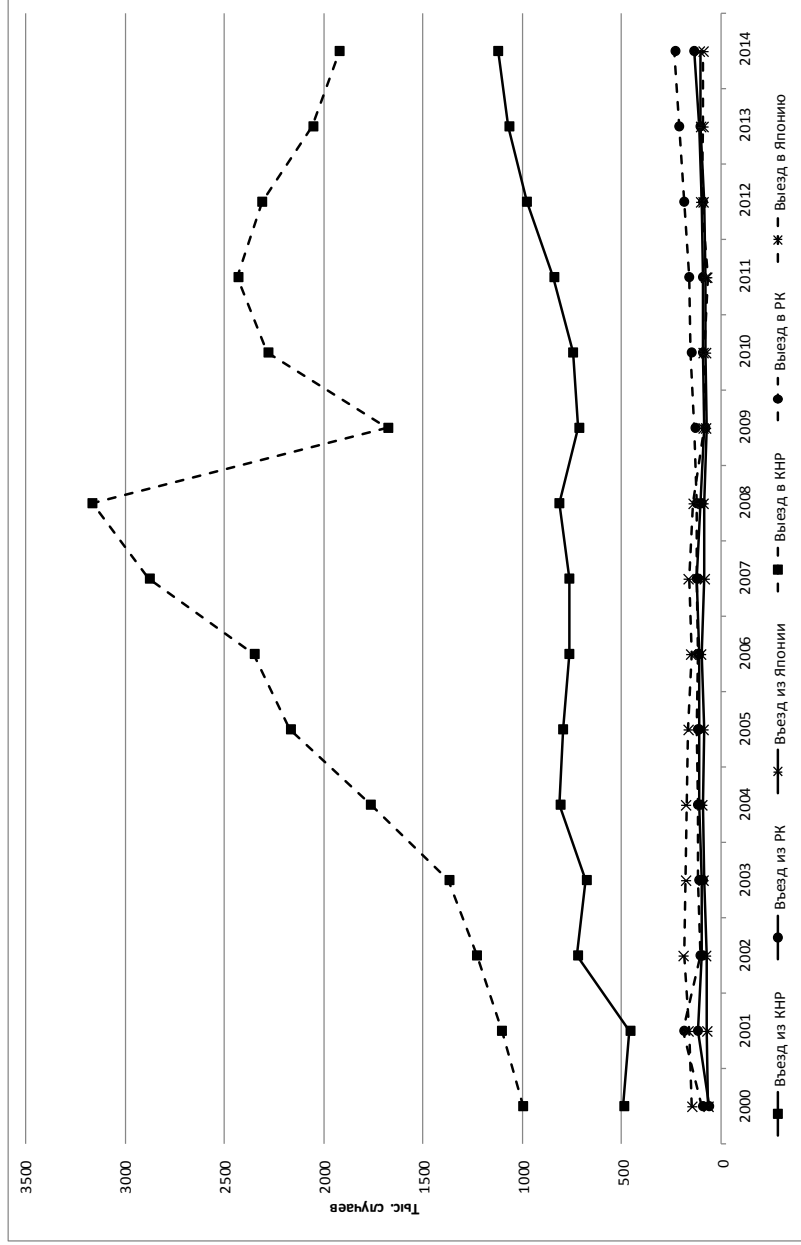
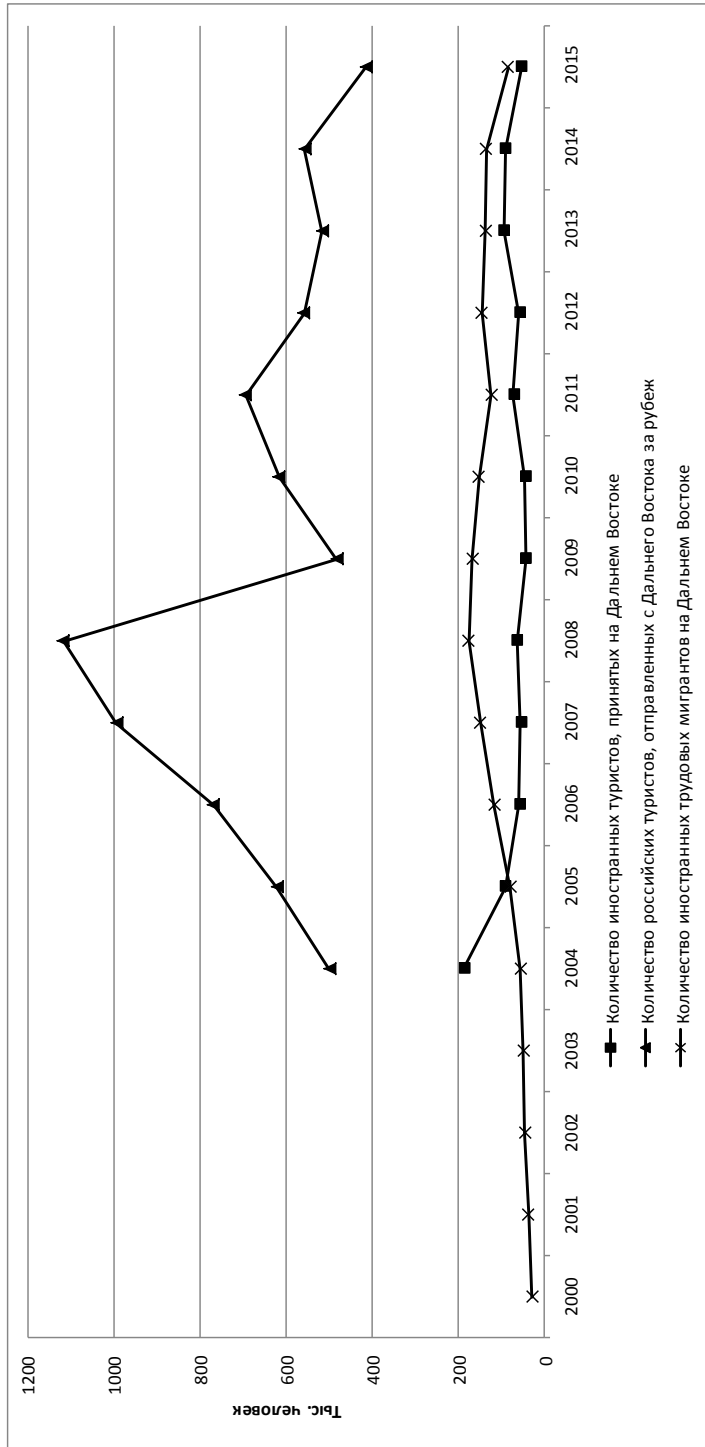

Диаграмма 3. Миграционные потоки между Россией и странами Восточной Азии (2000 – 2014 гг.)

Составлено на основе: [42; 43; 44; 45; 64].

Диаграмма 4. Трансграничная туристическая и трудовая миграция на РДВ (2000–2015 гг.)

Составлено на основе: [8; 14, с. 197; 37; 38; 39; 40; 56; 58; 59; 60; 61; 62; 63; 64].

Сведения об авторах

Бобыло Андрей Михайлович, директор Департамента интернационализации образования, кандидат политических наук, докторант кафедры международных отношений Восточного Института – Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета. E-mail: sibiryak_84@mail.ru

Волынчук Андрей Борисович, доктор политических наук, старший научный сотрудник лаборатории Международных институтов и многостороннего сотрудничества АТР Восточного Института – Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета. E-mail: i-abv@yandex.ru

Голобоков Андрей Сергеевич, кандидат политических наук, доцент кафедры экономики и менеджмента Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. E-mail: golobokov_as@mail.ru

Губин Андрей Владимирович, кандидат политических наук, руководитель Регионального центра азиатско-тихоокеанских исследований РИСИ (Владивосток), доцент Восточного Института – Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета. E-mail: Andrey.gubin@mail.ru

Киреев Антон Александрович, кандидат политических наук, доцент кафедры политологии Восточного Института – Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета. E-mail: antalkir@yandex.ru

Козинец Андрей Игоревич, аспирант кафедры международных отношений Восточного Института – Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета. E-mail: andryas@mail.ru

Козлов Леонид Евгеньевич, кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений Восточного Института – Школы региональных международных исследований Дальневосточного федерального университета. E-mail: leonidkozlov@yahoo.com

Коротич Семен Александрович, кандидат политических наук, младший научный сотрудник лаборатории Международных институтов и многостороннего сотрудничества АТР Восточного института – Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета. E-mail: semyon.korotich@gmail.com

Кравчук Алексей Андреевич, аспирант кафедры международных отношений Восточного института – Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета. E-mail: zkv3krava@mail.ru

Кузнецов Анатолий Михайлович, доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений Восточного института – Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета. E-mail: kuznetsov.2012@mail.ru

Реутов Дмитрий Александрович, внештатный научный сотрудник лаборатории Международных институтов и многостороннего сотрудничества АТР Восточного Института – Школы региональных международных исследований Дальневосточного федерального университета, E-mail: reutov.dmitrii@mail.ru

Севастьянов Сергей Витальевич, доктор политических наук, заведующий лабораторией Международных институтов и многостороннего сотрудничества АТР, профессор кафедры международных отношений Восточного института – Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета. E-mail: ssevastyanov@hotmail.com

Синенко Илья Юрьевич, аспирант, ассистент кафедры международных отношений Восточного института – Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета. E-mail: sinenko63@mail.ru

Смирнов Сергей Маратович, кандидат технических наук, начальник Управления международной деятельности Морского государственного университета им. адм. Невельского. E-mail: ssmirnov@msun.ru

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	3
Часть I. СТРАТЕГИЯ РОССИЙСКОГО «ПОВОРОТА НА ВОСТОК» И НОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ РАЗВИТИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА СТРАНЫ	12
Глава 1. «Незападные» школы международных отношений: углубление фрагментации или выход из кризиса теории?	12
Глава 2. Поворот России на Восток: Pro et Contra	47
Глава 3. Тенденции трансграничных социально-экономических отношений дальневосточного региона России в условиях «поворота на Восток».....	58
Глава 4. Региональная политика России на Дальнем Востоке: в поисках новых инструментов развития (2014 – 2016)	77
Часть II. КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РФ СО СТРАНАМИ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ	95
Глава 5. Экономические аспекты национальной безопасности России в Арктике	95
Глава 6. Нефтегазовые проекты России в Северо-Восточной Азии: проблемы и перспективы международного сотрудничества при их реализации	115
Глава 7. Транспортно-логистическая система России на Дальнем Востоке и проблемы ее интеграции с экономиками стран Северо-Восточной Азии	137
Часть III. РОССИЯ И ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА	152
Глава 8. Военное измерение политического процесса Восточной Азии: вызовы для России	152
Глава 9. Россия и международные военно-морские учения в Азиатско-Тихоокеанском регионе: интересы, задачи, перспективы.....	173
Глава 10. Россия в многосторонних институтах безопасности в Восточной Азии	192
Глава 11. Американский фактор тихоокеанской политики России: проблемы и перспективы	209
Приложения.....	233
Сведения об авторах.....	237

Научное издание

**РОССИЯ В АТР:
роль, интересы и приоритеты обеспечения
региональной безопасности и ускоренного
экономического развития**

Монография

В авторской редакции
Компьютерная верстка *Я.Э. Лужной*
Дизайн обложки *И.А. Кумец*

Подписано в печать 26.12.2016.
Формат 70 x 100 / 16. Усл. печ. л. 19,35. Уч.-изд. л. 17,71
Тираж **xxx** экз. Заказ **xxx**.

Дальневосточный федеральный университет
690950, г. Владивосток, ул. Суханова,8.

Отпечатано в типографии
Дирекции публикационной деятельности ДВФУ
690990, г. Владивосток, ул. Пушкинская,10.